

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2025

1

ТЕМА НОМЕРА
**УНИВЕРСУМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ РОССИИ**

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Реестровая запись Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2025 Сетевое издание Вып. 1

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)
М. В. Жульков, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)
М. А. Меликян, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)
Г. П. Аксенов, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)
П. А. Белоусов, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)
А. Г. Гачева, д-р филол. наук
(Россия, Москва)
Н. Н. Лещина, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)
Т. Н. Соснина, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

О. А. Базалук, д-р филос. наук
(Украина, Киев)
А. В. Брагин, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)
О. А. Габриелян, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)
В. А. Грачев, д-р техн. наук
(Россия, Москва)
Т. С. Злотникова, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)
Н. Н. Кожевников, д-р филос. наук
(Россия, Якутск)
Сильвия Минева, д-р филос. наук
(Болгария, София)
В. В. Мантатов, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)
Зоран Милошевич, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)
С. В. Орлов, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)
В. С. Фунтусов, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:
153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<http://cyberleninka.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Ивановская «Кассиопея»: философское созвездие региона 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть III] 5

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Сухина И. Г. Текст как сущностная манифестация культуры:
концептуальный семантический фокус проблемы..... 18

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Петряков Л. Д. Русский синкретизм в опыте литературы и
философии 29

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Камин А. А. Фантазия в аспекте социально-гуманитарного
знания 37

Котомина Е. И. Конструктивность воображения как гипотеза
в теории познания 45

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Лян Чуньюй. Концепция Н. Я. Марра в истории русской
философии языка и его современная оценка 52

РЕГИОНАЛЬНАЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Брагин А. В. Ивановская ноосферная школа: причины
возникновения и динамика развития 59

Левченко Е. В. «Неуменьшаемая сложность» курской
философии в картине нового мира 67

Поликарпов С. С., Никитенко Т. А. Философский клуб:
концептуальные ориентиры и педагогический контекст 74

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Цюй И. Исследование культурных форм и культурных
выборов китайской модернизации 82

NOUS: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Баринов С. Н. Философия языка эсперанто: тренды и
перспективы 87

Информация для авторов 99

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) as an online edition
Registry entry Эл № ФЦ77-78954 of August 07, 2020

2025	Online edition	Vol. 1
Founder Ivanovo State University		
Editorial Board: <i>D. G. Smirnov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Chief Editor) (Russia, Ivanovo) <i>M. V. Zhulkov</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (executive secretary) (Russia, Ivanovo) <i>M. A. Melikyan</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (technical secretary) (Russia, Ivanovo) <i>G. P. Aksenov</i> , Cand. of Sc. (Geography) (Russia, Moscow) <i>P. A. Belousov</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (Russia, Vladimir) <i>A. G. Gacheva</i> , Dr. of Sc. (Philology) (Russia, Moscow) <i>N. N. Letina</i> , Dr. of Sc. (Culturology) (Russia, Yaroslavl) <i>T. N. Sosnina</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Samara) Editorial Council: <i>O. A. Bazaluk</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Ukraine, Kiev) <i>A. V. Bragin</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Ivanovo) <i>O. A. Gabrielyan</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Simferopol) <i>V. A. Grachev</i> , Dr. of Sc. (Technology) (Russia, Moscow) <i>T. S. Zlotnikova</i> , Dr. of Sc. (Art history) (Russia, Yaroslavl) <i>N. N. Kozhevnikov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Yakutsk) <i>Sylvia Mineva</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Bulgaria, Sofia) <i>V. V. Mantatov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Ulan-Ude) <i>Zoran Milosevic</i> , Dr. of Sc. (Politology) (Serbia, Belgrade) <i>S. V. Orlov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Saint-Petersburg) <i>G. S. Smirnov</i> , Dr. of Sc. (Philosophy) (Russia, Ivanovo) <i>V. S. Funtusov</i> , Cand. of Sc. (Philosophy) (Russia, Vladivostok) Editorial address: 153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiryazev str., 5 Phone. (4932) 30-02-16 E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru Electronic copy of articles posted on sites: http://glonoos.com www.ivanovo.ac.ru , www.elibrary.ru https://cyberleninka.ru	CONTENT EDITORIAL COLUMN Ivanovo "Cassiopeia": the philosophical galaxy of the region ..... 3 REGIONAL ARCHIVE <i>Gumnitsky G. N.</i> Moral act and its evaluation [part III] ..... 5 QUESTIONS OF THEORY AND METHODOLOGY <i>Sukhina I. G.</i> Text as essential manifestation of culture: conceptual semantic focus of the problem ..... 18 MODERN HUMANITIES <i>Petryakov L. D.</i> Russian syncretism in the experience of literature and philosophy ..... 29 PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS <i>Kamin A. A.</i> Fantasy in the aspect of social and humanitarian knowledge ..... 37 <i>Kotomina E. I.</i> Constructiveness of imagination as a hypothesis in the theory of knowledge ..... 45 POINT OF VIEW <i>Liang Chunyu.</i> The concept of N. Ya. Marr in the history of russian philosophy of language and its modern evaluation ..... 52 REGIONAL NOOSPHERIC HISTORY <i>Bragin A. V.</i> Ivanovo noospheric school: causes for emergence and dynamics of development ..... 59 <i>Levchenko E. V.</i> "Irreducible complexity" of Kursk philosophy in the picture of the new world ..... 67 <i>Polikarpov S. S., Nikitenko T. A.</i> Philosophy club: conceptual orientations and pedagogical context ..... 74 PHILOSOPHICAL ESSAY: IN PLAIN TEXT <i>Qu Yi.</i> Study on the cultural forms and cultural choices of chinese- style modernization ..... 82 NOUS: JOURNAL IN JOURNAL APPLIED PHILOSOPHY OF LANGUAGE <i>Barinov S. N.</i> Philosophy of the Esperanto language: trends and prospects ..... 87 Information for the authors 99	

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ИВАНОВСКАЯ «КАССИОПЕЯ»: ФИЛОСОФСКОЕ СОЗВЕЗДИЕ РЕГИОНА

В своей «Критике практического разума» (1788) Иммануил Кант метафорически зафиксировал основания присущей ему философской картины мира. «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Многие почитатели немецко-русского мыслителя просто наслаждаются красивой фразой, кто-то обращает внимание на по сути космопланетарный характер высказывания. Большинство фокусирует внимание на категорическом императиве, оставляя «за кадром» бесконечное звездное небо.

Метафора звездного неба в культуре имеет множество коннотаций — вечность, бесконечность, божественность, совершенность, красота, порядок. В русской языковой картине мира «звездное небо предстает как отражение» (несколько усилим) земного хронотопа [Бакирова, Крюкова, 2020: 27], в том числе и социокультурного. В каждом локусе интеллектуального пространства страны есть свои звезды, порой органично образующие целые созвездия.

Попробуем посмотреть на ноосферу Иванова и региона через призму антропо-звездного пространства. Созвездие Кассиопеи¹ выбрано в качестве «прототипа» не только потому, что оно является незаходящим почти на всей территории России и содержит около 90 звёзд ярче 6^m (то есть видимых невооружённым глазом), но и потому, что оно очень похоже (при повороте на 90° вправо) на греческую букву Σ (сигма), которая служит в математике для обозначения суммы, а в философии означает «сильный синтез».

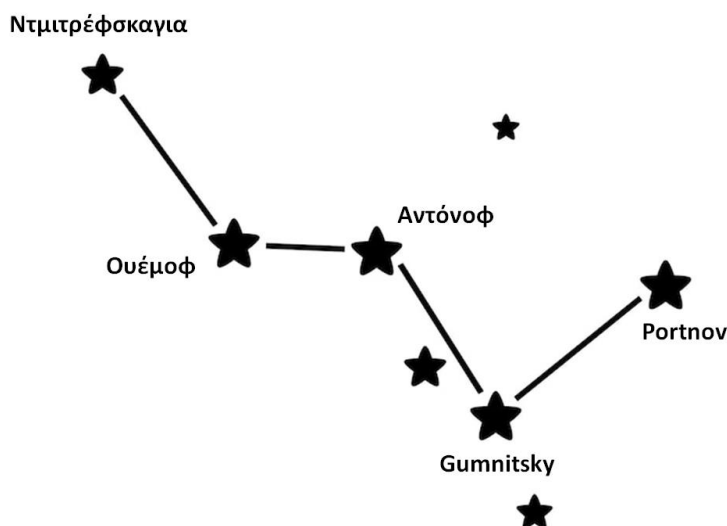
Значим для нашей проблематизации и социально-антропологический смысл Σ -сигмы, выкристаллизовавшийся сравнительно недавно, который отсылает нас к свойствам независимости и самодостаточности. Статус « Σ -сигма» предполагает креативность мышления, нестигаемость воли, мощь (больше моральную и ментальную, нежели физическую). Думается, что все те персоналии, о которых далее пойдет речь, являются воплощением названных качеств.

Философское измерение ноосферной истории ивановского края сохранило в культурной памяти пять наиболее ярких «звезд», которые могут сконструировать философскую Кассиопею (рис.). Это Николай Павлович Антонов, Григорий Николаевич Гумницкий, Авенир Иванович Уёмов, Ирина Владимировна Дмитриевская, Александр Николаевич Портнов.

Именно их творческое наследие лежит в основании научной школы, получившей название «Философия сознания и ноосферы» [Смирнов, 2005]. Своеобразная пентаграмма (которая тоже отсылает к образу звезды) содержательно представлена пятью парадигмами, обогатившими современную российскую философию. Это «язык тернарного описания» (А. И. Уёмов), «основной ноосферный закон» (И. В. Дмитриевская), «основное моральное отношение» (Г. Н. Гумницкий), концепция «субъективного фактора ноосферы» (Н. П. Антонов) и «глубинная семиотика сознания» (А. Н. Портнов).

---

¹ Заметим, что мифологические коннотации, связанные с тягой к спорам и хвостовством Кассиопеи, нерелевантны в рамках научной постановки проблемы.

Ивановская «Кассиопея»: философское созвездие региона

Ивановская «Кассиопея» отнюдь не пятизвездная. Приведенные размышления следует рассматривать, скорее, как подступ к проблеме «ословесненного космоса» ивановской ноосферной истории, которая ждет своего исследователя. Итогом целеполагания в этом контексте может стать своеобразная карта звездного неба интеллектуального Иванова, где будут свои «карлики и гиганты», свои «суперновы», свои многозвездные созвездия.

«Если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно? Значит — кто-то хочет, чтобы они были?» (В. Маяковский). В первую очередь, это нужно сознанию — общественному и индивидуальному — для того, чтобы они освещали контуры разворачивающейся ноосферной реальности.

Библиографический список / References

- Бакирова А. А., Крюкова Н. Ф. Символические признаки концепта «Звезда» в русской языковой картине мира // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 23—29.
 (Bakirova A. A., Kryukova N. F. Symbolic features of the concept "Star" in the Russian linguistic picture of the world, *Tver State University Bulletin. Series: Philology*, 2020, no. 2 (65), pp. 23—29. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
 (Smirnov G. S. *Noospheric consciousness and noospheric reality: philosophical problems of the noospheric universe*, Ivanovo, 1998. 244 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Философия сознания и ноосферы: научная школа в университетском сообществе // Вестник Ивановского государственного университета. 2005. № 2. С. 59—77.
 (Smirnov G. S. *Philosophy of consciousness and the noosphere: a scientific school in the university community*, *Ivanovo State University Bulletin*, 2005, no. 2, pp. 59—77. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

Г. Н. Гумницкий

НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК И ЕГО ОЦЕНКА [ЧАСТЬ III]¹

Аннотация. В фокусе внимания автора — поведение, поступок, моральная оценка — феномены, которые находятся в центре внимания этики как философской науки. Автор анализирует природу и содержание поступка, структуру моральной оценки, ее социальные функции и значение для решения задач нравственного воспитания, обосновывает специфику моральной ценности поступка и его результата. Автор опровергает точку зрения, согласно которой оценка поступка есть результат «сложения» оценки действия и оценки мотива. Действие уже включает влияние мотива и имеет два аспекта: внешнюю значимость и внутреннюю, психологическую обусловленность, которая зависит не только от морального побуждения, но и от других субъективных факторов. Моральное содержание действия — следствие этического потенциала личности, моральная оценка — выражение последнего.

Ключевые слова: поведение, поступок, деятельность, действие, мораль, нравственность, моральное отношение.

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть III] // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 5—17.

G. N. Gumnitsky

MORAL ACT AND ITS EVALUATION [PART III]

Abstract. The author focuses on behavior, action, moral assessment — phenomena that are in the center of attention of ethics as a philosophical science. The author analyzes the nature and content of the action, the structure of moral assessment, its social functions and significance for solving the problems of moral education, substantiates the specificity of the moral value of the action and its result. The author refutes the point of view according to which the assessment of the action is the result of the "addition" of the assessment of the action and the assessment of the motive. The action already includes the influence of the motive and has two aspects: external significance and internal, psychological conditioning, which depends not only on the moral impulse, but also on other subjective factors. The moral content of the action is a consequence of the ethical potential of the individual, the moral assessment is an expression of the latter.

Keywords: behavior, deed, activity, action, morality, ethics, moral attitude (relation).

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2025) Moral act and its evaluation [part III], *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 5—17.

© Гумницкий Г. Н., 1978

¹ Текст приводится по изданию: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка. М.: Знание, 1978. 64 с.

Значение моральной оценки

Практическое значение моральной оценки выражается в осуществлении ею важных социальных функций, свойственных морали, — регулятивно-императивной и воспитательной. Возможность выполнения этих функций основана на способности моральной оценки адекватно отражать внутренний мир личности, этические побуждения и другие субъективные факторы, определяющие ее поступки. Чтобы выполнить свои функции, моральная оценка должна быть способной влиять на содержание воли в определенном направлении, а для этого она должна включать в себя информацию об этом содержании, о состоянии мотивационно-волевой сферы личности, совершающей поступки, о ее этическом потенциале. Правильная моральная оценка является также критерием, исходя из которого, общество определяет свое отношение к личности или социальной группе и вырабатывает программу морально-воспитательной деятельности. И с этой точки зрения очевидна необходимость объективной истинности моральной оценки, ее соответствия своему предмету.

Но может ли моральное оценочное суждение быть истинным? В современной буржуазной этике и философии на этот вопрос чаще всего дается отрицательный ответ, который обусловлен главным образом социальными причинами, хотя имеет и свои гносеологические корни.

Вопрос об истине в области морали, конечно, далеко не простой. Прежде всего, на наш взгляд, надо подчеркнуть, что понимание истинного в морали должно согласовываться с общим понятием истины как соответствия наших представлений объективному положению вещей, отражаемому предмету. Если мы, например, высказали оценочное суждение: «Иванов поступил морально», то, если он действительно поступил морально, наше высказывание соответствует реальному факту и, следовательно, является истинным. Отрицать это — значит допускать, что слова «поступил морально» не имеют никакого определенного смысла, то есть что морального как такового либо не существует, либо, если оно все же существует, мы не можем его познать, не можем отличить моральное от неморального. Если бы было верно хотя бы одно из этих двух допущений, то моральная оценка вообще была бы чистейшей фикцией.

Но как быть с относительностью моральных оценок? Ведь именно факт их относительности приводит подчас к отрицанию их объективной истинности. Происходит это вследствие недialeктического понимания относительного, исключения из него всякого элемента абсолютного. Мораль, конечно, исторически изменчива, непостоянна, моральные взгляды различных классов различны, но это не значит, что в них нет ничего общего, постоянного, абсолютного. На существование общего в морали различных классов указывал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», хотя он там же подчеркивал и ее классовый характер². Иначе и быть не может: элементарной истиной диалектики является то, что нет частного без общего, различия без тождества.

Мораль как особое социальное явление имеет специфические черты, сохраняющиеся на протяжении всего ее исторического существования и являющиеся общими для всех моральных систем. Общая суть морали состоит в том, что она отражает и осуществляет объективную необходимость сочетания интересов личности с интересами социальной общности. От класса к классу меняется

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 95.

содержание общих интересов и выражающих их моральных требований. Но в рамках отношений каждого класса действует необходимость сочетания личного с классовым. С позиций каждого класса морально то, что соответствует необходимости обеспечения индивидами именно его интересов. В этом смысле моральные требования и оценки относительны, но они не абсолютно субъективны, ибо для данного класса объективно необходимо, чтобы индивиды заботились об его интересах. Какая же из классовых точек зрения более истинна в моральном аспекте? Вопрос этот довольно сложен, поэтому рассмотрим его лишь с одной из сторон, на одном примере.

С позиций буржуазии морально то, что в поведении людей соответствует ее интересам. Поэтому и оценка такого поведения как морального истинна, но относительна лишь в рамках буржуазных отношений. В то же время поведение буржуазного политика или идеолога, направленное на защиту капитализма и против социализма, должно оцениваться и с точки зрения интересов последнего, а в этом отношении оно явно отрицательное. Можно ли остановиться на признании относительности моральных оценок? Нет, ибо тогда получится, что или все одинаково правы, или вообще нет никакой правоты. И то и другое на практике ведет к пассивности, к отказу от борьбы за социальный прогресс. В обеих оценках, несмотря на их относительность, есть и нечто абсолютное, позволяющее решить, какая из них более истинна.

Вообще моральным является сочетание личных интересов с интересами общности. Но общности бывают разными — реакционными, несущими зло людям, и прогрессивными, несущими им благо. Капитализм в современную эпоху враждебен интересам человечества, тогда как социализм обеспечивает ему лучшее настоящее и будущее. Поэтому преданность капиталистическому строю уже потеряла свое историческое оправдание. Буржуазный деятель согласует свои действия с интересами лишь узкой группы людей, но вступает в конфликт с интересами громадного большинства, тот же, кто борется за дело социализма и коммунизма, согласует свое поведение с интересами широких масс, человечества в целом. Следовательно, его поведение в моральном отношении неизмеримо выше, чем поведение сторонника капитализма, а в общечеловеческом масштабе является единственно моральным. Поэтому оценка именно его поведения как морального будет истинной.

Из сказанного вытекает, что моральное оценочное суждение не только выражает позицию определенного класса, но и устанавливает реальный факт соответствия или несоответствия поступка объективной социальной необходимости. Другими словами, содержание этого суждения не зависит от субъекта, представляет собой объективную истину.

Моральность поступка — это его объективное свойство, не зависящее от произвола оценивающего лица, оно присуще ему независимо от оценки. Оценка же зависит от ценности поступка, она истинна тогда, когда соответствует его действительной ценности. То, что в последней есть момент относительности, не отрицает ее объективности и наличия в ней (в большей или меньшей мере) элементов абсолютного. Это означает, что в гносеологическом плане оценочное суждение, как и всякое суждение, включает в себе познавательное содержание, выполняет познавательную функцию и оценивается с точки зрения истинности и ложности.

Таким образом, на наш взгляд, нет серьезного основания для того, чтобы отрицать способность моральной оценки отражать объективную истину.

Рассматриваемый вопрос имеет и другую сторону. Моральность поступка определяется не только его внешним соответствием объективной необходимости, но и его внутренней мотивированностью, волевым отношением личности к моральной цели, стремлением ее осуществить. Но, как уже отмечалось выше, за внешним, видимым действием бывает не так-то просто распознать его субъективное основание. Можем ли мы быть уверены, что всегда правильно судим о людях, или мы способны ошибаться в их моральной оценке? Не следует ли признать, что наше знание о внутреннем мире людей не является достоверным, во всяком случае в такой степени, чтобы мы могли чувствовать уверенность в нашей правоте? И если это так, то не должны ли мы отсюда сделать вывод, что истинное знание здесь недостижимо?

Степени достоверности знания бывают различными. Видимо, в познании этической позиции личности больше трудностей, чем во многих других областях, а поэтому морально-психологическое знание действительно менее достоверно, чем многие другие виды знания. И все же оно достаточно достоверно, чтобы в общем и целом удовлетворять потребности практической жизни.

Конечно, можно отметить такие случаи, ситуации, в которых нельзя с определенностью судить о поступке человека по его внешним, видимым действиям, поручиться за правильность вынесенного суждения. Мы уже говорили о том, что между внешней стороной действия и его внутренним, психологическим основанием нет простой, однозначной связи, которая позволяла бы сразу же устанавливать моральный смысл действия. Например, старание в работе может быть вызвано многообразными побуждениями, в частности, не только моральными, но и сугубо эгоистическими. Поэтому понять с первого взгляда, что за ним скрывается, подчас попросту невозможно.

Внешнее и внутреннее не тождественны, но вместе с тем находятся в неразрывном единстве. Так или иначе внутреннее проявляется во внешнем, и по этим проявлениям оно может быть раскрыто с большей или меньшей полнотой и точностью. Как бы долго человеку ни удавалось скрывать от других ту или иную особенность своего характера, может случиться так, что она все же обнаружит себя. Вот пример.

В рассказе В. Санина «В конце зимовки»³ начальник зимовки Семенов хочет понять, почему Дугин, который всегда был смелым, верным другом, неожиданно повел себя, как трус, в трудный момент покинул станцию. «Раньше, когда через лагерь шли трещины, когда от медведей вместе отбивались, когда на баркасе унесло в море — держался отменно, а сейчас вдруг испугался?». На свой вопрос Семенов находит такой ответ: «Тогда, то есть раньше, выхода другого не было, ситуация заставляла отчаянно бороться за жизнь. И Женька был надежным, своим в доску другом, на которого всегда можно положиться: сознавал — товарищ погибнет, и ты вместе с ним. А вчера-то у Женьки выход имелся! Отвернул в сторону голову — и опасности как не бывало... Понимал Женька, что, как только самолет взлетит, вал сожрет полосу, и очень большой вопрос — сумеют ли те, кто остался, уйти от торосов. Очень большой вопрос. Куда уходить-то, когда вокруг сплошные разводья? Поэтому и улетел. Так что никакого секрета нет: Дугин просто струсил».

Возможно, что дело здесь не в чувстве страха, а в эгоистическом расчете, но во всяком случае Дугин проявил себя так, что это не совмещалось с прежней,

---

³ Санин В. В конце зимовки // Литературная газета. 1975. 14 мая.

положительной оценкой его поведения, казавшейся безусловно верной. Как говорят, он оказался совсем не тем, за кого его принимали. Но если бы не особый случай, он мог бы так и остаться для других не тем, кто он есть на самом деле. Чтобы понять человека, надо его хорошо знать на протяжении длительного времени, принять во внимание всю совокупность его действий, причем не только то, что он делает, но и что говорит и как говорит, каковы его жесты, выражение лица, реакции на действия других и т. п. Чувства, переживаемые людьми, отражаются в их позах, движениях, в выражении глаз, глубокие страдания чисто нравственного характера могут проявиться в своеобразии образа жизни, даже способствовать ухудшению состояния здоровья, их отношение к другим людям может выражаться во множестве малозаметных деталей поведения. Пока не разработаны научные методы, с помощью которых можно было бы «уловить» эти факты, их можно собирать и исследовать лишь в процессе обыденного житейского контакта с людьми. В этом плане мы обычно получаем достоверные знания о многих людях, наших близких, друзьях, знакомых.

В конечном счете субъективные факторы поведения людей определяются объективными социальными условиями их жизни. Познание поведения, его внутренних движущих сил, когда дело идет о больших группах людей, облегчается тем, что при этом теряет существенное значение учет индивидуальных особенностей, отличающих одного человека от другого, и на первый план выдвигаются общие черты, которые проще, чем индивидуальные особенности, можно объяснить из основных условий и закономерностей общественной жизни, этического поведения. При этом, разумеется, необходимо представлять механизм воздействия общественных условий на этическое сознание и поведение, закономерности этого воздействия. Необходимым элементом теории в данном случае, очевидно, является знание того, что такое этическое сознание и какую роль оно играет в поведении, какова вся система субъективных факторов, определяющая поведение.

Таким образом, дать моральную оценку, обладающую высокой степенью достоверности, когда это касается целой группы населения, можно лишь на основе научного представления о психологическом содержании поведения людей, о социальных условиях их поведения и о закономерностях влияния этих условий на сознание и поведение. Непосредственной задачей моральной оценки является определение этического состояния личности или группы, решение же этой задачи открывает путь к решению следующих задач — регулятивно-побудительной и воспитательной. Суть их сводится к тому, чтобы поддерживать и стимулировать, вызывать и развивать действие морального фактора поведения, способствовать совершенствованию моральной жизни общества.

Важнейшим моментом моральной оценки является то, что она служит оценкой моральной воли, средством воздействия на нее, ее формирования и регулирования. Для нее характерно выявление прежде всего морального стимула, мотива деятельности, а это предполагает выделение этого стимула из всей совокупности побуждений. В том-то и заключается специфическая цель моральной оценки, что она должна воздействовать на моральное сознание, а через него — на поведение.

С этой точки зрения должна быть понятна вся ошибочность представления о том, что главным объектом моральной оценки является не мотив, а оторванный от него результат поступка, что суть моральности поступка сводится к социальной полезности его результата. Как уже отмечалось, такое понимание

ведет к игнорированию роли морального фактора, проблемы соотношения моральных и материальных стимулов труда, имеющей серьезное практическое значение, которое было подчеркнуто на XXV съезде КПСС. Действительно, если результат как предмет оценки имеет самостоятельное значение, берется вне связи со своим психологическим основанием, то это означает, что вопрос о стимулах снимается; оказывается безразличным, чем вызывается результат — моральными или материальными побуждениями, следовательно, лишается значения и вопрос о соотношении этих побуждений.

Некоторые люди иногда рассуждают так: главное, что человек старательно работает, дает обществу нужную продукцию, выполняет и перевыполняет план. Это уже позволяет оценить его поведение как моральное. Вопрос же о мотивах — это вопрос второстепенный.

В очерке Г. Комракова «Куда едешь, парень?» осуждалось поведение шофера Василия Старцева, который работал хотя и усердием, но исключительно ради личного обогащения, интересы общества и коллектива ему были безразличны. Некоторые не согласились с такой оценкой. Ведь Старцев все же приносит пользу обществу, как же можно оценивать его поведение как неморальное? Нет, утверждали они, в целом его надо оценить как положительное, моральное. Как видим, здесь моральное берется вне связи со стимулами деятельности, сводится к социально полезному.

Верно, что поведение Старцева, поскольку речь идет о его отношении к работе, нельзя назвать аморальным, но это не значит, что оно является моральным. Работа ради заработка, из личной материальной заинтересованности в труде, не противоречит нашей морали, не может оцениваться как нечто противоморальное. Поведение, обусловленное личным стимулом к труду, еще не является, однако, моральным в собственном смысле слова, оно лишь правомерно или, по выражению И. Канта, «легально». В системе норм коммунистической морали нет такой, которая бы предписывала работать ради заработка. И это понятно: ведь нормы нашей морали неотделимы от нравственных побуждений к их исполнению, побуждение же, называемое личной материальной заинтересованностью в труде, не относится к специфически моральным побуждениям, поэтому его и отличают в качестве материального стимула от морального.

Действительно, если человек живет своим трудом, не нарушает норм морали и права, то это еще не говорит о том, что он руководствуется моралью, ее нормами и побуждениями, что он проникнут специфическими моральными чувствами — чувствами долга, гуманности, справедливости и т. п., что общие интересы для него служат высшими мотивами поведения. Он может быть эгоистом, но «разумным», то есть может стараться не вступать в конфликт с обществом, не нарушать законов, так что внешне его поведение будет выглядеть вполне социально нормальным, соответствующим морали, хотя на самом деле оно морально лишь по форме. Называть такое поведение моральным — значит принимать видимость за сущность. Там, где нет морального побуждения, нет ни морального поведения, ни морального результата.

Но если человек живет честным трудом, то разве он не морален по сравнению с тем, кто наживается путем спекуляций, хищений, афер и т. п.? Может быть, в этом смысле поведение Старцева должно быть оценено все же как моральное? Однако вопрос не решается так просто. Чтобы ответить на него, необходимо понять, что служит для человека побуждением к труду.

Пока же мы этого не знаем, вопрос о его моральности остается открытым. Труд может мотивироваться самым различным образом. Если человек хорошо работает на протяжении длительного времени, то это скорее всего свидетельствует о его трудолюбии. Но трудолюбие, собственно, еще не есть моральное качество, им может отличаться и тот, кто трудится лишь ради своего личного благополучия. Далее, весьма вероятно, что хорошо работающий человек внутренне убежден в необходимости трудиться, жить собственным трудом, в недопустимости тунеядства и нечестных способов извлечения дохода. В этом случае уже имеет место нравственное (хотя и самое элементарное) отношение к труду. Однако надо еще убедиться, что оно присуще личности. Ведь тот или иной человек может жить своим трудом не из этого морального побуждения, а потому, что он из страха перед наказанием не решается прибегнуть к незаконным способам обогащения. В этом случае к труду наряду с материальным побуждает правовой, но не моральный мотив, следовательно, нет морального поведения и нет основания оценивать это поведение как моральное.

Можно встретить такое рассуждение: «Мысли, побуждения, пока они не воплотились в поступки, сами по себе еще не полезны и не вредны для общества. Вред или пользу обществу приносят не побуждения людей, а их поступки». Именно отсюда якобы следует, что сфера действия морали определяется главным образом объективной полезностью поведения людей для интересов общества. В таком понимании проявляется недооценка роли морального фактора в общественной жизни. Правильно было бы вслед за словами, заключенными в кавычки, сказать: «Однако мысли, побуждения определяют поступки, и задача морали в том, чтобы влиять на эти мысли и побуждения, а через них — на поступки». Неправильно моральные побуждения и поступки противопоставлять при определении сферы действия морали, выводить первые за пределы этой сферы. Мораль без моральных побуждений — это мораль без морали. Объективная полезность поведения не возникает из ничего, она порождается соответствующими стимулами, главными среди которых являются моральный и материальный.

Нетрудно понять, что недооценка морального стимула, по существу, означает переоценку материального. Однако материальный стимул, какую бы важную роль он ни играл, не может заменить морального. Последний играет в жизни общества особую, ничем не заменимую роль. Конечно, может быть и так, что работник, думающий только о зарплате, даст больше продукции и лучшего качества, чем тот, кто сознательно относится к общественному труду, но, скажем, еще не овладел в достаточной мере специальностью, уступает первому по квалификации. Но этот случай свидетельствует лишь о важном значении трудового мастерства, профессионального умения, но ни в коей мере не умаляет ценности моральных побуждений. Личная материальная заинтересованность сама по себе, как единственно определяющий фактор поведения в области производства, способна обеспечить положительные результаты лишь в известных, достаточно узких границах, за которыми она прекращает свое действие в этом направлении и теряет положительную значимость или даже начинает играть отрицательную роль. Моральный мотив — абсолютно необходимый фактор социальной жизни как в трудовой деятельности (в условиях социализма), так и во всех других ее областях.

Дело в том, что свободная общественная деятельность людей невозможна без сознательной, добровольной дисциплины, — без той или иной доли самоот-

верженности, без способности и умения отдельного индивида пожертвовать, когда без этого нельзя обойтись, своими интересами и в крайнем случае — даже самой жизнью ради достижения общей цели, а все это оказывается возможным только благодаря действию морального фактора. Никакой узколичный интерес, забота только о самом себе не могут заменить его, не могут побудить человека к борьбе за общее дело, если интересы этой борьбы вступают с ними в противоречие. Конечно, узколичные непосредственные интересы какого-либо конкретного человека могут быть для него более очевидными, чем общие интересы, но тем не менее реализация последних выступает в конечном счете в качестве условий достижения индивидуального благополучия. Только побуждение, прямо направленное на обеспечение общего блага, — моральное побуждение — способно преодолеть сопротивление эгоистических сил и мобилизовать личность на решение большой, требующей самоотверженности, общественной задачи, на бескорыстное, то есть не приносящее личной выгоды, действие.

Самоотверженность, неразрывно связанная с высокой моральностью, — отличительная черта каждого подлинного революционера, который, подобно К. Марксу, действует, «отбрасывая всякого рода личные интересы и исходя из самых чистых побуждений»⁴. Благодаря великой силе этих побуждений Маркс смог осуществить свой научный подвиг, во имя которого он, по его собственным словам, «принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью»⁵. Для великой цели нужна великая энергия, которая возникает благодаря тому, что все силы души концентрируются вокруг одной идеи служения общему благу, а все себялюбивое отходит на задний план. Личность, которая поднялась на такую нравственную высоту, способна оказать огромное влияние на ход истории. На это указывает В. И. Ленин, оценивая роль Ивана Васильевича Бабушкина в революции: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации»⁶. О том, что движет такими людьми, можно судить по словам из речи П. А. Заломова в суде, на которую мы уже ссылались. Заломов знал, что его сошлют на каторгу (за участие в демонстрации). «Но я желал, — говорил он, — принести жертву, хотел всю душу отдать за рабочих, чтобы потом, после меня, им жилось лучше»⁷. Такое внутреннее состояние типично для героев революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Проявляли самоотверженность и многие герои созидательного социалистического труда.

Вот как характеризует В. И. Ленин значение героизма, самопожертвования передовых рабочих, коммунистов для побед в Гражданской войне: «...Всякий раз, когда наступал трудный момент в войне, партия мобилизовала коммунистов, и в первую голову они гибли в первых рядах... гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения... только этими неслыханными жертвами, причем сознательными, добровольными, подкрепленными дисциплиной Красной Армии, не прибегающей к средствам старой дисциплины, только этими величайшими жертвами передовые рабочие свою диктатуру удержали и завоевали себе право на уважение

---

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 30. С. 376.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. С. 454.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 82.

⁷ Литературная газета. 1975. 30 апреля.

рабочих всего мира»?⁸ Эти мысли проходят красной нитью через ряд выступлений Ленина. Он говорил о том, что главная причина победы в Гражданской войне — «это героизм, самопожертвование, неслыханная выдержка в борьбе», проявленные красноармейцами, рабочими и крестьянами, о необходимости трудового энтузиазма для спасения народного хозяйства⁹, о моральном авторитете людей, жертвовавших собой за победу социализма¹⁰.

Хорошо известно, какую важную роль сыграл моральный фактор в победе над фашистской Германией, в обеспечении боевых и трудовых успехов советских людей, которые своими делами доказали, что они обладают высокими моральными качествами. В постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» отмечается: «Своими трудовыми подвигами и творческими свершениями, героической стойкостью и мужеством в суровых испытаниях Великой Отечественной войны, бескорыстным участием в судьбах братьев по классу во всем мире советский человек доказал свою глубокую преданность идеалам коммунизма, свой пламенный патриотизм и интернационализм»¹¹.

Моральный фактор — необходимое условие существования и развития социалистического соревнования. Последнее отличается от конкуренции, как известно, тем, что предполагает распространение передового почина, нового опыта, взаимопомощь в труде. Личная материальная заинтересованность не могла бы обеспечить этого, ибо она не может, например, побудить работника поделиться с другими своим производственным «секретом». Пошли бы десятки тысяч людей по примеру В. Гагановой в отстающие бригады, если бы заботились только о своих личных нуждах? Конечно, нет! К этому их могла побудить только высокая сознательность, забота об интересах народа, преданность делу коммунизма.

С особенной очевидностью значение морального стимула проявляется в решении задачи по улучшению качества работы и ее результатов. Уследить за качеством работы только с помощью внешнего контроля очень трудно, а подчас практически невозможно. Здесь нужен внутренний контроль, контроль совести. Нравственно, добросовестно относиться к труду — значит ставить интересы производства выше любых узколичных интересов. При таком отношении работник не сможет допустить скрытый брак, хотя бы это ему и оказалось в определенном случае выгодно с точки зрения заработка. Понятно, что дальнейшее нравственное возвышение советского человека — необходимое условие успешного решения задач экономического развития нашего общества.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечается, что нравственное воспитание вырабатывает активную жизненную позицию, сознательное отношение людей к общественному долгу¹². На качество влияет все, говорил Л. И. Брежнев в речи перед рабочими ЗИЛа, но «...в конечном счете все сводится к добросовестности людей... За план, за бесперебойную работу всех технологических линий, за качество продукции должна отвечать совесть каждого

---

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 296.

⁹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 4, 6.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 313.

¹¹ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М.: Политиздат, 1977. С. 12.

¹² См.: Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 77.

работника...»¹³. В речи на XVIII съезде ВЛКСМ Л. И. Брежнев указал на связь между задачей борьбы за эффективность и качество и программой воспитания целого поколения советских людей, подчеркнул необходимость работать на совесть. Он отметил, что дело хозяйственного развития зависит и от того, какую ответственность проявят миллионы людей¹⁴.

Конечно, и материальный стимул не теряет своего важного значения. Но было бы неправильно и опасно абсолютизировать это значение, недооценивая или полностью игнорируя моральный стимул. Делая такую ошибку, любое рвачество, стяжательство и т. п. можно возвести в ранг высокоморальных явлений. «Материальные стимулы, — пишет член-корреспондент АН СССР А. Афанасьев, — могучий рычаг повышения эффективности и качества. Однако их нельзя абсолютизировать, забывая о стимулах моральных. Между тем сомнительный лозунг “рубль — любой ценой” кое-где стал чуть ли не основой хозяйственной работы. Только более полное сочетание материальных и моральных стимулов может способствовать повышению эффективности производства, росту производительности труда, улучшению качества продукции, экономному использованию ресурсов»¹⁵. Как отмечалось в докладе первого секретаря Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключева на пленуме обкома в июне 1976 года, многие работники еще не смотрят на труд с морально-этической стороны, нередко этика подменяется «арифметикой» — корыстным расчетом. «Да, отдельные работники могут слыть передовиками, — заметил докладчик, — но, к сожалению, главным побудительным стимулом для их хорошей работы является нередко лишь рубль. Они не служат примером в быту, не участвуют в общественной жизни. Цена сознательности таких людей в прямом смысле копейка»¹⁶.

Об одном из таких людей писал В. Липатов в очерке «Брезентовая сумка», к содержанию которого мы уже обращались. На своем участке работы Богомяков дает неплохой личный результат. Если ограничиться этим узким подходом к оценке его отношения к труду, то это отношение можно рассматривать, казалось бы, как моральное. Но стоит подойти к вопросу шире, с точки зрения общих интересов, и сразу же станет ясно, что никакого морального содержания в отношении Богомякова к труду нет, что он думает только о личной выгоде. На такого человека нельзя положиться, нельзя надеяться, что он не подведет в трудный момент.

В любой сфере общественной жизни можно быть вполне уверенным только в таком человеке, который отличается высокими моральными качествами. Только такой человек может быть надежным в семейной жизни, в дружбе и любви, в общественной и научной деятельности и т. д. Не покорит, например, вершин науки тот, кто не способен беззаветно стремиться к достижению истины во имя блага своей страны и всего человечества, во имя блага людей. Эгоизм порождает чрезмерную осторожность, переходящую в трусость, подлаживание к авторитетам, уход от острых проблем. Не может быть настоящим общественным деятелем коммунистического, ленинского типа тот, кто в первую очередь

¹³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М.: Политиздат, 1978. С. 11.

¹⁴ Брежнев Л. И. Речь на XVIII съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 25 апреля 1978 года. М.: Политиздат, 1978. С. 3, 4.

¹⁵ Афанасьев В. Управление — на уровень новых требований // Правда. 1976. 21 мая.

¹⁶ Ключев В. Г. Доклад первого секретаря Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключева на пленуме обкома // Рабочий край. 1976. 3 июня.

заботится о своем личном интересе, о карьере или не считает нужным «ограничивать» себя моральными принципами, не держит слова, допускает неразборчивость в средствах, применение по-разному им оправдываемых негуманных приемов.

С точки зрения марксизма, средства борьбы, деморализующие людей, не могут быть оправданы узко понимаемым практическим успехом, ибо в конце концов эта деморализация неизбежно привела бы к поражению, удалила бы от подлинных целей коммунистического преобразования общества. Основоположники марксизма-ленинизма дали пример высочайшей моральной принципиальности в политике, науке, личной жизни. Вопреки тому мнению, что в революционной борьбе порядочность лишь мешает, В. И. Ленин считал, что она является неотъемлемым качеством настоящего революционера, требовал нравственной щепетильности. Гибель нравственную он рассматривал как верный залог гибели политической¹⁷. Он считал, что в партию должны вступать «только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики»¹⁸.

Значение нравственной принципиальности людей в общественной и личной жизни огромно. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии говорится: «Разрыв между словом и делом, в каких бы формах он ни выражался, наносит ущерб и хозяйственному строительству, но особенно — нравственному воспитанию»¹⁹. В докладе отмечается необходимость того, чтобы «рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей»; «чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности»²⁰. Задача нравственного воспитания советских людей получила отражение и в новой Конституции СССР.

Забота о росте нравственного уровня общества вполне понятна: как уже отмечалось, нравственные побуждения ведут к соответствующим социально ценным результатам. Моральная же оценка способна влиять на моральное сознание личности, а через него и на определяемые им результаты деятельности. Может возникнуть вопрос: как с этой точки зрения быть, например, с поощрительной оценкой поведения маленьких детей, у которых еще не сформировалось нравственное сознание?

Моральное поощрение не тождественно моральной оценке, однако, несомненно, содержит в себе оценочный момент. Да и в прямой форме моральная оценка может даваться действиям и их результатам даже в тех случаях, когда неизвестно, какими побуждениями они вызваны, или известно, что эти побуждения не относятся к области этического. Такое утверждение может показаться противоречащим всему тому, что было сказано выше. Но дело в том, что речь здесь идет об особом случае функционирования моральной оценки, об особой форме ее действия в качестве средства нравственного воспитания и регулирования, хотя и в этом случае остается справедливым положение, согласно которому моральная оценка не сводится к утилитарной.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 330.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 225.

¹⁹ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 77—78.

²⁰ Там же. С. 78.

Когда, например, маленькому ребенку говорят: «Это хорошо» или «Это плохо», то моральный смысл этих оценок состоит в том, что с их помощью в нем формируют соответствующее волевое отношение к моральным целям его действий. Необходимость морального отношения людей друг к другу и к обществу по своему содержанию объективна и в силу этой объективности не зависит ни от общественного, ни от индивидуального сознания. Мораль как форма общественного сознания потому и возникает, что общественная жизнь предъявляет индивидам объективное требование, ставит их перед объективной необходимостью — согласовать свои действия с интересами социального целого. По отношению к формирующейся личности эта необходимость существует до того, как личность осознает ее в качестве таковой, предшествует индивидуальному осознанию, ибо еще до того является моральной целью общественного сознания. Понятно, что и оценка моральна по своей форме постольку, поскольку представляет собой форму функционирования морального сознания общества. Для личности же она становится моральной в той мере, в какой формируется моральное сознание этой личности и в какой последняя воспринимает ее как стимул, воздействующий на мотивационную сферу, формирующий отношение личности к данной ей обществом цели как к своей собственной высшей цели.

Взрослый человек, даже если он и не руководствуется в каком-то действии или роде деятельности моральной целью, однако обладает моральным сознанием, которое делает его в той или иной степени восприимчивым к моральному влиянию со стороны общества. В этом случае функция моральной оценки состоит в том, чтобы распространить его моральное отношение на данную сферу деятельности. Но даже если какой-либо конкретный человек, в силу своей испорченности, вообще не реагирует на моральное воздействие, оно тем не менее выполняет определенную этическую функцию, а именно — социально-организующую и мобилизующую, то есть формирует отношение коллектива к этому человеку, которое в конечном счете может оказать на последнего воспитывающее влияние. В некоторых случаях положительного результата не удастся достигнуть, но это не отрицает самого факта выполнения моральной оценкой или требованием нравственно-воспитательной функции.

На какое субъективное основание воздействует моральная оценка в первый период жизни ребенка, когда он еще не обладает моральным сознанием? Сразу же после рождения у ребенка начинают формироваться чувства и качества, которые можно назвать «предморальными»: привязанность к матери, способность к послушанию и т. д. На их основе и путем их развития в дальнейшем возникают собственно моральные черты — любовь к людям, дисциплинированность, чувство долга и др. Осуществляется это, в частности, и благодаря воздействию моральных оценок и требований взрослых на психику ребенка. Лишь постепенно на определенном этапе своего развития личность начинает осознавать психологический процесс, вызываемый в ней моральным воздействием, и может приобрести способность переходить к сознательному управлению этим процессом. Так нравственное воспитание дополняется самовоспитанием. На этой стадии нравственный идеал осознается личностью как принцип отношения к своим внутренним этическим силам. Последние сопоставляются с идеалом с точки зрения их соответствия ему, то есть оцениваются с его позиций, и на этом основании подвергаются внутреннему воздействию в направлении их сближения с идеалом. Это означает, что общественная моральная оценка переходит в само-

оценку и через ее посредство осуществляет свою регулятивно-воспитательную функцию.

Руководящей субъективной инстанцией самовоспитания и саморегулирования, как мы уже говорили, является воля, которая регулирует и изменяет и себя самое, и все другие факторы, определяющие этическое поведение. Нравственно сформированная личность сознательно и добровольно стремится (и внутренне, и в своих поступках) соответствовать выработанному обществом и усвоенному ею моральному идеалу. Поэтому требования, вытекающие из оценки и самооценки ее поведения, испытываются ею как собственные, глубоко личностные требования, предъявляемые к самой себе. Положительная оценка или самооценка вселяет в личность чувство удовлетворения и гордости собой; вызывает сознание выполненного долга, радость внешней (с общностью) и внутренней гармонии, тем самым утверждая, укрепляя, развивая нравственную позицию личности и соответствующую линию поведения. Отрицательная оценка заставляет критически отнестись к своей позиции, вызывает стремление преодолеть тот или иной недостаток своего характера, ту или иную слабость, склонность, привычку и т. д., чтобы привести свое поведение в соответствие с требованиями морали. Таким образом моральная оценка выполняет свои функции — императивно-регулятивную и воспитательную, по существу составляющие одну единую функцию, ибо они неотделимы одна от другой: регулируя позицию личности, мораль формирует, воспитывает личность, воспитывая же, регулирует поведение, делает его моральным.

Моральная оценка играет огромную практическую роль в жизни общества, являясь необходимым моментом функционирования морального сознания, которое представляет собой ничем не заменимое средство обеспечения блага всего народа, каждого отдельного человека. Подчеркнем еще раз, что моральная оценка имеет самое прямое отношение к полезным результатам деятельности людей. Она ведет к положительным результатам, обращаясь к моральному сознанию людей, формируя их активную общественно положительную позицию, мобилизуя их волю на социально ценные действия. Она служит одним из важных средств обеспечения максимальной активности советского человека в решении задач коммунистического строительства в нашей стране, в борьбе всех прогрессивных людей мира за мир, демократию и социальный прогресс.

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the department of social and humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 130.2:111.1

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.18-28

И. Г. Сухина

ТЕКСТ КАК СУЩНОСТНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФОКУС ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. На концептуальной платформе семантики — философской теории смысла — предложено лингво-семантическое понимание культуры как лингвистически адекватного мира смыслов человеческого бытия и текста как его объективированной и функциональной культурогенной модальности. Культура в лингво-семантической ее сущностной определенности мыслится и представляется универсальным способом человеческого бытия в мире, его онтологически эквивалентным семантическим хронотопом. Представлены положения авторской семантической концепции культуры как текста.

Ключевые слова: человек, человеческое бытие, человеческое сознание, субъектность, объективация, культура, культурогенный, смысл, семантика, семантосфера, язык, лингвистический, культурный текст.

Ссылка для цитирования: Сухина И. Г. Текст как сущностная манифестация культуры: концептуальный семантический фокус проблемы // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 18—28.

Original article

I. G. Sukhina

TEXT AS ESSENTIAL MANIFESTATION OF CULTURE: CONCEPTUAL SEMANTIC FOCUS OF THE PROBLEM

Abstract. On the conceptual platform of semantics — the philosophical theory of meaning — a linguistic-semantic understanding of culture as a linguistically adequate world of the meanings of human being, and the text as its objectified and functional culturogenic modality is proposed. Culture in its linguo-semantic essential certainty is conceived and represented as a universal way of human existence in the world, its ontologically equivalent semantic chronotope. Provisions of the author's semantic concept of culture as a text are presented.

Keywords: man, human being, human consciousness, subjectivity, objectification, culture, cultural, meaning, semantics, semantosphere, language, linguistic, cultural text.

Citation Link: Sukhina I. G. (2025) Text as essential manifestation of culture: conceptual semantic focus of the problem, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 18—28.

*«Культура в целом
может рассматриваться как текст...
Пространство текста культуры
представляет собой универсальное множество
элементов данной культуры,
то есть является моделью всего»
[Лотман, 2002: 78, 118]*

Вводная часть. Человеческое бытие является бытием в смысловой его определенности, бытием в мире актуализируемых смыслов, соответственным конституирующей его сознательно-мотивированной субъектности. Это — самоконструктивное бытие, имеющее сознательно-творческий характер, и целероентированное на объективацию смыслов в их лингвистической (сущностной) адекватности, т. е. в качестве текстов. Тексты, в которых человеческое бытие достигает культурогенной определенности, выступают проектами, моделями, средоточиями и манифестациями культуры.

Культура как мир объективируемых смыслов в их лингвистической определенности представляет собой текст, который выступает носителем актуальных для человеческого бытия смыслов, их значимого содержания. Культура в своей лингво-семантической сущности предстает как текст.

Само человеческое бытие являет собой текст, создаваемый в ходе всей истории его развития как культурно-исторического процесса, и имеет манифестальный по отношению к нему, в его сущности, характер.

Поэтому актуальным является концептуальное понимание культуры с семантической позиции философской экспликации смыслов, в свете которой раскрывается ее объективируемая в текстах лингво-семантическая сущность. Очевидно, что текст представляет собой сущностную и показательную манифестацию культуры, которая предполагает философское ее постижение.

Текстологическое понимание культуры, ее интерпретация в качестве текста была присуща Тартуско-московской семиотической школе (1960—1980-е гг.), которая возглавлялась Юрием Лотманом и в русле которой велись исследования феномена культуры как механизма генерирования текстов на теоретико-методологической основе семиотики — общей теории знаков/знаковых систем. Ю. Лотман разрабатывал семиотику как междисциплинарную область социально-гуманитарного знания, предметом которой являются знаки как текстовая и коммуникативная система.

Вместе с тем культурный текст — это носитель не только актуальной для человеческого бытия социокультурной информации, но и актуальных для него смыслов, предполагающих интерпретирующее их значения понимание. Культурный текст — это семантическое, смыслосодержащее образование, и потому теоретико-методологической платформой философской разработки культуры должна быть семантика как философская теория смысла, значения.

Цель статьи: с семантической позиции философской экспликации смыслов изложение концептуального — лингво-семантического понимания культуры и текста как основоположного структурообразующего ее компонента, выступающего ее аутентичной — сущностной манифестацией.

Основная часть. Собственно человеческое бытие в своей сущности и специфике есть бытие с позиции сознания. Человек выступает как субъект сознания, его сообразной со смыслом ментальной активности — *cogito*. Поведение, деятельность, коммуницирование человека имеют сознательно-мотивированный характер своей смысло-сообразной актуализации. Так или иначе человеческое бытие ориентировано на смысловую определенность.

В своей сознательно-мотивированной аутентичности человеческое бытие детерминруется смыслами, их значениями. Оно формируется, самоопределяется и самореализуется на актуализируемой им смысловой основе, то есть имеет в сущности своей смысловой, значимый характер.

Человеческое бытие — это, прежде всего, актуальные для него смыслы, значения. Это — значимое бытие в конституируемом и позиционируемом им семантическом мире смыслов, в которых оно обретает свою аутентичность. Этот семантический мир человеческого бытия представляет собой культуру.

Культура — это мир смыслов человеческого бытия. Этот «мир» человек-субъект создает в ходе всей своей истории, которую можно рассматривать как культурно-исторический процесс развития человека на онтогенетическом и филогенетическом уровнях своего бытия в мире как бытия в культуре.

Человек, насколько он человек, живет (бытийствует) в мире смыслов, и его бытие есть культура. Российский философ А. Кармин представлял мир смыслов — мир продуктов мышления как своего рода «вторую Вселенную», которая возникает и развивается благодаря усилиям человечества, отмечая то, что «...создавая и развивая эту Вселенную, человек вместе с тем создает и развивает самого себя» [Кармин, 2006: 20]. И эта создаваемая и развиваемая человеком «Вселенная смыслов» есть культура.

Культура как истинно человеческий мир смыслов, значений есть сфера актуального — сообразного с субъектным вершением человеческого бытия смыслообразования, сфера («Вселенная»), имеющая универсальный характер. Культура является сообразным с человечески-значимым смыслом бытием. Российские культурологи А. Пелипенко и И. Яковенко трактуют культуру как пространство активного смыслообразования [Пелипенко, 1988: 15]. Они утверждают, что культура «...представляет собой всю систему смыслов человеческого бытия, как идеальных, так и опредмеченных...» [там же: 17], и поэтому в культуре «...нет ничего, что не содержалось бы в ментальности...» [там же]. Как таковая, культура представляет собой особый онтологический регион бытия.

В культуре все сообразовано со смыслом, и в гуманитарной своей сущности она имеет, прежде всего, смысловое измерение. И в культуре, в ее смысловом измерении, происходит формирование человеческого бытия.

Человек выступает в качестве субъекта и объекта культуры, поскольку культура, ее предметность являются результатом объективации субъектного смыслообразования, и из своей принадлежности к культуре человек обретает возможность придавать смысл себе и своему бытию, учится этому. Культура есть значимый «мир смыслов» — смыслов, которые, как отмечал А. Кармин, «...человек вкладывает в свои творения и свои действия» [Кармин, 2006: 19].

Человеческая субъектность в оптимальной — сознательно-творческой своей модальности обретает культурогенный характер, создающий культуру, ее явления. И культура как сфера, хронотоп творчески объективируемых смыслов человеческого бытия есть его оптимальная модальность, конституирующая его

матрица. «Культура — это мир подлинно человеческого бытия, его хронотоп, поскольку именно человек своей жизнедеятельностью создает, развивает и перманентно воспроизводит культуру... Основания и начала культуры коренятся в сущности человека и его бытия...» [Сухина, 2016: 149—150].

Смысл презентует собой человеческое начало в мире или культуре, в самом человеке. Смысл динамичен — он предполагает его актуализацию, экспликацию, в качестве значений объективацию и культивирование, что и осуществляется в культурогенной практике человеческого бытия.

Смысло-значимый мир человеческого бытия, его «Вселенную смыслов» можно определить как семантический (от греч. *semantikos* — обозначающий), квалифицируя семантику как философскую теорию смысла, изучающую феномен смысла, и смысловую сферу человеческого бытия. И культура как универсальная смысловая сфера человеческого бытия является аутентичной областью для семантически ориентированного познания.

В культуре человеческое бытие обретает свою актуальную смысловую содержательность, именно в сфере культуры — ее форм, явлений, процессов — происходят раскрытие, реализация, объективация, организация, развитие и культивирование его смысловой содержательности и значимости. Как раз в логике семантического понимания культуры А. Пелипенко и И. Яковенко указывают на то, что «предметное тело» культуры — это репрезентирующие предметные объекты культуры смыслы [Пелипенко, 1988: 8]. Культура представляется ими как «...система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования...» [там же: 10].

Культуротворчество представляет собой творческую объективацию актуальных смыслов человеческого бытия во всем многообразии форм сознательно-мотивированной человеческой субъектности. Человеческая деятельность моделируется смыслами, которые обретают в этом форму, и объективируются в ее результатах — артефактах. В актуализации своих значений смыслы модифицируют человеческую деятельность так, что она становится творческой, и обеспечивают тем самым ее совершенствование.

Смыслы имеют ментальную природу, они, в сущности, идеальны, и содержат деонтологическую составляющую, направленную на привнесение должного в действительное, и его культуротворческое преобразование с этой ценностно-значимой позиции добра, истины, красоты, священного, долга... Идеальная или идеаторная сущность смыслов придает творческий характер человеческой деятельности, которая моделируется на семантической основе смыслов и осуществляется как процесс их объективации. Лежащее в основе культуротворчества смыслообразование имеет творческий характер. Оно сублимируется в представлениях, идеях, ценностях, идеалах и нормах.

Иницируемые ментальной активностью человеческого сознания процессы смыслообразования обеспечивают динамику культуры в качестве культурно-исторического процесса развития человека, его бытия. В культуре происходит воплощающаяся в ее морфологическом строении организация смыслов, определяющая собой смысловой порядок человеческого бытия.

Культура — это семантическое пространство смыслообразования, в котором происходят формирование, организация, развитие и утверждение человеческого бытия в онтологическом его позиционировании. Ее исходным, основным, архетипическим структурным элементом является смысл в его значимой семантической определенности — смысл как семантема (культуры).

Смыслы представляют собой достояние культуры. Интегральная совокупность присущих культуре смыслов, обретающих культуросгенную свою определенность в качестве семантем и актуализирующихся в сфере ее онтологического позиционирования как семантического пространства, хронотопа смыслообразования, может быть названа семантосферой.

Семантосфера — это семантическое пространство, континуум, поле культуры, ее интегрирующее начало, обеспечивающее согласование ее смыслов, как и исполненных ими форм, явлений и процессов культуры.

Воплощаясь и сублимируясь в культурной картине мира, семантосфера выступает в качестве универсального интегратора культуры, иницирующего гармонизирующее согласование, взаимосвязь и взаимодействие структурных ее элементов в общем семантическом пространстве ее позиционирования. Французский культуролог А. Мольт отмечал, что «...все элементы культуры связаны воедино, и было бы ошибкой произвольно их расчленять» [Мольт, 1973: 356]. Такое интегральное понимание культуры как системного единства ее структурных элементов, ее явлений, словом, как всеединства, отчетливо присуще идее и философии всеединства русского мыслителя В. Соловьева.

В общем, семантосфера задает и определяет собой присущую культуре картину мира, генерирует смысловые доминанты культуры — центры ее семантической интеграции и концентрации, которые как ее главенствующие, генерализирующие смыслы выступают культурными кодами. Культурные коды, как и семантосфера в целом, являются способом организации культуры в качестве самоорганизующейся системы. Как пространство культуросгенного смыслообразования семантосфера задает и определяет общую структурную организацию культуры как системы, ее морфологическую модель.

Семантосфера — универсальная семантическая матрица, которая лежит в основе культуры, ее морфологической самоорганизации, и динамики. Она задает логику самоорганизации и развития культуры, модифицируясь в ней.

Семантосфера выступает системой перевода смысловых содержаний человеческого бытия в их культуросгенную модальность. Универсальным механизмом и формой этого перевода является язык, благодаря которому смыслы обретают их значимую для человеческого бытия определенность.

Размерная, артикулированная, дискретная, и собственно, человечески значимая семантическая определенность смысла раскрывается как язык. Язык есть главный и универсальный способ культуросгенной актуализации, формирования, фиксирования, преобразования и коммуникационной передачи смыслов. Семантическая определенность смысла проявляется в языковой, лингвистической его определенности, эквивалентна ей.

Язык является исходной инстанцией объективирования смыслов, раскрывающей универсальный свой характер в удостоверяющем сущность культуры культуросгенном процессе предметного смыслообразования. Смысл имеет лингвистическую природу, он лингвистичен; верно и то, что язык как универсальная культуросгенная форма смыслообразования семантичен.

Язык есть универсальная форма осмысления реальности, наделения («означивания») ее смыслом, форма ее семантизации. Смыслополагающая ментальная активность сознания проявляется, прежде всего, именно в языке.

Соответственно, культура лингвистична. Язык как универсальная форма (универсалия) культуры является носителем и проводником смыслов, пространством их распространения и функционирования во всех сферах человеческого бытия как бытия в культуре. Вне языка культура невозможна.

Язык представляет собой логически организуемую знаковую или знаково-символическую систему формирования (культурно адекватных) смыслов, оперирования с ними, их коммуникационной передачи. При этом его главной культурогенной функцией является семантическая, т. е. функция смыслообразования и соотнесения со смыслом всей доступной человеку предметной действительности. На основе и посредством языка происходит формирование и развитие актуального для культурогенного человеческого бытия смыслового содержания как субстанциальной основы культуры.

Так же, как и язык в логике его структурной организации, смыслы аналитичны. Им присуща дифференциация на определенные значения, с их рекомбинацией в различные семантические структуры. В сущностных своих основаниях культура семантична, и вместе с тем она лингвистична. Ее семантическое и лингвистическое качества (богатство) эквивалентны. В целом культура лингво-семантична, в этом ее сущность и специфика.

Смысловая содержательность языка объективируется, прежде всего, в текстах как ее манифестальных носителях, как манифестациях культуры. «Смыслы, по утверждению российского философа В. Налимова, — это есть то, что делает знаковую систему текстом» [Налимов, 1989: 107]; т. е. смыслы есть опосредующая инстанция между языком как знаковой системой и текстом. Сам же текст (от лат. *textum* — ткань, сплетение, связь) является семантически определенной в лингво-семантическом пространстве/поле культуры формой актуализации, организации и культурогенной, по сути, объективации языка.

Язык является культурно-адекватным способом объективации смысла, а текст — средством его объективации в культурных формах. Сама же культурная форма выступает моделирующим началом культурных явлений и по своим культурогенным характеристикам аналогична тексту. Собственно текст представляет собой универсальную форму культурных явлений, и каждое культурное явление можно представить в качестве текста.

Культурный/культурно адекватный текст является формой интеграции языка культуры, в которой посредством знаковых средств в их логической организации фиксируется актуальное смысловое содержание, предстающее в качестве информации или информационного сообщения, предполагающего коммуникационный адресат. Российский культуролог и философ Ю. Лотман отмечал, что «текст — это сообщение, направленное от носителя информации ...к аудитории» [Васильева, 2005: 64]. Лотман указывал на то, что «...текст выполняет функцию культурной памяти» [там же], и, исходя из этого, он констатировал, что «...определение текста совпадает с определением культуры» [там же].

Культурный текст выступает формой генерирования культурно адекватного смыслового содержания. Поэтому Ю. Лотман рассматривал его, прежде всего, с позиции генерирования смысла, т. е. как присущее культуре смыслопорождающее устройство [Лотман, 2000: 155]. Согласно словам Лотмана, «текст

выполняет смыслообразующую функцию, выступая уже не в качестве пассивной упаковки данного смысла, а как *генератор смыслов*. С этим связаны реальные факты, хорошо известные историкам культуры, при которых не язык предшествует тексту, а текст предшествует языку» [Лотман, 2002: 80].

В культурных текстах (мифологических, религиозных, философских, художественных, нравственно-дидактических, публицистических, научных, научно-популярных, технических, эпистолярных и др.) запечатлевается, объективируется и презентруется актуальная социокультурная информация. Информационное обеспечение человеческого бытия осуществляется в (культурных) текстах. Поэтому Ю. Лотман отмечал, что текст — конденсатор культурной памяти, а не только генератор новых смыслов [Лотман, 1996: 21].

Культурный текст — это логически организованная семантическая и вместе с тем — лингвистическая структура. Смысловое содержание и его организация в сообразную со смыслом семантически адекватную форму для текста логически первична. С учетом взаимной конвергенции смысла и языка текст является лингво-семантическим образованием/структурой.

Культурному тексту присуще определенное смысловое единство. И поскольку текст содержит и презентует собой смысл в его более или менее выраженном семантическом единстве как логически целостную смысловую содержательность, постольку он определяется не отдельными структурными своими элементами, а способами интегрирующего их сочетания, их синтеза.

В общем, культурный текст — это семантически адекватная лингвистическая структура. Логическая связанность и семантическая целостность — его основные атрибуты, которые являются по сути свойствами человеческого сознания, его (ментальной) мыслительной активности. Согласно утверждению В. Налимова, «сознание человека выступает перед нами как некий текст. Всякий текст — это носитель смыслов» [Налимов, 1989: 102].

Являясь универсальной формой культурных явлений, проектирующим и моделирующим их началом, семантически их презентующим, текст неотъемлем от культурных явлений, он присущ им внутренне, имманентно.

Итак, каждое явление культуры обладает смысловым содержанием, информативно и может быть рассмотрено как предполагающий прочтение, осмысление и интерпретацию текст. Так, А. Кармин указывал на то, что «всякое явление культуры есть сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст» [Кармин, 2006: 58]. Согласно словам Кармина, «тексты — это плоть и кровь культуры. Но любой текст — в виде вещи, ритуала, художественного произведения, речи и т. д. — представляет собою нечто такое, что подлежит прочтению и пониманию» [там же].

В свою очередь российский культуролог А. Флиер констатирует, что «...в широком смысле слова культурными текстами являются все явления культуры как таковые» [Флиер, 2000: 257]. Он при этом утверждает, что квалифицированный специалист может «читать» любое явление культуры как связанный и осмысленный текст [там же].

Текст презентует собой как явления культуры, так и ее лингво-семантическую сущность, являясь ее моделью. Именно как текст могут быть представлены явления культуры и сама культура в целом, ее семантосфера. На то, что культура представляет собой совокупность текстов или сложно построенный текст, указывал Ю. Лотман [Лотман, 2002: 28]. Он утверждал, что

«в общей системе культуры тексты выполняют... две основные функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов» [там же: с. 61]. Эти генеральные культурогенные функции текстов можно представить как коммуникативную и творческую. На основе и посредством этих функций тестов осуществляется формирование, воспроизводство и развитие культуры.

Понимание культуры как текста предполагает ее семантическую концепцию, раскрывающую культуру с позиции осуществляемого в языке и объективируемого в культурных текстах субъектного смыслополагания.

Основные положения семантической концепции культуры таковы:

- культура есть мир, сфера человечески-значимых смыслов, образующих содержание культурных явлений как их функциональных объективаций; культура семантична, она есть «Вселенная смыслов человеческого бытия»;

- в своей совокупной, интегрируемой посредством (культурной) картины мира, с ее смысловыми доминантами — культурными кодами, смысловой содержательности, культура выступает в качестве семантосферы — сферы позиционирования присущих ей смыслов — интегрированного пространства смыслообразования, в котором аккумулируется ее семантический потенциал;

- семантосфера — это универсальная семантическая матрица, лежащая в основе культуры, ее морфологической самоорганизации и (исторической) динамики;

- культура как процесс/культурно-исторический процесс развития человека и его бытия в мире является универсальным процессом смыслополагания и в предметной своей модальности есть результат объективации этого процесса;

- смысл представлен и проявляется в языке, он лингвистичен, имеет лингвистическую форму своей актуализации, выражения и объективации;

- язык является универсальной формой культурогенного смыслополагания, это — универсальная форма, универсалия культуры; культура вне языка невозможна, культура семантична, и вместе с тем она лингвистична;

- культура как мир объективируемых смыслов имеет лингво-семантическую природу; культура лингво-семантична: смыслы образуют ее содержание, а язык является универсальной формой их культурогенного выражения; семантическое и лингвистическое измерения культуры эквивалентны;

- человеческое бытие в культуре является семантическим бытием в мире смыслов, корреспондирующим ментальной активности сознания; как таковое (культурогенное) человеческое бытие лингвистично, это — «бытие в языке»;

- универсальной и манифестальной культурогенной формой аутентичной — лингвистической объективации смысла является текст; язык выступает формой актуализации и выражения смысла, его проводником, текст является формой объективации смысла, представленной во всех явлениях культуры;

- текст как исходная, базовая форма объективации смысла, удостоверяет собой лингво-семантическую сущность культуры и ее явлений; тексты как средоточия — микромоделли культуры в ее сущности подобны ее монадам (в логике монадологии Г. Лейбница), аутентично выражая собой мир культуры;

- культура — универсальный генератор текстов, в которых объективируется актуальная смысловая содержательность человеческого бытия;

– в своей гуманитарно сообразной, лингво-семантической природе/сущности культура может быть представлена как текст, способный к организации, позиционированию, воспроизводству, передаче, применению и развитию;

– культура как текст обретает свою семантическую представленность в (культурной) картине мира, в которой осуществляется соответствующая ей презентация мира, сообразная с вопросом о смысле человеческой жизни; семантическую картину мира вырабатывает каждая состоятельная культура.

Эти положения образуют теоретическое ядро, основу семантической концепции культуры, согласно которой культура как мир человечески-значимых смыслов является универсальным способом человеческого бытия в мире, сущность которого — это объективируемое смыслополагание. Универсальной формой объективации смыслов, осуществляемой в сфере культуры, выступает текст — ее фокус, ее сущностная манифестация (от лат. *manifestatio* — обнаружение, проявление). В тексте культура отчетливо, манифестально проявляет себя в своей лингво-семантической сущности.

На основе текста осуществляется главная, генеральная культурогенная функция человеческого бытия — объективация инициативного смыслополагания посредством иницилирующего явления культуры, проектирующего их смыслоформирования. Текст является средоточием культуры, ее фокусом, генерализирующей манифестацией ее лингво-семантической сущности.

Культура в своей сущности может рассматриваться как текст. Сам человек как субъект культуры и ее объект выступает как культурный текст, способный к самоформированию, функционированию, развитию. Принимая во внимание человеческую личность в качестве субъекта культуры, В. Налимов рассматривал ее как демиургического носителя смыслов [Налимов, 1989: 120]. Налимов полагал, что архитектоника личности — это архитектоника смыслов [там же]. По его словам, «культуры, как личности, несут свой смысловой облик. Может быть, каждую культуру можно рассматривать как некую гигантскую гиперличность. Мы знаем, как в культурах запечатлеваются духовные следы отдельных творческих личностей. Так же остаются и следы культур в духовном покрывале Земли» [там же: 236]. Словом, культуры несут в себе свой человечески адекватный смысловой облик. Каждая культура представляет собой самобытный смысловой мир человеческого бытия.

Сколько в истории человечества было создано культур, столько же было создано самобытных смысловых миров, в которых человеческое бытие стремилось к обретению своей достаточной, фундирующей культурогенную субъектность, смысловой обоснованности. Именно в культуре происходит формирование смыслового мира человеческого бытия, содержание которого образуют объективируемые в текстах лингвистически выражаемые смыслы, в которых человеческое бытие обретает свою смысловую определенность, и корреспондентную ей культурогенную субъектность и состоятельность.

В своей оптимальной модальности человеческое бытие является самоконструктивным бытием в мире творчески объективируемых смыслов, т. е. в мире культуры, универсальной формой которой является текст.

Выводы. Культура как универсальный способ и онтологический домен человеческого бытия представляет собой в сущностных своих основаниях и началах семантический мир, сферу лингвистически адекватных (человечески значимых) смыслов. И как таковая, в своей семантической определенности, культура предстает как смысловой мир текстов, в которых объективируется актуальное (информативное) смысловое содержание человеческого бытия.

Текст есть аутентичная манифестация лингво-семантической сущности культуры. Лингво-семантический мир текстов — это культурогенный мир объективируемых и организуемых смыслов человеческого бытия, в котором оно обретает смысловую основательность, определенность и субъектность.

В ходе своей истории человек как *Homo Cultures* в своей сознательно-мотивированной объективирующей смыслы субъектности выступает вершителем культуры как аутентичного способа человеческого бытия в мире. И оно таково, каковы иницируемые, объективируемые и культивируемые им — в такой универсальной культурогенной форме, как тексты — смыслы.

Библиографический список / References

- Васильева А. В. Ю. М. Лотман. М.: ИКЦ «MapT», 2005. 144 с.
(Vasilieva A. V. Y. M. Lotman, Moscow, 2005, 144 p. — In Russ.)
- Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
(Karmin A. S., Novikova E. S. *Culturology*, St. Petersburg, 2006, 464 p. — In Russ.)
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
(Lotman Y. M. *Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*, Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство — СПб», 2000. 704 с.
(Lothman Y. M. *Semiosphere*. St. Petersburg, 2000, 704 p. — In Russ.)
- Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
(Lotman Y. M. *Articles on semiotics of culture and art*, St. Petersburg, 2002, 544 p. — In Russ.)
- Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
(Mole A. *Sociodynamics of culture*, Moscow, 1973, 406 p. — In Russ.)
- Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
(Nalimov V. V. *Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality*, Moscow, 1989, 287 p. — In Russ.)
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1988. 376 с.
(Pelipenko A. A., Yakovenko I. G. *Culture as a system*, Moscow, 1988, 376 p. — In Russ.)
- Сухина И. Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры. Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2016. 444 с.
(Sukhina I. G. *Values and human being in the chronotope of culture*, Donetsk 2016, 444 p. — In Russ.)

Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.

(Flier A. Ya. *Cultural Studies: A study guide for undergraduates and graduate students, doctoral students and applicants, as well as teachers of cultural studies*, Moscow, 2000, 496 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.11.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 14.01.2025.

The article was submitted 16.11.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 14.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Сухина Игорь Григорьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, Россия, suhina_igor@mail.ru

Sukhina Igor Grigoryevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of Department of Philosophy, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russian Federation, suhina_igor@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Научная статья

УДК 172.16

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.29-36

Л. Д. Петряков

РУССКИЙ СИНКРЕТИЗМ В ОПЫТЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Цель статьи — проанализировать явление синкретизма, характерное для русской ментальности и культуры. В фокусе автора — критический реализм XIX века и советский андеграунд. Показано, что ментальным проявлением синкретизма стал особенный характер русской философской и эзотерической мысли, по преимуществу иррациональной и публицистической. Явление синкретизма рассмотрено на уровне психологии, ментальности, картины мира, социальности, идентичности и политики. Базовый метод, применяемый автором, — дискурс-анализ. Сделан вывод, что русский синкретизм предполагает единство людей и одновременно их различие по степени близости: за друга (или идею) такой человек готов отдать жизнь, но к большинству других людей он равнодушен, не рассматривает их как других «я». Рассмотрены примеры гармоничного и дисгармоничного синкретизмов, характерных для истории разных стран и народов. Раскрыт творческий потенциал синкретизма, способного в случае гармоничного синтеза разных культурных начал порождать качественно новые социальные отношения и институты, способствовать общественному прогрессу.

Ключевые слова: синкретизм, сиблинговые отношения, литература, философия, мифологическое сознание, крабовый эффект.

Ссылка для цитирования: Петряков Л. Д. Русский синкретизм в опыте литературы и философии // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 29—36.

Original article

L. D. Petryakov

RUSSIAN SYNCRETISM IN THE EXPERIENCE OF LITERATURE AND PHILOSOPHY

Abstract. The purpose of the article is to analyze the phenomenon of syncretism, characteristic of the Russian mentality and culture. The author focuses on the critical realism of the 19th century and the Soviet underground. It is shown that the mental manifestation of syncretism was the special character of Russian philosophical and esoteric thought, mainly irrational and journalistic. The phenomenon of syncretism is considered at the level of psychology, mentality, picture of the world, sociality, identity and politics. The basic method used by the author is discourse analysis. It is concluded that Russian syncretism implies the unity of people and, at the same time, their difference in the degree of closeness: such a person is ready to give his life for a friend (or an idea), but he is indifferent to most other people, does not consider them as other “I”. Examples of harmonious and disharmonious syncretism, characteristic of the history of different countries, are considered. The creative potential of syncretism is revealed, which, in the case of a harmonious synthesis of different cultural principles, is capable of generating qualitatively new social relations and institutions and promoting social progress.

© Петряков Л. Д., 2025

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 29—36 •

Keywords: syncretism, sibling relationships, literature, philosophy, mythological consciousness, crab effect.

Citation Link: Petryakov L. D. (2025) Russian syncretism in the experience of literature and philosophy, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 29—36.

Введение. С. Л. Франк выразил синкретизм так: «Непосредственное чувство, что мое бытие есть именно бытие, что оно (мое бытие) принадлежит бытию всеобщему и укореняется в нем» [Франк, 1996: 43]. С такой точки зрения, не существует таких категорий, как добро и зло, красивое и уродливое, чистое и грязное. «Она чище всех прочих; а грязь — истерическая. Искренней чистоты», — пишет автор поэмы "Москва — Петушки" В. Ерофеев о своей «любимой блуднице». Мысль, что человеку надлежит принимать все происходящее, ничего не отвергая, ко всему относясь как к данности. Искренность и открытость миру, граничащие с цинизмом (кинизмом). В этом состоянии есть только два модуса: умереть за другого, а лучше вместе с ним. Или "всеобщее малодушие" — да ведь это спасение ото всех бед, эта панацея, это предикат величайшего совершенства! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости!» — писал В. Ерофеев. У такого героя (Обломов) не может быть внутренних противоречий, «раздвоения личности», поскольку раздваиваться нечему: он часть Природы, герой мифа.... В этом состоянии легче переживать трудности, подставляя плечо друг другу. Почему «малодушие»? Потому, что всепринятие означает гармонию, равновесие с миром — «ноосферой», где всякое «я» часть большого «Мы» (Е. Замятин). Но стоит разрушить это мы в самом важном, близком пункте — смертью любимого человека, так и вторая часть «его-меня» стремится к смерти. По закону гармонии Вселенной. Всеединство Вл. Соловьёва, не требующее теоретического представления: достаточно вспомнить наивное «озорство» красноармейцев у М. А. Булгакова в «Белой гвардии» да и органичный русский панк-рок Свина — А. Панова.

Поводом для обращения к этой теме послужила статья Марины Соколовой «Венедикт Ерофеев: до боли близкий», где на основе дневника писателя и его поэмы «Москва — Петушки» рассматривается личная трагедия автора и ее философский смысл. Я заметил, что это свойство «синкретизм» характерно не только для героев В. Ерофеева, но и для многих героев русской литературы, и не только русской. В частности, историю Ромео и Джульетты можно рассмотреть как проявление синкретизма людей или сиблинговых отношений. Философский аспект этой темы состоит в ее экстраполяции на русскую ментальность в целом.

Синкретизм — сочетание разнородных философских начал в одной системе без их объединения чем-то общим¹. Восток и Запад, язычество и христианство. Учения русских философов и ученых: Н. Ф. Фёдоров, Вл. Соловьёв, Н. Гумилёв, Н. Рерих, Е. Блаватская, В. Вернадский. Лишь в утверждении синтеза веры, опыта и умозрительного знания, как считал Вл. Соловьёв, можно приблизиться к построению «всеобъемлющего мировоззрения» [Красильникова, 2018: 95]. Однако одно из основных противоречий его учения обнаруживается уже

¹ Синкретизм. Культурологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=5&wordid=72644> / (дата обращения: 12.12.2024).

в самой метафизике всеединства — в несоответствии соловьевской концепции традиционному христианскому вероучению в плане взаимодействия Абсолюта и мира. В духовном становлении самого философа эта метафизика претерпела изменения, но источником вдохновения для последователей мыслителя стали идеи его раннего творчества.

Синкретичное мышление. Прототипом многих «всеединых» рассуждений выступает детское мышление: неспособность к логическому рассуждению из-за тенденции заменять синтез соположением (между, рядом). К примеру, если Россия — между Европой и Азией, она должна соединять их либо быть отдельной цивилизацией. Вопрос «почему?» не возникает. Причина выводится непосредственно из наблюдаемого факта. Ярче всего он проявился на переломе эпох, в начале XX века. Такую оценку давал этому времени, в частности, Бердяев. Синкретизм характерен также для мышления мифологического. Он строится на апеллировании к сакральному Единому, Началу. Синкретично мыслящий человек воспринимает себя и мир вокруг не двойственно (добро и зло, причина и следствие, я и другие «я»), а едино. Для такого мышления характерна «круговая перспектива»: в ней не логика, а комплекс ожиданий, «картина мира», где все ответы уже есть, определяет следующее действие. Как в пословицах и поговорках. Круговую перспективу явно изобразил русский авангард в живописи. А о комплексном мышлении как стадии развития абстрактного мышления писал [Выготский, 1934]. Выделяют две формы вербального синкретизма: рассуждения, искажающего соединяемые идеи, и понимания, когда мысль понимающего создает сначала схему фразы, из которой и выводит ее смысл. Представителем и исследователем русского синкретизма можно считать Фёдора Степуна, защитившего диссертацию по Вл. Соловьёву и читавшему уникальный курс «История русской мысли». В параллель ему можно поставить последующую «историю систем мысли» Мишеля Фуко. В частности, Ф. Степун считал философию не выделенной из других форм сознания, сочетал в своих трудах различные способы описания реальности, размывая жанровые и дисциплинарные границы [Степун, 2023].

Синкретичное сознание. Мифологическое сознание синкретично, оно выступает парадигмой объяснения всех явлений, апеллирования к некоему сакрализованному началу. Но и в дальнейшем, с развитием сознания синкретизм не исчезает, а становится свойством языка, «схватывающим» логическую и эмоциональную суть события. «Синкретизм является одним из фундаментальных свойств мышления человека, характерным для любого уровня развития общества и языка и выступает важным средством развития языка. Когнитивной основой синкретизма является фундаментальное свойство восприятия и мышления в целом — гештальтность. Он служит не только изначальной формой целостности, но и конечной целью целостности, целостного освоения мира» [Санжарова, 2020: 124]. (Замечу, как и практика в русском марксизме). А если начало, конец и критерий действия совпадают, мы движемся в некоем круге (магическом и историческом). Философской основой синкретизма выступает мистицизм, различные эзотерические практики и системы, очевидную параллель ему можно найти в платонизме и неоплатонизме. Если мир можно представить как совокупность бесконечных проявлений Единого Начала, то в нем существует только «закон», проявляющийся ситуативно, как в «Книге Перемен», согласно которому этот

мир функционирует. Одним из аспектов этого закона выступает пульсация: множество — единство — качественно новое множество.

Синкретизм в опыте русской литературы. Известны увлечение этими эзотерическими практиками русских писателей, деятелей культуры и влияние этих практик на русскую литературу, начиная с Пушкина и Гоголя. Многие свойства ментального синкретизма можно обнаружить у едва ли не большинства персонажей русской литературы. Это герои «Мёртвых душ» Н. Гоголя: от Манилова до Коробочки и Плюшкина они так гармоничны, что даже не вызывают упрека в своей «ненормальности»! А где же эта «норма»? Получается, нет ее вовсе? Аналогично описаны герои А. Островского, Веничка у Венедикта Ерофеева, Вавилен Татарский у Виктора Пелевина. Венедикт Ерофеев своей поэмой «Москва — Петушки» реализует идею уничтожения индивидуального сознания, как и Е. Замятин в антиутопии «Мы», и именно ее считают центральной идеей произведения Ерофеева². Отчасти это буддистская идея. Но на место уничтоженного сознания должно прийти что-то другое. Что именно? В буддизме — сознание религиозное. Одним из проявлений синкретизма является шаманизм, ставший частью русской культуры XXI века: начиная от якутского и тувинских шаманов, пришедшим к нам через масс-медиа, плюс мистическое восприятие власти, к певцу с характерным псевдонимом «Шаман»! Массовая культура легко присваивает себе и профанирует то, что не успела осмыслить и выразить культура «высокая».

Гуманистические свойства синкретизма. Большой интерес для меня представляют «человеческие» следствия синкретизма, имевшие серьезное влияние на формирование русской ментальности. Героическое начало, как и трагическое, здесь проявляются сразу недооценкой и презрением к собственной жизни: ее легко отдают за идею, за друга, от обиды и разочарования и просто не замечая этого. Следствия синкретизма: уничтожение сознания «отдельности». Всеприятие, равновесие с миром — «ноосферой», где всякое «я» часть большого «мы». «Малодушие», равнодушие, безразличное отношение к «дальним» при остром переживании за близких, родных: «Их — понятно, а нас-то за что?» «Выживание»: легче пережить трудности, подставляя плечо другу. Как верно заметил Джон Дон, «Нет человека, который бы был один, как остров», жил вне общества, но, с другой стороны, это общество не может развиваться, не будучи разделенным на отдельных людей. Невозможность провести различие между собой и другим рассматривают как серьезное психическое отклонение. Поэтому «кризис идентичности» — это не только социальная, но и ментальная проблема.

Психология синкретизма. Психологически синкретичная связь, зависимость между людьми формирует сиблинговый комплекс: отношения любви/ненависти между близкими родственниками, братьями, сестрами, особенно старшим и младшим в семье. «Старший ребенок проживает опыт того, что другой как будто приходит на его место и „убивает“ его. Поэтому первая реакция на угрозу появления нового — „убить“ его первым» [Митчелл, 2020: 132]. А Любовь к своему брату, к сестре — это также и любовь к самому себе, это самообожание, а значит, и невозможность провести различие между собой и другим.

² Соколова М. Венедикт Ерофеев: до боли близкий. Марина Соколова предлагает новые ключи к «Москве — Петушкам» 4 августа 2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/25060-marina-sokolova-moskva-petushki-novye-klyuchi> (дата обращения: 14.11.2024).

Младший хочет быть не хуже старшего, хочет быть равным ему и всякое свое умаление рассматривает как несправедливость по отношению к себе. Он выделяет свое «я» по отношению к окружающим, родителям, но своего брата или сестру рассматривает как «не-я», свое-иное, вырвавшуюся вперед часть себя и стремится уравниваться с ней. Отсюда возникает парадоксальное понятие — характеристика русских: «индивидуалистический коллективизм». Если мы все «братья и сестры», то отношения братьев и сестер могут быть: «поддерживающие: для них характерны высокие показатели по привязанности и низкие по конкуренции. Испытывающие потребность друг в друге, отличающиеся высокой привязанностью и аттракцией. Отношения безразличные, с низкими показателями по привязанности и высокими по апатии. Отношения враждебные, с низкими показателями по привязанности и высокими по критицизму и безразличию и, собственно, конкурирующие» [Митчелл, 2020: 251].

Синкретизм и справедливость. Конкуренция между детьми-сиблингами показывает новый ракурс рассмотрения социальной справедливости: при всей несправедливости для одного, уравнительная справедливость кажется наиболее привлекательной для всех, как «равного себе большинства», «человека-народа». Самосознание такого человека формирует образ «я» как «первого среди равных» и одновременно «последнего среди неравных». Признающего только власть «большого отца». Неравенство среди сиблингов вызывает «крабовый эффект», стремление принизить «выскочку». Если оба ребенка успешны и считают друг друга «ровней», проблема не возникает, напротив, растет самооценка каждого. Если же взаимного успеха нет, то возникают проблемы «бедных родственников»: «мы, сироты...», — говорят проигравшие, не радуясь успехам брата. У успешного возникает чувство вины за провал брата. Разрешение этого противоречия возможно: разорением успешного; гибелью неудачника; призыванием «большого отца», способного отнять у богатого и поделить «поровну».

Синкретизм и идентичность. Если же синкретичная, сиблинговая связь распалась, человек может вообразить себя Единственным, подобным Родиону Раскольникову, находящимся вне эмпатии к людям и морали. Как писал А. С. Пушкин:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы.
Для нас орудие одно;
нам чувство дико и смешно.

В ином случае начинается процесс формирования персональной идентичности. Он может опираться на поиск новых друзей, самооценку своих поступков, различение добра и зла в мире и т. д. «Общество деградирует, если не получает импульсов от отдельных личностей; личность деградирует, если не получает сочувствия от всего общества» [Джеймс, 2011: 135]. Это проблема активного политического слоя в обществе, всегда выступающего с новыми идеями и требующего своего участия во власти, мобильности, в том числе участия молодежи. В последние годы эта проблема только обостряется.

Синкретизм и международная политика. Сиблинговые отношения можно обнаружить и в политической сфере, это отношения между соседями, близкими по уровню развития, один из которых начинает опережать другого, вызывая страх у неудачника. Этот эффект отвечает на вопрос истории, почему соседние, развитые государства преимущественно воевали между собой, не

стремясь к освоению других, менее развитых, «пустых» территорий. Сиблинги в политике: Афины и Спарта; Рим и Карфаген; Англия и Франция; Сербия и Болгария; Китай и Япония.... Не является ли современный процесс глобализации формой синкретизации разных культур, мировоззрений, политических и экономических систем, провоцирующий конфликты с одной стороны и интеграцию с другой?

Модусы синкретизма. Процесс синкретизации может иметь два модуса развития: один представляет неорганическое слияние разнородных элементов, а другой, напротив, органическое. Пример первого — ментальность поздней Римской империи, ее система общественного сознания (I—III вв. н. э.) [Красильникова, 2018: 93]. Пример второго: искусство Возрождения, сочетавшее античные формы с христианским содержанием и мифологией «варварских» племен. Другой пример: римское право и правовая система европейского Средневековья. Римское право было заимствовано новыми государствами Средневековья и изначально регулировало имущественные отношения, но его принципы постепенно распространялись на обычное право и властные отношения.

Синкретизм в русской культуре. В отличие от классического, русское Возрождение — «Серебряный век» было синкретичным и по форме, и по содержанию. Николай Бердяев писал: «Религиозное возвращение было христианообразным, ... Но был сильный элемент языческого возрождения. В известный момент произошло смешение разных духовных течений. Эпоха была синкретической» [Бердяев, 1990: 152]. Стремление к универсальному синтезу представляло мечту эпохи, но его всеохватность содержала опасность распада. «Воплощая Христа, она — София, Лучистая Дева; не воплощая Христа — Лунная Дева, Астарта, Огнелазарная Блудница, Вавилон» [Блок, Белый, 1990: 354]. Реализация синкретичного синтеза в культуре начала XX века была проблематичной в силу того, что он представлялся безмерным и всеохватным, соединял несоединимое. Его всеохватность содержала в себе опасность распада. Устремленность к синтезу и реальное соответствие культуры принципу синкретизма составляют коренное противоречие «канунной» эпохи. Великий синтез оказался утопией. Культуротворчество эпохи осталось в границах синкретизма, культура предстала как «перекресток противоречий» в разнородности и рассогласованности отдельных элементов, что соответствовало переходному, «разрывному» ее периоду.

Синкретизм в русской истории. По мнению историка А. С. Ахиезера, в российском обществе господствует модифицированный инверсионный цикл, восстанавливающий то, что уже было, но ограниченно и неполно [Ахиезер, 1997: 123]. Согласно ему, «массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы» [там же: 163]. Отвечая на вопрос: почему после грандиозных социальных потрясений, в ходе которых «Россия вновь разметала ненавистное начальство» [там же: 7], не происходит выхода на новый уровень медиации и рефлексии, но страна вынуждена изнурительно перебирать, пробовать свои старые мифы? Автор утверждает: «Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему» [там же: 133]. В результате «в борьбе за уравнительность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что

лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т. е. уничтожить сословность» [там же: 245]. Революция показала полную несовместимость либерального и синкретического идеалов. Торжество уравнилельных синкретических общинных ценностей, замкнутых на самих себя, без какого-либо стремления к большому гражданскому обществу [Нагорнов, 2021: 235]. Вывод, который напрашивается из этого, — необходимость развития не только институтов гражданского общества, но и рационального мышления, перестройка сознания, в том числе, средствами образования.

Синкретизм может не только проявляться в культуре и религии, но и затрагивать практически все сферы социума. Одной из важнейших особенностей синкретизма является его функционирование в качестве процесса, приводящего к трансформациям, гибели одних и формированию других, новых социальных систем [Гаврилова, 2015: 31]. Так было после гибели и распада Римской империи, колониальных империй, наступала эпоха новых, национальных государств. Творческий характер синкретизма так же имеет место, как и разрушительный.

Смысл русского синкретизма. Синкретизм может быть гармоничным синтезом разных начал, если наполняет эти формы удовлетворяющим всех содержанием, если имеется общая основа для такого синтеза, если объединяющее начало имеет большую ценность для всех участников синтеза, чем те начала, которые их разъединяют, если приводит к успеху обоих партнеров.

Библиографический список / References

- Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. 804 с.
(Akhiezer A. S. *Russia: Criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia)*: in 2 vols, Novosibirsk, 1997, vol. 1: From the past to the future, 804 p. — In Russ.)
- Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
(Berdyayev N. A. *Self-knowledge (the experience of philosophical autobiography)*, Moscow, 1990, 336 p. — In Russ.)
- Блок А., Белый А. Диалог поэтов о России и революции. М.: Высшая школа, 1990. 687 с.
(Blok A., Bely A. *The dialogue of poets about Russia and the revolution*, Moscow, 1990, 687 p. — In Russ.)
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. 432 с.
(Vygotsky L. S. *Thinking and speech*, Moscow, Leningrad, 1934, 324 p. — In Russ.)
- Гаврилова Ю. В. Синкретизм как фактор формирования и эволюции социальной реальности. Проблемы реальности и ее отражения // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 29—34.
(Gavrilova Yu. V. Syncretism as a factor in the formation and evolution of social reality. The problems of reality and its reflection, *Humanitarian Vector. Series: Philosophy, cultural studies*, 2015, no. 2 (42), pp. 29—34. — In Russ.)
- Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии. М.: ЛКИ, 2011. 240 с.

(James W. *Pragmatism: a new name for some old methods of thinking: Popular lectures on philosophy*, Moscow, 2011, 240 p. — In Russ.)

Красильникова М. Б. Синтез и синкретизм: принципы организации русской культуры «канунной» эпохи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 91—99.

(Krasilnikova M. B. Synthesis and syncretism: principles of the organization of Russian culture of the “Eve” era, *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism*, 2018, no. 31, pp. 91—99. — In Russ.)

Митчелл Дж. Скрытая жизнь братьев и сестер: Угрозы и травмы. М.: Когито-Центр, 2020. 341 с.

(Mitchell J. *The Hidden life of brothers and sisters: threats and traumas*, Moscow, 2020, 341 p. — In Russ.)

Нагорнов Е. А. Архаический пласт русской революции в идейном поле русской религиозной философии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 4—5. С. 230—237.

(Nagornov E.A. Archaic stratum of the Russian Revolution in the ideological field of Russian religious Philosophy, *Scientific Notes of Kazan University, Series: Humanities*, 2021, vol. 163, book 4—5, pp. 230—237. — In Russ.)

Санжарова О. Н. Синкретизм: когнитивные истоки происхождения и когнитивные основания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Языкознание. 2020. № 3. С. 120—125.

(Sanzharova O. N. Syncretism: cognitive origins and cognitive foundations, *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, Series: Linguistics*. 2020, no. 3, pp. 120—125. — In Russ.)

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.: Захаров, 2023. 752 с.

(Stepun F. A. *The former and the unfulfilled*, Moscow, 2023, 752 p. — In Russ.)

Франк С. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 736 с.

(Frank S. *Russian worldview*, St. Petersburg, 1996, 736 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.11.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 14.01.2025.

The article was submitted 16.11.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 14.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

Petryakov Leonid Dzhorzovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Humanities, Social and Economic Sciences Department, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 130.122:140.8

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.37-44

А. А. Камин

ФАНТАЗИЯ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. Информационно-коммуникативная среда, в которой живет современный человек, оказывает на него значительное влияние за счет избыточной информационной нагрузки, необходимости отбирать, усваивать, творчески перерабатывать и создавать новые образы с помощью воображения и фантазии. Ожидается, что эти процессы будут ускорены NBIC-конвергенцией. Вследствие этого элементы научного прогнозирования зачастую переплетаются с фантазией в форме научной и социальной фантастики. Это является примером действенной силы фантазии, которая создает новую реальность на основе традиционных образов. Для работы в новой информационно-коммуникативной среде потребуются интуитивный потенциал, который подлежит целенаправленному развитию. Интуиция близка воображению и творческим способностям человека, в основе которых заложена фантазия как самостоятельная структурирующая мыслительная сила. С этим обстоятельством связаны перспективы трансформации образования. В обществе и науке возрастает роль творчества и креативности и их претворения в реальности.

Ключевые слова: интуиция, творчество, воображение, фантазия, образ, фантастическая реальность.

Ссылка для цитирования: Камин А. А. Фантазия в аспекте социально-гуманитарного знания // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 37—44.

Original article

A. A. Kamin

FANTASY IN THE ASPECT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Abstract. Modern man lives in an information and communication environment. It has a significant impact on him due to the excessive information load, the need to select, assimilate, creatively process and create new images with the help of imagination and fantasy. These processes will be accelerated by NBIC-convergence. As a consequence, elements of scientific prediction are often intertwined with fantasy in the form of science and social fiction. This is an example of the effective power of fantasy. Fantasy creates a new reality, based on traditional images. Working in the new information and communication environment will require intuitive capacity, which is subject to deliberate development. Intuition is close to imagination and human creative abilities, which are based on fantasy as an independent structuring

---

© Камин А. А., 2025

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 37—44 •

thought force. Prospects of transformation of education are connected with this circumstance. In society and science, the role of creativity and creativity and their realization in reality is increasing.

Keywords: intuition, creativity, imagination, fantasy, image, fantasy reality.

Citation Link: Kamin A. A. (2025) Fantasy in the aspect of social and humanitarian knowledge, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 37—44.

Фантазия и воображение. Фантазию и воображение часто используют как синонимы. Воображение можно рассматривать как одну из психологических характеристик человека. Оно представляет собой процесс визуализации, формирования ментальных образов вещей как реальных, так и виртуальных. Способность же создавать новые образы можно описать как фантазию. Образ является обобщением, соединяющим психические процессы: восприятие, память, мышление, эмоции, речь и организацию внутреннего ментального пространства или внутреннего мира человека. Фантазия рассматривается как структура, схватывающая продукты воображения в определенных формах, которые философия относит к внутреннему миру человека. «Фантазия как антропологическое свойство человека связана с феноменальным миром явлений, воспринимаемых подсознательно и переживаемых в сознании. Особое значение это приобретает в цифровую эпоху, когда человек постоянно существует в цифровых информационно-коммуникационных средах во время обучения, работы и досуга» [Камин, 2024: 25], что требует целенаправленного развития навыка фантазии в современном образовании.

Действенная сила фантазии. В современном мире наблюдается взаимопроникновение и взаимное влияние внутренних ментальных образов воображения и внешних образов фантазии в цифровых пространствах. Информационно-коммуникативная среда, в которой живет современный человек, оказывает на него значительное влияние за счет избыточной информационной нагрузки, необходимости отбирать, усваивать, творчески перерабатывать и создавать новые образы с помощью воображения и фантазии.

Ожидается, что эти процессы будут ускорены NBIC-конвергенцией, то есть объединением и синергетическом усилением нано-, био-, информационных и когнитивных технологий. В обсуждении потенциальных результатов NBIC-конвергенции элементы научного прогнозирования зачастую переплетаются с фантазией в форме научной и социальной фантастики [Лем, 2002: 302—365]. Возможные последствия NBIC-конвергенции обсуждаются, так что элементы научного прогнозирования зачастую переплетаются с фантазией в форме научной и социальной фантастики. В таком обсуждении есть немало положительного, «поскольку эвристический потенциал научной фантастики и социальной утопии (а также и антиутопии) весьма высок» [Ефременко, Гиряева, Евсеева, 2012: 117].

М. Робитайт указывает, что многие тексты современных последователей идеологии трансгуманизма представляют собой предсказания, которые сами порождают собственную достоверность [Robitaille, 2011: 65]. Это является примером действенной силы фантазии, которая не просто изменяет старую реальность, а создает новую, которой до этого никогда не было.

Примером такого изменения реальности являются исследования в сфере создания искусственного интеллекта и виртуальной реальности, а также трансформации самой природы человека с помощью NBIC-конвергенции. Не случайно Илон Маск, кроме исследования космоса, значительное внимание уделяет исследованию чипирования человека, то есть фактического слияния человека и машины, известного в фантастической литературе как киборгизация. Эволюционный характер этих изменений был стремительно ускорен пандемией и последующим обострением экономического и политического кризисов. Одним из таких революционных изменений, которые мы сейчас наблюдаем, является широкое внедрение нейросетей в самые разные области знания. Проблемы современного социально-гуманитарного знания в постнеклассическом подходе могут быть редуцированы до проблем управления слабоструктурированными открытыми и неструктурированными сложными системами. В настоящий момент «оценить перспективы развития нейронных сетей можно, лишь определив их место в решении данной проблемы» [Горбачевская, Краснов, 2015: 54].

Новые революционные изменения приводят к новому большому антропологическому переходу, который сравним с предыдущими антропологическими переходами, приведшими к появлению языка, сознания и связанной с ними культуры. Это может привести к созданию развитых искусственных интеллектов, киборгов, долголетию человека и возникновению других форм его жизни. В свою очередь, новая форма антропологии может привести к созданию ветви эволюции, изменению человеческой биологии и, следовательно, изменению мышления человека.

Для работы в новой информационной коммуникативной среде потребуются интуитивный потенциал, который подлежит целенаправленному развитию. Интуиция «близка воображению и творческим способностям человека, в основе которых заложена фантазия как самостоятельная структурирующая мыслительная сила» [Lamas, 2013: 22].

С этим обстоятельством связаны перспективы трансформации образования. В новую школу сегодня приходят дети нового сознания, уже в значительной степени подготовленные к работе с информацией на интуитивном уровне. Когда человек «лукавит, он теряет целостность и не может находиться в состоянии интуитивного канала, в состоянии творца, причастности к ноосфере, а именно это должно отличать людей новой эпохи, эпохи, идущей вслед за антропологическим переходом середины XXI столетия» [Буданов, Аршинов, 2022: 10]. Действенная сила фантазии формирует особое фантастическое мышление, не сводимое только к интуиции или виртуальности.

Классические представления о фантазии в научном знании. Умственные и психические силы должны быть взаимно согласованы. Аристотель связывает со способностью воображения возможность научного познания мира [Сергеев, Слинин, 1991: 96], выделяя ее в ряду других способностей или частей души. Такая связь, по мнению современных ученых, нужна не только потому, что большинство предметов познания освобождены от материального наполнения, но и потому, что мышление «всегда нуждается в образе. Фантазия оказывается посредником между восприятием и мышлением» [Иванова, 2011: 15].

В эпоху Нового времени Д. Юм исследовал принцип связи между идеями. Он описал наличие силы притяжения или принципа ассоциации, который за счет воображения соединяет идеи и дает целостность человеческой природе

и целостность, соответственно, мира. Д. Юм объяснил особую роль фантазии, которая создает неделимую связь идей, благодаря этому наш внутренний опыт получает искомую целостность [Юм, 1996].

И. Кант исследовал вопрос о познавательных возможностях души человека и универсальности результатов человеческого познания. Он обнаружил, что основа теоретического познания лежит в уникальной способности человека к воображению. Речь идет о специфической способности души человека не только пассивно отражать мир, но и действовать продуктивно, быть активной в создании целостного образа мира. Эта деятельность выражает творческую активность человека по отношению не только к миру, но и к самому себе. Она может считаться фактором самореализации человека. И. Кант анализирует трансцендентальную функцию чистого воображения, которая проявляется как особая «трансцендентальная схема», априорное определение времени, которое дает целостность нашему теоретическому разуму, соединяет представление и понятие, направляет наше созерцание и приводит к оформлению предмета всякого теоретического познания [Кант, 2006].

Немецкая классическая философия «делает акцент на духовной деятельности человека, самостоятельной активности субъекта познания, творчества, самоосуществления» [Юречко, 2021]. И. Кант подразумевал под этой активностью возможности продуктивного воображения, которое проектирует не только конкретный предмет познания, опыт нашего восприятия мира, но и создает определенный контекст онтологически связанной реальности культуры, мира в целом [Кант, 1994]. Фихте вводит фантазию как важнейшую способность человеческого духа. Она осуществляет деятельность и создает определенный продукт. Рассудок фиксирует продукт фантазии, позволяет его осознать [Фихте, 1994]. Классическая западноевропейская философия, исследуя творчество, обнаружила, что воображение проявляет себя в репродуктивной и продуктивной функциях. Это требует изучения мыслительных процессов человека в их согласовании, что и осуществляется с помощью фантазии.

Классическая психология с самого момента своего возникновения как самостоятельной науки обратила внимание на фантазию как специфическую способность человеческой души, мышления, разума. Воображение трактовалось как сложная форма психических процессов человека. Например, ассоциативная психология рассматривала воображение как момент функционирования памяти, случайную комбинацию элементов памяти и прошлого опыта. Любое усложнение мыслительных процессов приводило к усложнению этой формы фантазии. Человек воссоздает свою внутреннюю субъективную целостность, внутренний духовный мир, опосредуя с помощью фантазии свои отношения с объективным миром, другими людьми. Без продуктивной функции фантазии трудно представить не только такие феномены, как сочувствие, эмпатию, но и саму возможность взаимопонимания между людьми. Все они требуют способности поставить себя на место собеседника.

Фантазия в современном мире. Фантазия выступает универсальной основой продуктивного творчества человека в науке и культуре. Она не только конструирует возможное будущее, но схватывает и позволяет осознать противоположности образа реального и виртуального мира. Феномен фантазии является парадоксальным с точки зрения роли в истории социально-гуманитарного знания, отношения к одаренным фантазией личностям в обыденной социальной

жизни, в характере ее исследований в науке и культуре. «Вся мировая история, основанная на блестящих фантазиях-догадках, фантазиях-изобретениях, фантазиях-открытиях, свидетельствует о том, что фантазия ценна в жизни личности и социума» [Волкова, Камин, 2023].

Д. Чалмерс считает, что соединение мышления и фантазии основано на концепции «натуралистического дуализма» [Чалмерс, 2013: 125]. Натуралистический дуализм предполагает, что существует взаимодействие между физической и ментальной частями человека, что позволяет объяснить, как мы можем ощущать, мыслить и действовать в мире. При этом ментальная часть не является независимой от физической, а скорее, взаимодействует с ней, что позволяет нам воспринимать мир и принимать решения на основе наших мыслей, образов и эмоций. А. Н. Леонтьев в книге «Деятельный ум» подчеркивает, что фантазия является процессом формирования образов и представлений, которые могут быть использованы для решения практических задач. Он отмечает, что фантазия позволяет нам предвидеть и анализировать возможные последствия нашей деятельности и принимать решения на основе этих представлений. А. Н. Леонтьев также говорит о том, что фантазия является необходимым условием для творческой деятельности и исследования новых областей знания. Таким образом, А. Н. Леонтьев подчеркивает важность фантазии в человеческой мыслительной деятельности, отмечая, что она является неотъемлемой частью нашего мышления и позволяет нам решать практические задачи, творчески исследовать новые области знания и принимать осознанные решения [Леонтьев, 2001: 315].

Антропологическая характеристика фантазии. Человек с помощью деятельности, фантазии конструирует виртуальную, особую реальность будущего, которая в итоге оказывает непосредственное влияние на настоящее, через механизмы целеполагания. Фантазия, которая раньше способствовала уходу от мира, теперь, наоборот, возвращает к нему. Это реализуется не только через планы, но и возможности виртуальной реальности. Фантазия выступает основным фактором самореализации, определяет творческие устремления человека в культуре и других формах социальной реальности. Эти феномены можно рассматривать не только психологически, но философски.

Фантазия и фантастическая реальность имеют разные стороны изучения. Если выйти за пределы классического определения реальности как объектного, материального мира вещей, то фантазия может восприниматься как феномен, определяющий уникальную антропологическую сущность, одно из основных свойств антропологической природы наравне с разумом, рассудком и нравственностью. В период классической науки понятие реальности опирается на феномен человеческого мышления. Этой традиции дал начало Рене Декарт, полагая, что мышление определяет реальность самого мыслящего субъекта. Его знаменитое *Cogito ergo sum* определяет реальность как прежде всего акт мышления, в котором невозможно сомневаться [Декарт, 2014: 268]. Реальность задается индивидом, и, без сомнений, реален сам мыслящий субъект. Определяя фантазию как часть реальности, следует учесть, что здесь нет смешения, отождествления одного феномена с другим. Фантазия всегда остается фантазией, но она включена в действительность как особый вид реальности, имеющий свою самобытную, уникальную структуру [Суетин, 2017: 27]. Человек, будучи многогранным существом, терзается незавершенностью своего собственного бытия — мы не в силах однозначно, в соответствии с реальностью, ответить на

вопросы своего происхождения, своего назначения. Человек не в состоянии проникнуть в подлинный смысл существования мира и себя в этом мире. Арнольд Гелен очень точно определил человека как «существо фантазирующее» [Психологический словарь, 2007: 708].

Фантазия является частью мыслительной способности человека. Фантастическая реальность может быть создана искусственно с помощью технических средств современной информационно коммуникационной среды, а также других форм общественного сознания — литературы, искусства и техники.

Современный человек не просто воображает то, что есть в окружающей действительности, но создает онтологический мост между реальным и фантастическим: «свойства, внутренне присущие субъекту, позволяют миру развиваться в неожиданном направлении: в плане создания нового как аномального, контр-бытийного, возникающего из ничего» [Касавин, 2022: 22]. В то же время фантазия проявляет себя в творчестве через вдохновение, интуицию, инсайт, которые ранее были для субъекта чем-то эфемерным, внезапным, трудно воспроизводимым. В современном мире они нуждаются в регулярности и надежности.

Современная наука весьма ограничена в своем влиянии на конкретного субъекта, его мысли и поведение. Человеческий мир — это огромное количество разнообразных факторов, среди которых когнитивные способности являются лишь одним из многих [там же: 23]. В обществе и науке возрастает роль творчества и креативности и их претворения в реальности. Как замечает П. Фейерабенд, «говорить о креативности имеет смысл только в том случае, если мы рассматриваем человека определенным образом: именно он дает начало каузальным цепочкам, а не просто следует за их ходом» [Фейерабенд, 2010: 179]. Данное положение дел ведет к созданию творческой структуры научного мировоззрения, в рамках которого креативность, творчество, фантазия через реализацию креативных проектов в социальном пространстве становится высшей ценностью.

Библиографический список / References

- Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход: методология сложностенетового мышления. Курск: Университетская книга, 2022. 129 с.
(Budanov V. G., Arshinov V. I. *Big anthropological transition: methodology of complex-network thinking*, Kursk, 2022. 129 p. — In Russ.)
- Волкова В. О., Камин А. А. Понятие фантазии в философии и гуманитарных науках // Философская мысль. 2023. № 2. С. 1—14.
(Volkova V. O., Kamin A. A. The concept of fantasy in philosophy and humanities, *Philosophical Thought*, 2023, no. 2, pp. 1—14. — In Russ.)
- Горбачевская Е. Н., Краснов С. С. История развития нейронных сетей // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 1 (23). С. 52—56.
(Gorbachevskaya E. N., Krasnov S. S. History of neural networks development, *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 2015, no. 1, pp. 52—56. — In Russ.)
- Декарт Р. Рассуждения о методе. М.: Академический проект, 2014. 328 с.
(Descartes R. *Discourse on Method*, Moscow, 2014, 328 p. — In Russ.)
- Ефременко Д. В., Гиряева В. Н., Евсеева Я. В. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Эпистемология и философия науки. Т. XXXIV. 2012. № 4. С. 112—129.

(Efremenko D. V., Giryayeva V. N., Evseeva Y. V. NBIC-convergence as a problem of socio-humanitarian knowledge, *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. XXXIV, 2012, no. 4, pp. 112—129. — In Russ.)

Иванова Е. В. К вопросу о месте фантазии в учении Аристотеля о душе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 2. С. 9—15.

(Ivanova E. V. To the question about the place of fantasy in Aristotle's doctrine of the soul, *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2011, no. 2, pp. 9—15. — In Russ.)

Камин А. А. Феномен фантазии и виртуальная реальность в дистанционном образовании // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение): материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 8—9 декабря 2023 года / под ред. Б. Б. Айсмонтаса и др. М.: МГППУ, 2024. С. 25—28.

(Kamin A. A. Phenomenon of fantasy and virtual reality in distance education, in Aismon-tas B. B., etc. (eds.) *Psychological assistance to socially vulnerable persons using distance technologies (internet counseling and distance learning)*, Moscow, 2024, pp. 25—28. — In Russ.)

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
(Kant I. *Critique of Pure Reason*, Moscow, 1994, 591 p. — In Russ.)

Кант И. Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2006. 512 с.
(Kant I. *Critique of the ability to judge*, Saint Petersburg, 2006, 512 p. — In Russ.)

Касавин И. Т. Научное творчество как социальный феномен // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2022. Т. 59, № 3. С. 19—29.

(Kasavin I. T. Scientific creativity as a social phenomenon, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 19—29. — In Russ.)

Лем С. Фантомология // Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. С. 302—365.
(Lem S. Phantomology, in Lem S. *Summa Technologica*, Moscow, 2002, pp. 302—365. — In Russ.)

Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 380 с.
(Leontiev A. A. *Active mind (Activity, Sign, Personality)*, Moscow, 2001. 380 p. — In Russ.)

Психологический словарь / ред. П. С. Гуревич. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.
(Gurevich P. S. (ed.) *Psychological Dictionary*, Moscow, 2007, 800 p. — In Russ.)

Сергеев К. А., Слинин Я. А. Природа и разум. Античная парадигма. Л., 1991. 240 с.
(Sergeyev K. A., Slinin Y. A. *Nature and reason. Antique paradigm*, Saint Petersburg, 1991, 240 p. — In Russ.)

Суетин Т. Реальность фантазии // Философская антропология. 2017. № 1. С. 27—45.
(Suetin T. The reality of fantasy, *Philosophical Anthropology*, 2017, no. 1, pp. 27—45. — In Russ.)

Фейерабенд П. Прощай, разум. М.: Астрель, 2010. 477 с.
(Feyerabend P. *Farewell, reason*. Moscow, 2010, 477 p. — In Russ.)

Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. 438 с.
(Fichte I. G. *Works in 2 vols.*, vol. 1, Saint Petersburg, 1993, 438 p. — In Russ.)

Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либриком», 2013. 512 с.
(Chalmers D. *The Conscious Mind. In Search of Fundamental Theory*, Moscow, 2013, 512 p. — In Russ.)

Юм Д. Трактат о человеческой природе: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. 733 с.
(Hume D. *Treatise on Human Nature*, in 2 vols. 1, Moscow, 1996. 733 c. — In Russ.)

Юречко О. Н. Философский анализ воображения, фантазии и самоосуществления человека в мире // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6-5 (108). С. 134—136.

(Yurechko O. N. Philosophical analysis of imagination, fantasy and self-actualization of man in the world, *International Scientific Research Journal*, 2021, no. 6-5 (108), pp. 134—136. — In Russ.)

Lamas R. H. La Phantasia estructurante del pensamiento y de la subjetividad, *Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación. Ensayos*, 2013, no. 43, pp. 21—31.

Robitaille M. Le transhumanisme comme ideologie technoprophetique, *Futuribles*, 2011, no. 370, pp. 57—70.

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Камин Андрей Александрович — старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия, kaminaa@mgppu.ru

Kamin Andrey Alexandrovich — Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, kaminaa@mgppu.ru

Е. И. Котомина

КОНСТРУКТИВНОСТЬ ВОООБРАЖЕНИЯ КАК ГИПОТЕЗА В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется конструктивный аспект воображения. Понимание природы и функций воображения очень важно для интерпретации творческой активности познающего субъекта; это имеет прямое отношение к конструктивности как идее творчества. Акцент в статье делается на суть данной идеи. Она включает конструирование (образов, понятий, рассуждений) и рефлексивные процедуры процесса конструирования. Конструктивизм рассматривается как идея и направление. Автор уделяет особое внимание характерным чертам конструктивизма как направления в эпистемологии и философии науки. Среди характеристик современного конструктивизма отмечены ключевые понятия — конституирования моделей восприятия и исследования, целеполагания, обоснования и творчества. Представлены функции воображения — репрезентация знания, когнитивного опыта, а также формирование новых мысленных образов и понятий. Особое значение придается интерпретации как основе конструирования моделей в творчестве. Воображение отвечает за форму презентации, в том числе как продукта творчества. В статье рассматривается соотношение характеристик воображения и конструктивизма, сделаны выводы о возможности применения конструктивного подхода в исследовании воображения.

Ключевые слова: воображение, творческая активность, ментальные конструкты, конструирование, конструктивизм, познающий субъект, рефлексивные процедуры, интерпретация.

Ссылка для цитирования: Котомина Е. И. Конструктивность воображения как гипотеза в теории познания // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 45—51.

Original article

Е. И. Kotomina

CONSTRUCTIVENESS OF IMAGINATION AS A HYPOTHESIS IN THE THEORY OF KNOWLEDGE

Abstract. The article analyzes the constructive aspect of imagination. Understanding the nature and functions of imagination is very important for interpreting the creative activity of the cognitive subject; this is directly related to constructivity as an idea of creativity. The emphasis in the article is on the essence of this idea. It includes construction (of images, concepts, reasoning) and reflexive procedures of the construction process. Constructivism is considered as an idea and a direction. The author pays special attention to the characteristic features of constructivism as a direction in epistemology and philosophy of science. Among the characteristics of modern constructivism, the key concepts are noted — constitution of models

of perception and research, goal-setting, justification and creativity. The functions of imagination are presented — representation of knowledge, cognitive experience, as well as the formation of new mental images and concepts. Particular importance is attached to interpretation as the basis for constructing models in creativity. Imagination is responsible for the form of presentation, including as a product of creativity. The article considers the relationship between the characteristics of imagination and constructivism, conclusions are made about the possibility of applying a constructive approach to the study of imagination.

Keywords: imagination, creative activity, mental constructs, construction, constructivism, cognitive subject, reflexive procedures, interpretation

Citation Link: Kotomina E. I. (2025) Constructiveness of imagination as a hypothesis in the theory of knowledge, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 45—51.

Введение. Современная философия рассматривает воображение в области эпистемологических исследований в контексте проблемы понимания и познания. Воображение является важной составляющей сложного процесса реализации творческого замысла исследователя. Результатом данного процесса является решение проблемы, имеющее свой образ (продукт воображения): это может быть визуальный образ, конкретное понятие, система знаков, таблица, законченный текст [Майданов, 2013:197]. По мнению И. А. Бесковой, воображение и творчество неразрывно связаны: «...хотите изучать творчество — исследуйте природу и функции воображения» [Бескова, 2013:79]. Среди функций воображения — репрезентация знания, когнитивного опыта; формирование новых мысленных образов и понятий — ментальных структур. Конструирование нового отличает воображение от образной памяти. Именно преобразование и конструирование ментальных конструкторов суть проявления активности воображения. Активность познающего субъекта — исследователя, включающую активность воображения, отмечает И. Т. Касавин в качестве основной идеи конструктивизма как направления в эпистемологии и философии науки. По его мнению, конструктивизм — это конструирование (образов, понятий, рассуждений) плюс рефлексия, — рефлексивные процедуры включают интерпретацию. Идеи конструктивистской теории интерпретации «находятся на переднем плане развития эпистемологии» [Касавин, 2008: 68]. Конструктивное воображение участвует во всех стадиях творческого процесса, в производстве нового знания.

Воображение как фундаментальная когнитивная способность человека. Обратимся к содержанию самого термина «воображение». Энциклопедия эпистемологии и философии науки определяет воображение как «важнейший процесс мыслительной деятельности, состоящий в создании и преобразовании образов и образных представлений» [Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009: 120]. М. М. Новосёлов дополняет определение воображения в науке «как *умозрительное построение абстрактных (идеальных) объектов (образов), обусловленное задачей научного исследования*, особо уточняя в том или ином случае, какие именно объекты служат (или могут служить) материалом для такого построения» (курсив мой. — Е. К.) [Новосёлов, 2013]. Опорой для воображения служат: рутинный практический опыт, а также структура и содержание ментальной информации из доступной на сегодня сферы знаний. Ментальные структуры, которыми оперирует воображение, могут иметь реалистическое или воображаемое содержание [Майданов, 2013: 92]. Структуры

реалистического содержания — это реалистические образы предметов и явлений действительности, формируемые реалистическим мышлением. Структуры воображаемого содержания — вымышленные образы, конструируются фантазирующим мышлением, воображением. Посредством воображения мы отталкиваемся от реально существующего объекта как оригинала и имеем дело с его репрезентацией. Кроме этого, отмечает И. А. Бескова, воображение трансформирует смыслы [Бескова, 2013: 87]. М. А. Пилюгина обращает наше внимание на то, что воображение присутствует на каждом этапе рационального познания и проявляется и в создании первоначальных идей, гипотез, схем, моделей, и в создании мысленных образов. Без воображения невозможен поиск неординарных решений в условиях недостатка необходимой информации (иногда эта деятельность квалифицируется как «интеллектуальная интуиция»); а также воображение включается там, где необходимо отказаться от стереотипных форм мышления. Таким образом, воображение участвует в производстве нового знания. В сфере научного познания воображение способно предвосхищать результаты исследования, видеть и находить связи между элементами системы [Пилюгина, 2013: 201]. В структуре когнитивных практик, по мнению Н. М. Смирновой, воображение играет ведущую роль в процессе обобщения (выводит мысль за рамки эмпирического опыта), в интерпретации данных, в создании мысленного эксперимента [Смирнова, 2013: 12]. Продуктом воображения являются образы, понятия и образно-понятийные единства. В сфере научного познания А. А. Ивин указал на преобладание интеллектуальной коммуникации над эмоциональной и на принципиальное отличие образов от понятий: понятие представляет собой общее имя, мысль; оно создается посредством рационального мышления, должно иметь обоснование; при формулировании понятия должны соблюдаться правила естественного языка, необходимы ясность, точность, недопустимы логические противоречия; желательна полнота формулировки; понятия intersubъективны, безличны, эмоционально нейтральны. Образы представляют собой картинку; в их создании большую роль играет фантазия; обоснованность может отсутствовать; правила естественного языка при описании могут нарушаться, как и ясность, точность, полнота; могут наблюдаться логические противоречия; образы субъективны, носят печать создавшего, эмоционально насыщены [Ивин, 2013: 55]. Что касается научных образов, они «...придумываются применительно к заранее намеченной цели, затем изучаются со стороны их правильности и, наконец, очищаются от внутренних противоречий» [Новосёлов, 2013: 102]. Свойства воображения с учетом новых концепций в когнитивной науке представлены Е. Н. Князевой: воображение эмерджентно, эмпатийно, энактивно, телесно, ситуационно, преобразует реальность [Князева, 2013].

Творческий аспект воображения. В своем исследовании свойств воображения Е. Н. Князева отмечает: *творить* — значит: а) *созидать*, т. е. способствовать рождению нового, б) *соединять*, т. е. активировать свою синтетическую способность мышления и деятельности, в) преобразовывать и строить иначе посредством воображения, г) преумножать реальности, расширяя возможности для выбора наиболее адекватного или ситуационно более адекватного (курсив мой. — Е. К.). Синтез в умственной деятельности — это способность к холистическому видению, к сращиванию элементов опыта, к интерпретации смысла части с точки зрения целого [Князева, 2013: 38]. Воображение проявляется

на всех стадиях творческого процесса, кроме стадии озарения (там только выброс эмоций и адреналина) [Бескова, 2013: 81—87].

Характеристики современного конструктивизма как направления науки. И. Т. Касавин рассматривает конструктивизм как направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта; активность эта представляет собой специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений. Таким образом, в рамках философии вообще всякая познавательная деятельность конструктивна. Современный конструктивизм характеризуют три ключевые понятия — целеполагания, обоснования и творчества. Взгляд на них различается в натуралистическом (радикальный конструктивизм) и культуральном (методический конструктивизм) подходах: в натуралистическом (и монистическом) — локус обоснования конструктивно-креативной деятельности познающего субъекта находится в природных и социальных закономерностях, а не в человеческой субъективности. Идеи данного подхода представлены в теориях и концепциях логического конструктивизма (Рассел, Уайтхед, Карнап) и радикального конструктивизма (С. Цекато, П. Лазарсфельд, У. Матурана, Ф. Варела, Х. фон Форстер). С точки зрения методологической и дуалистической позиции конструктивность — это уникальное свойство человеческого сознания и деятельности; представители данного подхода — П. Лоренцен, Г. Динглер, В. Камлах, П. Яних. По мнению И. Т. Касавина, современная немецкая философия находится на переднем плане развития эпистемологии, — это идеи конструктивистской теории символа и интерпретации Гюнтера Абеля, Нельсона Гудмена, Ханса Ленка [Касавин, 2008].

Интерпретация как активность познающего субъекта. Согласно Энциклопедии эпистемологии и философии науки, рефлексия (от лат. *reflexio* — обращение, отражение) — понятие, которое применяется для обозначения актов самосознания, самопознания, самоанализа, самооценки того, что можно было бы назвать «мышлением о мышлении». В широком смысле одно из значений данного термина — предметное рассмотрение знания [Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009: 828]. Рефлексивные процедуры, упомянутые И. Т. Касавиным, как активность познающего субъекта в качестве предметного рассмотрения знания включают в себя интерпретацию. Общепринятое описание понятия «интерпретация» дает М. А. Пилюгина: «Интерпретация представляет собой установление значения понятийных структур и понимается как когнитивная процедура по установлению содержания и значений истолковываемых понятий посредством их аппликации на исследуемую предметную область и одновременно — как результат данной процедуры. Ключевой принцип интерпретации состоит в обнаружении уже известных значений и смыслов и перенесении их на необходимую исследователю почву. Результатом такой деятельности является получение новых смыслов и нового знания». Одним из условий успешности интерпретаций является применение воображения [Пилюгина, 2013: 202]. Немецкий философ Ханс Ленк в конце прошлого столетия начал заниматься разработкой методологии интерпретационного конструкта, под которым понимает результат интерпретации в актах мышления, познания, поведения, структурирования, конституирования. Он обращает наше внимание на множественность интерпретаций — по сути, наличие пространства альтернатив. Ленк делает вывод, что в репрезентирующих, ментальных актах мы не можем

обходиться без использования образцов и моделей. И когда в процессе когнитивных действий речь идет о способах формирования и приложения образцов или абстрактных структур, Х. Ленк предлагает применить понятие «схема»: «В качестве схемы можно прежде всего рассматривать все возможные формы структурирования или структурные образования репрезентативного характера, которые "извне" замещаются знаками, а "изнутри" — представлениями и активизацией образов». Обратившись к результатам современной нейробиологии и нейропсихологии, Х. Ленк увидел, что применение и образование схем представляют собой весьма сходные, достаточно родственные, или тождественные, по своей структуре процессы. Поэтому он предложил говорить о схемной интерпретации в широком смысле — это распознавание образцов и моделей, причем автоматически. Сказанное относится и к абстрактным актам познания [Ленк, 1996]. Применение схем — это своего рода импрегнирующая деятельность. Фундаментальное положение схемной интерпретации и схемного импрегнирования: все познание и деятельность несут на себе печать схемной интерпретации и структурируются при ее посредстве. Продуктом схемно-интерпретативной деятельности являются знаки, симптомы или символы, что делает возможными вариативность и гибкость способов их изложения и представления. Х. Ленк представил 6 ступеней (уровней) интерпретации. Основные различия, считает автор, они с единомышленниками уже провели, нужно работать дальше. По его мнению, дифференциация на разные уровни схемно-интерпретационной деятельности поможет переформулировать философские проблемы теории познания.

Соотношение характеристик конструктивизма и воображения. Итак, конструктивистский подход в науке предполагает активность познающего субъекта — конструирование и рефлексивные процедуры. Воображение является способностью познающего субъекта. Конструирование (как вид активности) имеет прямое отношение к воображению — это то, чем оно занимается. Активность воображения проявляется в том, что оно:

- репрезентирует образы реальных объектов — придает смысл познаваемым объектам, наделяет их конкретным значением;
- преобразует и конструирует ментальные конструкторы — образы, понятия, схемы, идеи, гипотезы, модели;
- обобщает, синтезирует — создает целое;
- свободно оперирует образами, играет с ними, порождая элементы нарративности, — в этом проявляется ситуационность воображения;
- производит поиск необходимых решений, выходя за рамки стереотипного мышления;
- создает мысленный эксперимент; хотя, по мнению В. П. Филатова, воображение в нем ограничивается рамками законов и фактов, установленных в науке, а также правилами логики [Филатов, 2016];
- участвует в интерпретации полученных данных.

Интерпретация полученных данных, включение их в имеющуюся систему знаний, критичность и самокритичность ученого, осознание себя в процессе познания, — все это является составляющими рефлексивных процедур.

Целеполагание и обоснование как ключевые понятия конструктивизма тоже имеют прямое отношение к воображению: Е. Н. Князева отмечает, что

«построение целостного образа связано с достижением цели» [Князева, 2013: 39], и по мнению М. М. Новосёлова «научные образы придумываются применительно к заранее намеченной цели» [Новосёлов, 2013: 102]; и каково бы ни было обоснование конструктивно-креативной деятельности человека — культурального или натуралистического подхода — она (деятельность) осуществляется при помощи воображения.

Выводы. Воображение можно рассматривать с точки зрения конструктивного подхода: оно обладает активностью и участвует в рефлексивных процедурах познающего субъекта. Воображение присутствует на каждом этапе познания. Творческие процессы осуществляются при помощи воображения; конструктивно-креативная деятельность исследователя, включающая воображение, имеет обоснование. Таким образом, ключевые понятия современного конструктивизма напрямую связаны с воображением.

Библиографический список / References

- Бескова И. А. Интеллект — воображение — творчество: подходы и решения // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 72—90.
- (Beskova I. A. Intellect — imagination — creativity: approaches and decisions, in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology*, Moscow, 2013, pp. 72—90. — In Russ.)
- Ивин А. А. Воображение: оппозиция описания и оценки // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 52—71.
- (Ivin A. A. Imagination: opposition of description and evaluation, in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology*, Moscow, 2013, pp. 52—71. — In Russ.)
- Касавин И. Т. Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 63—72.
- (Kasavin I. T. Constructivism as an idea and direction, in Lektorsky V. A. (ed.) *Constructivism in the theory of knowledge*, Moscow, 2008, pp. 63—72. — In Russ.)
- Князева Е. Н. Глаз ума: понятия ментальных образов и воображения от Беркли до современной когнитивной науки // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 30—51.
- (Knyazeva E. N. Mind's eye: concepts of mental imagery and imagination from Berkeley to the modern cognitive science, in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology*, Moscow, 2013, pp. 30—51. — In Russ.)
- Ленк Х. Схемные интерпретации и интерпретационный конструкционизм // Научные и вненаучные формы мышления: доклады симпозиума / отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М., 1996.
- (Lenk H. Schematic interpretations and interpretative constructionism, in Kasavin I. T., Porus V. N. (eds.) *Scientific and non-scientific forms of thinking*, Moscow, 1996. — In Russ.)
- Майданов А. С. Отображение и воображение как виды деятельности архаического интеллекта // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 143—165.

(Maidanov A. S. Reflection and Imagination as Kinds of Activity of the Archaic Intellect, in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology*, Moscow, pp. 143—165. — In Russ.)

Новосёлов М. М. Воображение и абстракция в контексте научного творчества // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 91—104.

(Novoselov M. M. Imagination and Abstraction in the Context of Scientific Creative Work (Interval Aspect), in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy*, Moscow, 2013, pp. 91—104. — In Russ.)

Пилюгина М. А. Воображение как способ познавательной деятельности // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 195—205.

(Pilyugina M. A. Imagination as a Way of Cognitive Activity, in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy*, Moscow, 2013, pp. 195—205. — In Russ.)

Смирнова Н. М. Воображение в структуре когнитивных практик // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии: сборник статей. М.: Институт философии РАН, 2013. С. 9—29.

(Smirnova N. M. Imagination in the structure of cognitive practices, in Knyazeva E. N. (ed.) *The problem of imagination in evolutionary epistemology. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy*, Moscow, 2013, pp. 9—29. — In Russ.)

Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

(Kasavin I. T. (ed.) *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*, Moscow, Канон+ ROOI «Rehabilitation», 2009, 1248 p. — In Russ.)

Филатов В. П. Мысленные эксперименты и априорное знание // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 17—27.

(Filatov V. P. *Thought experiments and a priori knowledge*, Epistemology & Philosophy of science, Moscow, 2016, vol. 49, no. 3, pp. 17—27. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Котомина Елена Ивановна — педагог-психолог, ГБУ «СРЦН "Улыбка"», г. Нижний Новгород, Россия, golovchiz_@mail.ru

Kotomina Elena Ivanovna — teacher-psychologist, GBU "SRCN "Smile", Nizhny Novgorod, Russian Federation, golovchiz_@mail.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Научная статья

УДК 81:130.122

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.52-58

Лян Чуньюй

КОНЦЕПЦИЯ Н. Я. МАРРА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА

Аннотация. Первая половина XX века — эпоха марризма, неоднозначная в истории русской философии языка. Новое учение Николая Марра о языке, основанное не только на чисто лингвистической концепции языка, но и включавшее в себя этноархеологические идеи, социологические и антропологические элементы, а также своеобразный взгляд на такие универсальные вопросы, как природа языка, его происхождение, развитие, связь языка и мышления, было призвано наметить для отечественного теоретического языкознания путь, отличный от западного, соответствующий марксистским принципам и подходящий для развития новой страны. С исторической точки зрения органичность нового учения о языке создают эвристичный дискурс, а новаторство Марра, его идеи до сих пор актуальны в некоторых областях лингвистики, особенно с точки зрения современных междисциплинарных концепций.

Ключевые слова: Россия, марризм, новое учение о языке, история философии языка, неомарризм.

Ссылка для цитирования: Лян Чуньюй. Концепция Н. Я. Марра в истории русской философии языка и его современная оценка // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 52—58.

Original article

Liang Chunyu

THE THEORY OF N. YA. MARR IN THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND ITS MODERN ASSESSMENT

Abstract. The first half of the 20th century is the era of Marrism, an ambiguous one in the history of Russian philosophy of language. Nikolai Marr's new teaching on language, based not only on a purely linguistic concept of language, but also including ethnoarchaeological ideas, sociological and anthropological elements, as well as a unique view of such universal issues as the nature of language, its origin, development, the connection between language and thinking, was called upon to outline for domestic theoretical linguistics a path different from the Western one, corresponding to Marxist principles and suitable for the development of a new country. From a historical point of view, the organic nature of the new teaching on language is created by a heuristic discourse, and Marr's innovation, his ideas are still relevant in some areas of linguistics, especially from the point of view of modern interdisciplinary concepts.

© Лян Чуньюй, 2025

• Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 52—58

Keywords: Russia, Marrism, new doctrine of language, history of philosophy of language, neo-Marirism.

Citation Link: Liang Chunyu (2025) The concept of N. Ya. Marr in the history of russian philosophy of language and its modern evaluation, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 52—58.

Введение. Николай Яковлевич Марр (1864—1934) — уникальная фигура в истории русской мысли и науки, вызывавшая как самое восторженное восхищение, так и самое решительное отречение от себя и своих доктрин¹. Прошло время, и современное научное сообщество либо придерживается иных взглядов на Марра и его доктрины, либо сторонится их, либо оставляет их нерешенными. Однако основной принцип исторического исследования (принцип историзма) требует, чтобы все основывалось на исторических фактах и на стремлении искать истину в фактах. В этой связи мы не можем игнорировать хотя бы один базовый факт — Марр был прежде всего ученым большого таланта, писавшим книги и выступавшим с речами. Кроме того, новое учение о языке, как репрезентативное достижение Марра, оказало глубокое влияние на этно-археологические и теоретические лингвистические исследования в СССР и даже в современной России. Следует сказать, что оно заслуживает изучения с историографической точки зрения. В прошлом исследования Марра и его учения в отечественных научных кругах в основном ограничивались лингвистическими рамками, в большинстве из них анализировались предпосылки формирования его учения, но отсутствовала глубокая оценка самого учения. Однако при обсуждении языка учение Марра фокусируется на раскрытии природы языка и его универсальных характеристик, выявляя его сильный философский смысл, который больше похож на философию языка, чем на лингвистическую теорию. Чтобы переосмыслить Марра и его новое учение о языке в контексте истории русской философии языка, необходимо диалектически разобраться и оценить причины взлета и падения учения, ценность и ограниченность теоретических идей, исходя из контекста времени Марра.

Основные положения новой доктрины языка. На наш взгляд, новая доктрина языка Марра дает противоречивую, но уникальную интерпретацию природы, происхождения, развития языка и отношений между языком и мышлением.

Взгляд на природу языка. С вульгарной социологической точки зрения Марр дал линейное, простое и грубое прочтение марксистского историзма и материализма и применил его к своей собственной теории яфетического языка, предложив знаменитую доктрину лингвистической классовости (учение о классовости языка). По его мнению, в основе философии исторического материализма Маркса лежит материальная культура, движимая коллективным трудом и обусловленная производством и производственными отношениями, а все остальные нематериальные явления являются надстройками. Таким образом, язык наряду с искусством и наукой является социальным достоянием, относящимся к сфере надстройки. Поскольку надстройка любой идеологии является классовой, то и язык тоже классовый. Марр применяет методологию историче-

---

¹ В современном лингвистическом дискурсе не так много работ, возвращающихся к осмыслению марристской теории [Алпатов, 2009; Сухов, 2009а; Сухов, 2009b].

ского материализма, как он ее понимает, непосредственно к определению языка, подчеркивая тесную связь между языком и материальной культурой: «Весь язык — это коллективное творение человечества, и он является не только отражением человеческого мышления, но и лингво-технологическим и структурным, а также семантическим отражением социальных институтов и экономики человечества. Таким образом, языка как такового не существует, но весь его состав является отображением, точнее, отложением ... органической связи языкового явления с материальной культурой и социальной историей» [Марр, 1933: 79]. По мнению Марра, реальность, мышление и язык обладают определенной степенью изоморфизма в своем развитии, поэтому при изучении языкового материала необходимо учитывать материал, к которому обращается язык. С его точки зрения, судьба памятников доисторической материальной культуры сама по себе не является несовместимой с судьбой языков соответствующих доисторических стран (см. [Горбаневский, 1991]).

Перспектива языкового происхождения. В человеческих обществах язык основан на мышлении и постоянно строится и совершенствуется, что у Марра получило название «процесс возникновения речи» (глоттогонический процесс). Основная идея единства происхождения языков (теория единства глоттогонического процесса) заключается в том, что все языки мира имеют единое происхождение и все они происходят от четырех первоначальных составляющих. Хотя национальные языки возникли независимо друг от друга, все процессы в культуре одинаковы, потому что культура едина и развивается по одним и тем же этапам. Подобные закономерности можно наблюдать повсеместно в развитии обществ, где одна социальная форма или система сменяет другую (первобытную, рабовладельческую, феодальную и т. д.), и такие же закономерности чередования можно наблюдать повсеместно в развитии языков. Другими словами, процесс возникновения языка однороден. По мнению Марра, творцами истории и культуры были иафетиды (яфетиды), изобретатели колеса и покорители огня. В процессе своей трудовой деятельности яфетиды изобрели язык, на основе которого возникла материальная культура, распространившаяся среди других народов через браки с яфетидами.

Марр использовал звуки для описания разнообразия языков мира. Первые языки возникли из четырех первоэлементов, первых четырех знаков труда: САЛ (sal), БЕР (ber), ЙОН (yon), РОШ (ros). Различные сочетания этих компонентов представляют собой древнейшие этапы возникновения языка: от диффузной фонетической системы к фонематическому уровню (или фонематической иерархии) и соответствующим семантическим формам значений. Эти четыре языковых компонента являются общими для всех народов, они принадлежат каждому языку, и любой текст любой длины любого языка мира в конечном счете является лишь результатом фонетических переходов этих четырех исходных элементов, которые не имеют никакого собственного значения и которые сочетаются в определенной линейной последовательности, что и определяет единство процесса происхождения языка.

Мы кратко излагаем теорию Марра о происхождении языка словами А. В. Десницкой. Согласно Марру, артикулированный язык появился как средство производства в ритуальном поведении труда. Первыми компонентами артикулированного языка были невнятные выкрики. Исходя из идеалистической концепции первых этапов развития мышления, Марр относит возникновение

членораздельного языка к этапу замены тотемического мышления космическим (см.: [Десницкая, 1951]).

Концепция развития языка. Трактовка концепции развития языка у Марра довольно жесткая и сложная, но мы свели ее к трем аспектам. Во-первых, закон развития языка, который означает, что общая тенденция человеческого языка — от многоязычия к единству. Во-вторых, способ развития языка, который означает, что гибридизация — основной способ развития языка. В-третьих, динамика развития языка, которая означает, что изменения в состоянии языка являются результатом изменений в социальной модели. Иными словами, основной закон развития языка в мире — это процесс от явления многоязычия к унификации через гибридизацию, а движущая сила развития языка — это социальные преобразования, вызванные новой формой производства.

Марр утверждает, что «так называемые языковые системы... — это различные системы, соответствующие различным экономическим и социальным типам, и в процессе трансформации одной культуры в другую одна языковая система трансформируется в другую» [Марр, 1933: 268]. Таким образом, трансформация общества из одной формы в другую должна сопровождаться трансформацией языка из одного состояния в другое, и эта трансформация состояния языка сопровождается полным разрушением одной структуры языка и возникновением новой, принципиально иной языковой системы, сохраняющей многие элементы старой системы. Иными словами, структура мышления соответствует определенной стадии общественного развития, а переход от одной стадии к другой требует революционных скачков, и революция различных классов в истории общества сопровождалась революционными скачками в языке, на котором говорили различные классы, а значит, развитие языка было революционным скачком, и после революционного скачка язык становился совершенно другим.

Если интегрировать и обобщить вышеизложенные идеи Марра, то их можно резюмировать словами С. Д. Кацнельсона: язык — это не автономное и социально независимое существо, а необходимый продукт исторического процесса общества, который развивается в соответствии с практической деятельностью и коммуникативными потребностями людей. Историко-материалистическое изучение языка требует изучения языка и его основных структурных компонентов, то есть грамматических структур и социально-исторических условий формирования лексики. Историко-материалистическое исследование языка требует изучения языка и его основных структурных компонентов, то есть социально-исторических условий, в которых формировались грамматические структуры и лексика. История языка — это не хаотический поток случайных и разнонаправленных изменений, а закономерный процесс восхождения от низшей формы к высшей, в основе которого лежит социальная история. Законы формирования языковых структур (или систем) едины для всех языков. Семантическое развитие языков в ходе их развития претерпевает ряд принципиально поэтапных изменений, что позволяет языковым формам отражать поэтапные изменения в форме мышления. Ранние стадии языкового развития характеризуются смешением или диффузией, полисемией. Доминирующая роль принадлежит развитию грамматических структур. Доминирующую роль в развитии грамматических структур играет история синтаксиса (см.: [Кацнельсон, 1949]). На наш взгляд, резюме С. Д. Кацнельсона, с точки зрения полноты,

организованности и справедливости, является более адекватным изложением основных идей марриской лингвистики.

Историческая интерпретация и современная оценка Марра и его новой доктрины языка. Если до 1950 года Марр и его учение были сравнимы с религией советской филологии, своего рода верой, то после 1950 года учение Марра подверглось уничтожающей критике. К концу XX века творчество Марра постепенно возрождается, особенно его работы по семантике и культуре, и даже появляется понятие «неомарризм». Надо признать, что это результат смены парадигмы в науке, произошедшей при переходе от «жесткой системы» структурализма к «более мягкой системе» постструктурализма и постмодернизма, в которой могла найти свое место любая иррациональная доктрина.

Не вдаваясь в глубокую социально-политическую оценку Марра и его доктрины, мы хотели бы отметить следующие моменты: во-первых, как уже говорилось выше, новая доктрина языка Марра в основном касается природы языка, происхождения языка, развития языка, а также отношений между языком, мышлением и обществом, которые как раз и являются основными темами лингвистической философии, и поэтому является скорее типичной концепцией лингвистической философии, чем чисто лингвистической теорией. Таким образом, новая теория языка Марра — это не столько чисто лингвистическая теория, сколько типичная философская концепция языка. Во-вторых, теория Марра, независимо от ее результатов и итогов, была марксистской по своей исходной точке.

Следует сказать, что Марр был одним из первых лингвистов, предложивших марксистскую трактовку роли языка в жизни общества, уделяя особое внимание идеологической и политической направленности. Неудовлетворенность традиционными методами лингвистических исследований, поиск новых методологических подходов (марксистские философские принципы), ранний научный интерес к происхождению и эволюции языка — все это укрепило глубокую веру Марра в свой путь. В-третьих, философские взгляды Марра на язык трудно отнести к определенной методологической школе, поскольку в формировании его взглядов важную роль играли не только чисто научные основания, но и идеологические и даже чисто антропологические элементы.

По словам В. А. Звегинцева, нельзя обойти вниманием многогранный образ самого Марра, чья научная деятельность со временем «приобретала все более отчетливые аномальные черты», которые часто стараются не замечать или пытаются обойти (см. [Шилков, 2004]). Следует признать, что некоторые идеи Марра не утратили своей актуальности в отдельных областях лингвистики. Например, включение Марром социологических факторов в изучение лингвистики, акцент на семантике и традиционный функционализм оказали непосредственное влияние на формирование российских школ социолингвистики, семантики и функциональной прагматики.

Кроме того, важно отметить, что, хотя марризм подвергся основательной критике и сошел с академической сцены, есть несколько очень важных фактов, которые мы не можем игнорировать и избегать, когда смотрим на Марра и его доктрины сегодняшними глазами. Во-первых, новая доктрина языка времен Марра может быть понята только в контексте его времени. Следует признать, что вся деятельность Марра была продиктована страстным желанием служить в своей сфере революционным изменениям в жизни и науке (Октябрьская революция

и установление советской власти). Его борьба с индоевропейской школой может показаться современным лингвистам неразумной, но на самом деле она была обусловлена господствующей мыслью о том, что советское теоретическое языкознание должно идти своим собственным уникальным путем, а не становиться тенью чужих теорий в других социальных системах. На этом пути он, по-видимому, совершил немало ошибок. Однако с точки зрения истории некоторые ошибки того времени вполне могут представлять собой творческую природу. Можно предположить, что учение Марра, основанное на археологическом подходе к изучению языка и сочетающее социологические и антропологические идеи, было, естественно, нестандартным и подрывало общепринятые представления, господствовавшие в то время в лингвистическом мире. Однако, с другой стороны, это как раз отражает его смелость в использовании необычных методов аргументации и новых теоретических подходов. Это не междисциплинарная концепция в смысле современных гуманитарных исследований. Ю. М. Шилков отмечает, что, выражаясь современной компьютерной терминологией, методология исследования, предложенная Марром, фактически произвела эффект методологического «движущего процесса», то есть эпистемологической вибрации [Шилков, 2004]. Во-вторых, Марр был окружен группой талантливых ученых, среди которых были И. Г. Франк-Каменецкий, О. М. Фрейденберг, С. Д. Кацнельсон и И. И. Мещанинов. Независимо от того, сам ли Марр или его учение привлекло эту группу выдающихся лингвистов, нельзя отрицать, что все они имели свои глубокие идеи и ими нелегко было манипулировать.

Известно, что Е. Д. Поливанов был самым ярким противником Марра, первым открыто начав дискуссию об яфетической теории и доказывая ее иррациональность и необоснованность. В то же время он весьма критически относился к некоторым трудам Марра. В заключение статьи приведем высказывание Е. Д. Поливанова о Марре: «Кроме теорий Яффе, есть много материала, доказывающего, что Марр — великий ученый».

Библиографический список / References

- Алпатов В. М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 3—15. (Alpatov V. M. Is Marr's teaching relevant?, *Questions of Linguistics*, 2006, no. 1, pp. 3—15. — In Russ.)
- Горбаневский М. В. В начале было слово... Малоизвестные страницы советской лингвистики. М.: Изд-во РУДН, 1991. 256 с. (Gorbanevsky M. V. *In the beginning was the word... Little-known pages of Soviet linguistics*, Moscow, 1991, 256 p. — In Russ.)
- Десницкая А. В. Об антимарксистской теории происхождения языка в общей системе взглядов Н. Я. Марра // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: сборник статей / под ред. В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова. Ч. I. М.: АН СССР, 1951. С. 26—59. (Desnitskaya A. V. On the anti-Marxist theory of the origin of language in the general system of views of N. Ya. Marr, in Vinogradov V. V., Serebrennikov B. A. (eds.) *Opposing vulgarization and perversion of Marxism in linguistics: Collection of articles*, vol. I, Moscow, 1951, pp. 26—59. — In Russ.)
- Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. Т. 1. Из истории атрибутивных отношений. Москва; Ленинград: АН СССР, 1949. С. 7—35.

(Katsnelson S. D. *Historical and grammatical studies*. Vol. 1. *From the history of attributive relations*, Moscow, Leningrad, 1949, pp. 7—35. — In Russ.)

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. Ленинград: ГАИМК, 1933. 268 с.

(Marr N. Ya. *Selected Works*. Vol. 1. *Stages of the development of the Japhetic theory*. Leningrad, 1933, 268 p. — In Russ.)

Сухов С. В. Новое учение о языке Н. Я. Марра: миф или историко-лингвистическое явление // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2009а. № 12. С. 47—58.

(Sukhov S. V. New theory of language by N. Ya. Marr: myth or historical-linguistic phenomenon, *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*. Series: *Modern linguistic and methodological-didactic research*, 2009, no. 12, pp. 47—58. — In Russ.)

Сугов С. В. Новое учение о языке Н. Я. Марра как историко-лингвистическое явление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2009b. № 4. С. 5—14.

(Sukhov S. V. New theory of language by N. Ya. Marr as a historical-linguistic phenomenon, *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*. Series: *Linguistics*, 2009, no. 4, pp. 5—14. — In Russ.)

Шилков Ю. М. Философия языка Н. Я. Марра // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2004. Вып. 16. С. 74—76.

(Shilkov Y. M. Language Philosophy of N. Ya. Marr, *Veche. Almanac of Russian philosophy and culture*, 2004, is. 16, pp. 74—76. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Лян Чуньюй — преподаватель русского языка, Шэньянский технологический институт, г. Шэньян, Китайская народная республика; аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, 1986354138@qq.com

Liang Chunyu — teacher of Russian language, Shenyang Institute of Technology, Shenyang, People's Republic of China; postgraduate student, Zabaikalsky State University, Chita, Russian Federation, 1986354138@qq.com

РЕГИОНАЛЬНАЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 930.1

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.59-66

А. В. Брагин

ИВАНОВСКАЯ НООСФЕРНАЯ ШКОЛА: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена региональному измерению российской философской традиции. Зафиксировано, что специфика любой научной школы определяется культурно-исторической средой, личностью основоположника и социально-культурным субстратом, обеспечивающем ее существование. Показано, что становление в СССР ивановской философской школы 1970—80-х годах было обусловлено интересом к концепции перехода биосферы в ноосферу на гребне в основном антропологической и экологической проблематики. Отмечено, что содержательно ее характеризует плюрализм в понимании ноосферы, а также комплексное исследование ее параметров — социальных, экологических, семиотических, когнитивных, антропологических. Сделан вывод, что школе удалось сохранить биосферно-ноосферный дух работ академика В. И. Вернадского, равно как и общий тренд, намеченный как ее основоположником Н. П. Антоновым.

Ключевые слова: философская школа, региональность, ноосфера, причины, следствия, специфика, эндемичность.

Ссылка для цитирования: Брагин А. В. Ивановская ноосферная школа: причины возникновения и динамика развития // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 59—66.

Original article

A. V. Bragin

IVANOVO NOOSPHERIC SCHOOL: CAUSES FOR EMERGENCE AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to the regional dimension of the Russian philosophical tradition. It is established that the specificity of any scientific school is determined by the cultural and historical environment, the personality of the founder and the socio-cultural substrate that ensures its existence. It is shown that the formation of the Ivanovo philosophical school in the USSR in the 1970—80s was due to the interest in the concept of the transition of the biosphere to the noosphere on the crest of mainly anthropological and environmental issues. It is noted that its content is characterized by pluralism in understanding the noosphere, as well as a comprehensive study of its parameters - social, environmental, semiotic, cognitive, anthropological. It is concluded that the school managed to preserve the biosphere-noosphere spirit of the works of Academician V. I. Vernadsky, as well as the general trend outlined by its founder N. P. Antonov.

© Брагин А. В., 2025

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 59—66 •

Keywords: philosophical school, regionality, noosphere, causes, consequences, specificity, endemicity.

Citation Link: Bragin A. V. (2025) Ivanovo noospheric school: causes for emergence and dynamics of development, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 59—66.

Наверное, вечной является проблема сущности философии, ее значения и функций в обществе. Я исхожу из того, что философия — это теоретический уровень мировоззрения, т. е. это не наука, а метанаука (именно поэтому она может делать науку объектом своего рассмотрения). Одним из важнейших условий ее существования является свобода мысли, которая, подчеркнем, обеспечивается светскостью, фундаментальностью, системностью, обеспечивающими качество образования. Задача философии в научном исследовании — формулировать предельные (прежде всего онтологические, аксиологические и гносеологические) основания, необходимые для системного упорядочения выявляемых научных фактов. И поскольку в основании отрефлексированного философского мировоззрения лежат определенные ценности, то заметим, что источник этих ценностей и их иерархичности — опыт, аккумулированный прежде всего в национальном языке, практических знаниях и самой личности, и ее близких. Указанные обстоятельства и обуславливают внимание к конкретным обстоятельствам формирования философских воззрений, их развития и жизни, в частности, в рамках региональных философских школ¹.

Вопрос о специфике региональной философии может быть решен через призму анализа конкретных действующих философских школ. В фокусе моего исследовательского внимания закономерно оказалась традиция, к которой принадлежу и я, — ивановская школа философии сознания и ноосферы [Смирнов, 2005]. Здесь возникают вопросы, как она возникла, каков ее статус, функции, социальный запрос на результаты ее функционирования — какова «логика ее развития и экология выживания» [Смирнов Г., Смирнов Д., 2012]. Не претендуя на всеобъемлющий ответ, попытаемся сформулировать свое видение ответов на эти вопросы.

Специфика любой научной и философской школы определяется, в частности, культурно-исторической средой, в которой она складывается, личностью ее основателя и социально-культурным субстратом, обеспечивающим ее существование. Касается это, естественно, и ивановской ноосферной школы. Если начать с культурно-исторической среды («гения места»), то уместно вспомнить, что Ивановская земля исторически — место возникновения разнообразного мануфактурного промысла, предполагавшего творческую и деловую активность местного населения. В Иваново-Вознесенске с момента обретения статуса города в 1871 году центральные улицы мостятся булыжником и брусчаткой, проводится уличное освещение, устраиваются городские сады и парки, появляется городской транспорт, учреждаются школы, профессиональные училища, основаны гимназии и реальное училище, строились больницы, кинотеатры и пр., причем все финансировалось не столько за счет городского бюджета, сколько за

---

¹ Уточним, что понимание философской школы тождественно принятому определению научной школы, понимаемой как оформленная система научных взглядов, а также научное сообщество, придерживающееся этих взглядов.

счет меценатов (Я. П. Гарелин, Н. Г. Бурыйлин). Новые темпы развитие Иваново-Вознесенска приобрело при советской власти, в чем особая заслуга первого Ивановского губернатора М. В. Фрунзе. С 1918 года Иваново-Вознесенск (с 1932 г. — Иваново), будучи родиной Первого Совета рабочих депутатов, стал областным центром, а с 1929 по 1936 г. Иваново-Вознесенск стал даже центром ИПО (Ивановской промышленной области), в которую вошли Костромская, Владимирская и Ярославская области. Разворачивается бурное строительство жилья для населения, культурных и административных объектов (не случайно 1917—1934 гг. считаются золотым веком ивановской архитектуры, воплощающей прежде всего идеи конструктивизма). Горд активно благоустраивается: по проектам местных и столичных архитекторов строят вокзал, цирк, аэропорт и военный аэродром, Интердом, новые школы, налаживают автобусное и трамвайное (прокладывают рельсы) сообщение, которое в 2007 г. городские власти ликвидируют.

Ивановская земля была родиной местом творчества известных изобретателей, источником вдохновения И. Левитана, А. Тарковского, А. Роу, а в Холуе и Палехе сформировались своеобразные художественные школы. В свете этого возникновение ноосферной школы именно в Иванове, видимо, неслучайно, так же как не случайным явилось бурное развитие Иваново-Вознесенска и окрестных районов в XIX—XX веках, превращение безуездного города в промышленный, а затем региональный культурный, политический и научно-образовательный центр. Добавим, что Иваново (Иваново-Вознесенске) еще с XIX века существуют великолепные музеи (с фондом мирового значения), библиотеки (с богатейшим книжным фондом), музыкальные залы, театры. В общем, здесь все в полном соответствии с основным ноосферным законом, сформулированным И. В. Дмитриевской, — информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество (см.: [Дмитриевская, 1998: 29]). Здесь уместно применить к описываемому процессу и высказывание Н. Винера: «Мы лишь водовороты в вечно текущей реке. Мы представляем собой не вещество, которое сохраняется, а форму строения, которая увековечивает себя» [Винер, 1958: 104].

Конечно, для развития любых социальных процессов имеет значение и качество человеческого субстрата, в частности, качество культуры, образования всех уровней, а в случае с возникновением научных и философских школ — вузовское образование. Иваново в этом плане являло собой не просто крупный промышленный (прежде всего — машиностроение, текстиль) центр, обеспечивающий постоянный государственный и местный запрос в квалифицированных кадрах, но культурный, образовательный и научно-исследовательский. В шести ивановских вузах сосредоточены научно-преподавательские кадры мирового уровня (здесь стоит упомянуть такие имена, как Н. Н. Бернадос, А. И. Мальцев, А. Г. Крестов, А. И. Уемов и многие другие). Кадровый аспект, как представляется, имел для возникновения ивановской ноосферной школы столь же важное значение, как и «гений места». Образно говоря, для возникновения жемчуга нужна раковина — жемчужница, производящая перламутр, и ядро-нуклеус, вокруг которого и складывается жемчужина. Применительно к ивановской ноосферной школе роль ядра сыграла разносторонне творческая личность Н. П. Антонова [Смирнов, 2010], его прочтение концепции ноосферы В. И. Вернадского, роль перламутра — его ученики, роль раковины-жемчужницы — Ивановский государственный университет.

В 70—80-е годы XX века на гребне в основном антропологической и экологической проблематики активизируется интерес к ноосферной концепции. Издаются труды В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Николая и Елены Рерихов и др., где излагаются идеи биосферы, ноосферы или антропосферы. Указанные идеи получают творческое воплощение в трудах отечественных философов (см., например, [Бобков, 2013]), причем одним из ранних обращений к ноосферной проблематике именно в ее понимании В. И. Вернадским, была попытка ее марксистской интерпретации в работах Н. П. Антонова. Большой вклад в дело популяризации идей русского космизма среди интеллигенции Иванова и области внесла работа городского философского семинара «На острие времени» под руководством проф. С. Г. Смирнова. Так формируется та непосредственная духовная почва, на базе которой возникает ивановская ноосферная школа.

Ивановская ноосферная школа носит региональный характер, не является филиалом какой-либо школы, но и не противопоставляет себя другим. Она элемент организменной сетевой самоорганизующейся структуры, центр которой определяется не территориальным местом ее существования, а идеей ноокосмического развития человечества, сформулированного в концепции В. И. Вернадского. Особо отметим, что специфика ивановской ноосферной школы обусловлена уже тем, что ее можно действительно определить как «региональную», но отнюдь не «провинциальную», так как проводимые в ее рамках исследования и открытия не носят вторичного характера, и в то же время ей не свойственно преувеличение своего вклада в развитие ноосферной концепции В. И. Вернадского. Она просто вносит посильный вклад в ноосферные исследования.

Как известно, учение о ноосфере получило развитие в трудах таких отечественных ученых, как Н. Н. Моисеев, В. П. Казначеев, В. М. Федоров, Э. В. Гирусов, А. Д. Урсул, А. И. Субетто, М. М. Прохоров, В. Н. Бобков, В. Н. Василенко, И. А. Козиков, В. В. Шепелев, А. Н. Хомчкова, Б. Г. Режабек и др. Существенно, однако, что в г. Иваново с 1983 г. регулярно проводятся международные научные конференции по ноосферной проблематике, организуемые ноосферной школой философов, основы которой заложил профессор Н. П. Антонов и продолжает его ученик Г. С. Смирнов и другие философы, среди которых и автор данной статьи.

Здесь необходимо подчеркнуть, что философия как теоретический уровень мировоззрения носит не просто антропологический, но акцентированно личностный характер, означающий вовсе не субъективизм, а лишь восприятие и оценку мира с позиции личностно отрефлексированной и упорядоченной системы ценностей. Указанное обстоятельство во многом определяет основную характеристику Ивановской ноосферной школы — философская и кадровая преемственность при наличии плюрализма в понимании ноосферы, истолковании ее параметров (космологических, социальных, экологических, эстетических, семантических и пр.), когда общими принимаются базовые положения, содержащиеся в трудах В. И. Вернадского, и единый вектор исследований, намеченный Н. П. Антоновым.

Если рассматривать Ивановскую ноосферную школу как живой социальный организм (информационный «водоворот» на реке жизни), то к ней вполне применимо положение, высказанное Э. М. Сороко, вполне обоснованно

утверждавшим: «Всякое материальное либо идеальное внутренне противоречивое единое целое представляет собой устойчивое структурное образование, прежде всего потому, что является стоячей волной субстрата, которому имманентен механизм самоприведения к одним и тем же инвариантам» [Сороко, 1984: 159]. Заметим, что устойчивость данного целого носит гомеостатический характер, т. е. она существует, пока поддерживаются породившие ее условия (информационные, энергетические и структурные) — культурно-историческая и социальная среда, личности-аттракторы и качественный в культурном и образовательном плане субстрат.

Заметим, что лидеры Ивановской ноосферной школы — Н. П. Антонов, а затем и Г. С. Смирнов — действовали вполне в рамках закономерности, отмеченной С. Лемом, который указывал: «Если задана система, то вместе с тем заданы и законы ее поведения — в определенных границах изменений. Ни один регулятор не может отменить эти законы, ибо это было бы сотворением чуда. Регулятор может только выбирать из доступных для реализации состояний системы» [Лем, 2002: 172].

В 1994 году на Международном симпозиуме ЮНЕСКО «Фундаментальное (естественное и гуманитарное) университетское образование» была провозглашена опора на следующие принципы: «1) ориентация на философию устойчивого развития; 2) традиции энциклопедизма; 3) идею единства и самоценности всего живого; 4) стремление определить фундаментальные основы целостной культуры человечества, нашедшее выражение в выдвинутой на рубеже веков В. И. Вернадским идеи ноосферы» [Кинелев, 1994: 7]. Данные принципы получили воплощение в практической деятельности российских вузов. В частности, с середины 90-х гг. XX в. возникла и в нескольких регионах России, начала реализоваться концепция ноосферного образования с опорой именно на университеты, активным участником которого стала и кафедра философии ИвГУ. В России усилиями энтузиастов ноосферологов было создано по крайней мере четыре ноосферных проекта, сопрягающих высшее и среднее образование в единую систему — Ноосферная школа в г. Красноярске, Ноосферная школа-лицей в г. Боровске (Калужская область), центр психолого-педагогических проблем активного ноосферогенеза «Преображение» в г. Томске и центр «Ноосферная школа» в г. Иванове (при ИвГУ).

В Иванове был создан научно-образовательный комплекс: университет (ИвГУ) — школа-лицей (№ 22 и № 6 г. Иванова). Добавим, что в системе образования предполагалась трансляция целостного, гуманного знания, исходящего из включенности человека в самый широкий космический контекст. Такой подход опирался на справедливое убеждение, что «полнота культуры предполагает нахождение гармонии между наукой и религией, наукой и искусством, философией и религией» [Смирнов, 1997: 39]. Подчеркнем, что методологическая парадигма ноосферного образования как теоретическая форма наполнялась постепенно все более конкретными организационными и методическими наработками, взятыми из практики (см.: [Брагин, 2019]). Но увы, движение в этом направлении постепенно прекратилось (по крайней мере в официальных организационных формах).

Однако получил развитие другой вектор (хотя *кончик* вектора находится во всех возможных направлениях) — до 2016 года функционировал диссертационный совет при ИвГУ [Смирнов, 2023], где защищались диссертации, в том

числе и по ноосферной тематике, продолжает работать аспирантура, издается электронный журнал «Ноосферные исследования», действует НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», осуществляется трансляция ноосферных идей — через преподавательскую деятельность в вузах Иванова, прежде всего ИвГУ. Гуманитарное знание вообще, а уж философское, ноосферно ориентированное, транслируется лично² в индивидуальном непосредственном общении преподавателя со студентами и аспирантами в лекциях, на семинарах, консультациях, обсуждении семинарских докладов, НИРС.

Можно отметить, что «информационный водоворот» творческой энергии пока еще существует, хотя движение его замедляется. Связано это как с изменением в развитии самого Иванова (витального центра региональной социальной системы, обеспечивающей ее целостность), так и организации образования на федеральном уровне. Трудно, в частности, обеспечивать существование информационного водоворота творческого философского начала в условиях «оптимизации» преподавания философии в вузе как в плане времени, выделяемого на изучение философских дисциплин (и соответственно объема и качества выделяемого для изучения материала), так и связанного с этим кадрового вопроса (уменьшения численности профессорско-преподавательского состава, его пополнения). Существенно, конечно, и то обстоятельство, что любая искусственная система (воплощающая цели человека) обязательно нуждается в целеполагающем управляющем воздействии, иначе начинает нарастать энтропия. Отсюда роль лидера-организатора-актора (здесь все по Г. В. Плеханову), справедливо отмечавшему, что социальные процессы напоминают действие параллелограмма сил в механике (см.: [Плеханов, 1956]). Вектор движения складывается из общих усилий элементов системы (личностей) в рамках объективных обстоятельств, однако синхронизирует их, придает им когерентность в данном направлении признанный лидер. Особенно это значимо в неблагоприятных условиях, когда затухание информационно-энергетического «водоворота» ускоряется.

Заметим, что в настоящее время гомеостатичность и конструктивный потенциал ивановской ноосферной школы (как информационно-энергетического «водоворота») сохраняется, а содержание ноосферной концепции не утратило своей актуальности и значения. Сегодня в рамках философии складывается ее новый раздел, «ноосферная философия» (синтетическое знание о мире и человеке), предметом которой является вся область космопланетарных, биосферно-цивилизационных отношений, возникающих в процессе самоорганизации взаимопереплетающихся планетарных оболочек — биосферы, техносферы, социосферы, культуросферы, семиосферы, инфосферы. На сегодняшний день концепция ноосферы, пожалуй, единственная научная и мировоззренческая концепция, предлагающая оптимистический сценарий развития современной человеческой цивилизации. Существенно, что принятие этого сценария зависит не только от объективных обстоятельств, но и свободного человеческого выбора.

---

² Майкл Полани, введший термин «личностное знание», подразумевал определенный объем неявного знания, родственного интуиции, которым пользуется в своей деятельности отдельный ученый.

Библиографический список / References

- Бобков В. Н., Бобков Н. В. Современное развитие идей В. И. Вернадского о ноосфере: новые процессы и структуры // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 8. С. 30—33.
- (Bobkov V. N., Bobkov N. V. Modern development of V. I. Vernadsky's ideas about the noosphere: new processes and structures, *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 2013, no. 8, pp. 30—33. — In Russ.)
- Брагин А. В. Университетское образование: классика и традиционализм или постмодернистские инновации // *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2 (19). С. 18—22.
- (Bragin A. V. University education: classics and traditionalism or postmodernist innovations, *Ivanovo State University Bulletin*, Series: Humanities, 2019, no. 2, pp. 18—22. — In Russ.)
- Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 200 с.
- (Wiener N. *Cybernetics and society*, Moscow, 1958, 200 p. — In Russ.)
- Дмитриевская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом Космосе // *Ноосферная идея и будущее России*. Иваново, 1998. С. 29—31.
- (Dmitrievskaya I. V. Plato's Timaeus: the myth of the Living Cosmos, in Smirnov G. S. (ed.) *The noospheric idea and the future of Russia*, Ivanovo, 1998, pp. 29—31. — In Russ.)
- Кинелев В. Г. Фундаментализация университетского образования // *Высшее образование в России*. 1994. № 4. С. 6—13.
- (Kinelev V. G. Fundamentalization of university education, *Higher education in Russia*, 1994, no. 4, pp. 6—13. — In Russ.)
- Лем С. Сумма технологий. М.: АСТ, 2002. 668 с.
- (Lem S. *Sum of technology*, Moscow, 2002, 668 p. — In Russ.)
- Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избр. филос. соч.: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 300—331.
- (Plekhanov G. V. On the role of personality in history, Plekhanov G. V. *Selected philosophical works*, in 5 volumes, Moscow, 1956, vol. 2, pp. 300—331. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Принципы ноосферного образования: философский и культурологический подходы // *Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету: материалы лицейско-университетской научно-методологической конференции «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы»*. Иваново, 23—25 апреля 1997 г. Иваново, 1997. С. 30—46.
- (Smirnov G. S. Principles of noospheric education: philosophical and cultural approaches, *Noospheric paradigm of education: from lyceum to university*, Ivanovo, 1997, pp. 30—46. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Философия сознания и ноосферы: научная школа в университетском сообществе // *Вестник Ивановского государственного университета*. 2005. № 2. С. 59—77.
- (Smirnov G. S. Philosophy of consciousness and the noosphere: a scientific school in the university community, *Ivanovo State University Bulletin*, 2005, no. 2, pp. 59—77. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Первый Иваново-Вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 3—8.

(Smirnov G. S. The first Ivanovo-Voznesensk philosopher (on the centenary of Professor Nikolai Pavlovich Antonov), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2010, no. 2, pp. 3—8. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ноосферный пейзаж: логика развития и экология выживания университетской научной школы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 54—75.

(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Noospheric landscape: the logic of development and ecology of survival of the university scientific school, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2012, no. 2, pp. 54—75. — In Russ.)

Смирнов Д. Г. Философия советования: диссертационный совет по философии в Ивановском государственном университете (1982—2016) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 5. С. 143—154.

(Smirnov D. G. Philosophy of advising: dissertation council on philosophy at Ivanovo State University (1982—2016), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2023, no. 5, pp. 143—154. — In Russ.)

Сороко Э. М. Структурная гармония систем. Минск: Наука и техника, 1984. 264 с.

(Soroko E. M. *Structural harmony of systems*, Minsk, 1984, 264 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Брагин Андрей Витальевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, braginav2009@yandex.ru

Bragin Andrey Vitalievich — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, braginav2009@yandex.ru

Е. В. Левченко

«НЕУМЕНЬШАЕМАЯ СЛОЖНОСТЬ» КУРСКОЙ ФИЛОСОФИИ В КАРТИНЕ НОВОГО МИРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли малых городов, таких как Курск, в контексте формирования философии и ее взаимодействия с глобальными процессами. Малые города рассматриваются как уникальная среда, сочетающая культурно-историческое наследие, социальные практики и материально-духовное творчество. Особое внимание уделяется их значению для устойчивого развития, сохранения социальной памяти и противостояния глобальным вызовам. Автор анализирует концептуальные аспекты философии войны, региональной идентичности и влияния культурных традиций на формирование философских школ. В работе подчеркивается, что устойчивое развитие малых городов как опорных территориальных единиц требует стратегических подходов, направленных на гармонизацию человека, общества и природы. Курск как пример культурного и философского центра представлен в статье как модель успешного сочетания региональной специфики и универсальных философских ценностей.

Ключевые слова: малые города, Курск, философия, война.

Ссылка для цитирования: Левченко Е. В. «Неуменьшаемая сложность» курской философии в картине нового мира // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 67—73.

Original article

E. V. Levchenko

"IRREDUCEABLE COMPLEXITY" OF KURSK PHILOSOPHY IN THE PICTURE OF THE NEW WORLD

Abstract. The article is devoted to the study of the role of small towns such as Kursk in the context of the formation of philosophy and its interaction with global processes. Small towns are considered as a unique environment combining cultural and historical heritage, social practices and material and spiritual creativity. Special attention is paid to their importance for sustainable development, preservation of social memory and countering global challenges. The author analyzes the conceptual aspects of the philosophy of war, regional identity and the influence of cultural traditions on the formation of philosophical schools. The paper emphasizes that the sustainable development of small towns as supporting territorial units requires strategic approaches aimed at harmonizing man, society and nature. Kursk, as an example of a cultural and philosophical center, is presented in the article as a model of a successful combination of regional specifics and universal philosophical values.

Keywords: small towns, Kursk, philosophy, war.

Citation Link: Levchenko E. V. (2025) "Irreducible complexity" of Kursk philosophy in the picture of the new world, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 67—73.

«Неуменьшаемая сложность» — это система,
состоящая из нескольких
взаимосвязанных компонентов,
каждый из которых необходим
для общего функционирования.
Удаление любого из них приводит
к полной утрате работоспособности системы»
Майкл Бихи

Отечественная философия достигла своего расцвета на рубеже позапрошлого столетия, сосредоточившись на онтологических, гносеологических, мировоззренческих и методологических проблемах. Однако акцент на разум и научно-технический прогресс приводит к смещению гуманистического антропоцентризма в сторону сциентистского антропоцентризма. В этом новом контексте антропоцентризм обосновывает необходимость индустриального освоения природы. В результате эксплуатация природы переходит в эксплуатацию человека, вызывая его отчуждение от окружающего мира, общества и самого себя.

Наука оказалась под сильным влиянием политики, все больше превращаясь в прикладной инструмент, служащий потребностям текущего момента. В результате культура подвергается разрушению, а народ становится объектом манипуляции, утрачивая статус субъекта и превращаясь в «население».

В этом контексте традиционное противостояние материализма и идеализма уступает место философскому плюрализму. Формируются новые направления: сциентистское, деятельностное, антропологическое, философско-теологическое и социально-критическое.

- Сциентистское направление сосредоточено на философских проблемах науки, формируя мировоззрение научно-технической интеллигенции и слоев общества, которые видят в научно-техническом прогрессе ключ к решению глобальных проблем.
- Деятельностное направление исследует социально-политические аспекты развития общества, формируя мировоззрение масс, связывающих свое будущее с успехом в преодолении этих вызовов.
- Антропологическое направление фокусируется на проблемах человека и его отношения к миру, отражая интересы гуманитарной интеллигенции и тех, кто остро ощущает отчуждение.
- Философско-теологическое направление занимается обоснованием значимости религии, формируя взгляды верующих и тех, кто ищет в религии утешение и спасение.
- Социально-критическое направление ориентировано на анализ реальности и проектирование желаемого будущего, обращаясь к людям, переживающим глобальные вызовы и готовым искать пути их решения.

Философский плюрализм XX—XXI века свидетельствует о глубоком кризисе человечества, в котором нестандартные вызовы в системе «природа-общество-человек» требуют инновационных подходов. Решение этих проблем выходит за пределы возможностей классической философии, что подчеркивает необходимость новых философских ориентиров и подходов.

Русская философия. Русская философия испытала мощное влияние западной мысли, что привело к синхронизации культурной эволюции и включению отечественной философской традиции в общеевропейский интеллектуальный контекст.

Владимир Соловьев стал ярким примером синтеза русского и западного философских подходов, став первым оригинальным русским философом, чье творчество приобрело общеевропейское значение. Освоив западные идеи и обратившись к отечественным корням, он создал уникальную концепцию, в которой критиковал позитивизм и абстрактный рационализм, что перекликалось с европейскими тенденциями и славянофильской традицией. Соловьев разработал идею цельного знания, стремясь объединить национальную правду с вселенской истиной, мистику с точным знанием, а католицизм с православием. Он призывал преодолеть крайности Запада («безбожный человек») и Востока («бесчеловечное божество»), предлагая путь восстановления духовного единства.

Сегодня русская философия переживает процесс возрождения, включающий восстановление утраченного единства, возвращение забытых имен и идей, а также создание условий для ее дальнейшего развития. Как и любая другая национальная философская традиция, она всегда была частью мирового интеллектуального процесса, предлагая метафизическое осмысление фундаментальных принципов и законов бытия [Лосский, 1991].

Философия войны как неотъемлемая часть человеческого бытия. В начале XXI века, спустя столетие, тема философии войны вновь приобретает актуальность. Наступило время «собирать камни» и осмыслять путь дальнейшего развития страны, ее место и роль в современном мире. Какова судьба государства, которое не готово защищать свои интересы, ценности и идентичность? Мы наблюдаем примеры, когда «мягкая сила» трансформируется в жесткие военные действия, угрожающие существованию суверенных государств.

Происходит осознание утопичности концепции «общечеловеческих ценностей», которые в реальности оборачиваются трагедиями для народов. В этой ситуации неизбежно обращение к философии политики, а именно к ее важному направлению — философии войны. Военная доктрина, стратегия и вопросы безопасности становятся ключевыми аспектами существования государства, претендующего на статус самостоятельного игрока в международной системе. Без философского анализа этих вопросов и выработки целостного подхода к государственному строительству невозможно добиться устойчивых результатов в этой области. Вопросы смысла войны, как и в прошлом столетии, остаются чрезвычайно важными.

История человечества свидетельствует о постоянном ведении войн. О. Баро еще в XIX веке отмечал, что в период с 1496 по 1861 годы на 227 лет мира приходилось 3130 лет войны, то есть один год мира сменялся тринадцатью годами войны. Это позволяет утверждать, что история народов — это, по сути, череда непрерывных войн, а периоды мира — лишь временные передышки [Философия войны и мира, 2019].

За последние 40 лет ни один год не обошелся без вооруженных конфликтов в разных частях света. Однако официальных объявлений о войнах практически не было. Пока звучал лозунг «Лишь бы не было войны», сами войны продолжались. В этом контексте фраза Дж. Оруэлла «Война — это мир» становится как никогда актуальной.

Эволюция философии войны прошла путь от «войны на уничтожение» к «войне на подчинение». Современная война приобрела гибридный характер, объединяя на одном поле информационные, интеллектуальные, экономические, кибернетические войны и реальные боевые действия. Этот симбиоз формирует основу философии современных вооруженных конфликтов.

Война и мир, насилие и ненасилие — это, пожалуй, одни из самых настоящих и парадоксальных явлений человеческого существования, сопровождающие человечество с самого его появления и по сей день, принимая различные формы: от древних набегов и первобытной солидарности, жертвоприношений и «трубок мира» до современных конфликтов, мирных договоров, террористических актов и миротворческих миссий. Только XX век стал свидетелем двух мировых войн, глобальных экономических кризисов, установления тоталитарных режимов, которые радикализировали насилие в политической, идеологической и психологической сферах, что привело к кризису идеологий «демократического модерна» (А. Панарин) и «реального социализма» — прогресса, рациональности и гуманизма. Разрушение религиозных основ, моральных норм и ценностей, обострение социальных противоречий в мире «традиционных культур» под давлением «развивающихся стран» привело к тому, что терроризм стал ответом на проект модерна. Постмодернистская глобализация XXI века наряду с политико-идеологическим терроризмом также выявила нетривиальные формы войны и насилия — информационные, символические и другие. Война и террор, революции и перевороты, убийства и самоубийства, насилие в семьях и тюрьмах, манипуляции сознанием в СМИ, моральное давление в быту — все эти разрушительные явления имеют в своей основе насилие.

Философское осмысление войн и насилия в основном носило контекстный характер, не будучи самостоятельным направлением, и часто оставалось на периферии обсуждений, касающихся власти, права, господства, революций, политики, свободы, справедливости и других моральных и философских проблем. Вопрос, можно ли противопоставить ненасилие различным формам насилия, или же нам следует оставаться в рамках легитимного государственного насилия и универсальных норм морали, ограничивающих насилие, остается актуальным. Дилемма «насилие — ненасилие» имеет не только философское и моральное значение, но и практическое, затрагивая повседневное разрешение межличностных, правовых и политических конфликтов, а также парадоксы человеческого бытия.

Интересно, что в обсуждениях войны и мира, насилия и ненасилия человек часто оказывается вне фокуса внимания, уступая место метанарративам. Философская мысль смещается на более крупные социальные и политические проблемы или размывается до абстрактной этики. Понимание человека как субъекта остается важной задачей, требующей возвращения к живому человеку в его конкретной исторической реальности. Насилие и войны конца XX и начала XXI веков требуют новых определений и теоретических подходов, в том числе концептуальных и практических решений. Сам дискурс насилия, войны, мира и ненасилия нуждается в интеграции различных эпистемологических, методологических и практико-профилактических подходов, которые учитывают конкретно-исторический, глобальный и локальный контексты, а также индивидуальный опыт каждого человека.

Время особого назначения. Специальная военная операция как по своим проявлениям, так и по предполагаемым последствиям, стала одним из ключевых событий в истории постсоветской России. Этот процесс, что важно для его понимания, является частью глобальных изменений в мировой системе, результаты которых остаются неопределенными. Приграничные регионы России в таких условиях оказываются в зоне повышенного риска.

Утрата контроля над социальными изменениями создает угрозу их хаотизации, которая проявляется:

а) несогласованностью отдельных направлений социальной трансформации;

б) утратой ключевыми социальными акторами способности влиять на ход изменений и их результаты, а иногда и целеполагающей функции.

В некоторых случаях хаотизация выступает единственным способом выхода из застойного социального порядка, где существует значительный разрыв между формальными и неформальными целями, а также между поставленными задачами и средствами их реализации. Поэтому изменения в социуме приграничных регионов как части российского общества требуют управляемого подхода.

Однако необходимо учитывать, что управляемость масштабных трансформаций имеет свои ограничения. Она во многом зависит от того, насколько управляющая система соответствует масштабу и сложности процессов, которые она пытается регулировать. Эффективное управление изменяющимся обществом невозможно без трансформации самой управляющей системы, включая ее целеполагание, институциональную структуру, методы управления и другие аспекты [Воронов, 2023].

Роль малых городов. Малые города России, такие как приграничный Курск, представляют собой уникальную сферу провинциальной жизни, сочетающую в себе повседневные социальные практики местных жителей, результаты их материально-духовной деятельности и близость к сельскохозяйственному производству. Эти города формируют культурно-смысловые контексты, выступая для одних малой Родиной и пространством социализации, для других — источником вдохновения и местом реализации планов. Все это позволяет сохранять духовную устойчивость перед натиском глобализации.

В современных условиях малые города становятся пространством для жизни, труда, творчества и отдыха, а также территорией с потенциалом для духовного, социального, экономического и политического развития. Они могут служить оплотом стабильности, экологического равновесия и культурного наследия в эпоху повсеместного распространения информационных технологий. Малые города способны сохранить социальную память, противостоять глобальным вызовам и стать основой территориально-поселенческой системы регионов [Касаткина, 2017].

Курск с его уникальной философией и историко-культурным наследием является примером устойчивого развития. Его значение усиливается благодаря таким природным феноменам, как Курская магнитная аномалия — крупнейший железорудный бассейн мира, охватывающий несколько областей. Эти особенности придают региону дополнительные символические и стратегические ресурсы [Громыкина, 2024].

Философия современных войн, построенная на симбиозе информационного, интеллектуального, экономического и киберпространства, делает изучение малых городов объектом научного интереса. Исследование их концептуальных основ помогает понять специфику регионального развития. Малые города как опорные территориальные единицы нуждаются в эффективных стратегических программах, направленных на их устойчивую эволюцию.

Гармоничное пространство и хронотоп малого города создают ощущение уюта, стабильности и личной связи с местом, пробуждая творческий потенциал и гармонию между человеком и средой. Исторические малые города, несмотря на перестройки и дисфункции, обладают большей устойчивостью благодаря своей длительной исторической памяти. Такая среда способна выполнять не только утилитарные, но и эстетические и просветительские функции, формируя ощущение защищенности и культурной устойчивости.

Малые города России представляют собой перспективные центры развития русской философии в условиях нового мирового порядка. Их культурное и историческое наследие, а также уникальная региональная специфика создают благоприятные условия для формирования локальных философских школ, способных обогащать национальную и мировую мысль. В контексте глобальных изменений малые города могут стать пространствами для осмысления традиционных ценностей и выработки новых подходов, ориентированных на гармонию человека, общества и природы. Устойчивое развитие русской философии в этих центрах будет способствовать укреплению интеллектуального потенциала страны и ее диалога с мировым философским сообществом.

Особый флер курской философии заключается в том, что курская земля выступает значимым игроком в стремительно меняющемся мировом пространстве.

Библиографический список / References

- Воронов В. А., Гармашев А. А., Хрипков К. А. Специальная военная операция как триггер изменений социума приграничного региона // Государственная служба. 2023. № 5 (145). С. 71—78.
- (Voronov V. A., Garmashev A. A., Khripkov K. A. Special military operation as a trigger for changes in the society of a border region, *Public service*, 2023, no. 5 (145), pp. 71—78. — In Russ.)
- Громыкина Т. С. Сохранение и развитие культурных традиций Курского края // Вестник СПбГИК. 2024. № 3 (60). С. 25—29.
- (Gromikina T. S. Preservation and development of cultural traditions of the Kursk region, *Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture*, 2024, no. 3 (60), pp. 25—29. — In Russ.)
- Касаткина С. С. Роль малых городов в социокультурном развитии современного российского общества // Научное мнение. 2017. № 6. С. 38—41.
- (Kasatkina S. S. The role of small towns in the socio-cultural development of modern Russian society, *Scientific opinion*, 2017, no. 6, pp. 38—41. — In Russ.)
- Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 482 с.
- (Lossky N. O. *History of Russian philosophy*, Moscow, 1991, 482 p. — In Russ.)

Философия войны и мира, насилия и ненасилия / С. Н. Борисов, П. Боянич, В. В. Варава [и др.]; под ред. В. П. Римского. М.: Академический проект, 2019. 462 с.
(Rimsky V. P. (ed.) *Philosophy of war and peace, violence and non-violence*, Moscow, 2019, 462 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Левченко Елена Вадимовна — кандидат медицинских наук, доцент, кафедра психиатрии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Россия, levchenkoev@kurskmu.net

Levchenko Elena Vadimovna — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Department of Psychiatry Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation, levchenkoev@kurskmu.net

Научная статья

УДК 130.122

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.74-81

С. С. Поликарпов, Т. А. Никитенко

ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. В фокусе внимания представленной статьи находятся концептуальные ориентиры такого неформального образовательного объединения, как философский клуб. Доказывается, что современный педагогический дискурс, который (нередко) интерпретирует процесс познания как процесс развития критического мышления и преобразования коммуникативных навыков, не учитывает ценностные и методологические координаты философского клуба, сводя мышление к практике верификации, а беседу — к практике обмена информацией. Тем не менее авторы статьи настаивают, что субстанциональное основание философского клуба определяется двумя специфическими концептами: в первую очередь, это концепт подозрения, когда мышление не только воспроизводится, замыкаясь на самом себе, но и активно «разоблачается», ставится под сомнение; и — далее — это концепт диалога (Бахтин), который подчеркивает значимость многоголосия для приобретения философской идентичности. Показано, что данные концептуальные ориентиры ставят философский клуб в особое положение, в котором он реализуется «перпендикулярно» наличному педагогическому контексту.

Ключевые слова: философия, педагогика, философский клуб, контекст, концепт, ориентир, критическое мышление, подозрение, диалог.

Ссылка для цитирования: Поликарпов С. С., Никитенко Т. А. Философский клуб: концептуальные ориентиры и педагогический контекст // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 74—81.

Original article

S. S. Polikarpov, T. A. Nikitenko

PHILOSOPHY CLUB: CONCEPTUAL ORIENTATIONS AND PEDAGOGICAL CONTEXT

Abstract. The focus of the proposed article is on the conceptual guidelines of such an informal educational association as a philosophical club. It is argued that modern pedagogical discourse, which (often) interprets the process of learning as a process of developing critical thinking and transforming communicative skills, does not take into account the value and methodological coordinates of the philosophical club, reducing thinking to the practice of verification, and conversation to the practice of information exchange. Nevertheless, the authors of the article insist that the «nature» of the philosophical club is defined by two specific concepts:

first of all, it is the concept of suspicion, when thinking is not only reproduced, closing in on itself, but also actively «exposed», questioned; and — further — it is the concept of dialogue (Bakhtin), which emphasizes the significance of polyphony for the acquisition of philosophical identity. It is shown that these conceptual guidelines put the philosophical club in a special position, when it exists and is realized as if perpendicular to the existing pedagogical context.

Keywords: philosophy, pedagogy, philosophy club, context, concept, reference point, critical thinking, suspicion, dialogue.

Citation Link: Polikarpov S. S., Nikitenko T. A. (2025) Philosophy club: conceptual orientations and pedagogical context, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 74—81.

Нередко в педагогическом контексте прослеживается дискурс, который утверждает, что философия, являясь «дисциплиной, которая позволяет исследовать фундаментальные вопросы человеческого существования, познания и морали» [Кузин, 2023: 17], занимает центральное место в формировании критического мышления и культурной идентичности студентов [Кондратьева, 2018: 127]. Другими словами, философия развивает навыки анализа, синтеза, классификации, аргументации, а также помогает студентам осознавать современность и выражать собственное мнение по социальным, экономическим, политическим и другим вопросам. Однако — и здесь можно вспомнить Николая Осипова [Осипов: 2015], создателя московской школы психоанализа, — подобного рода высказывания можно интерпретировать иначе, «онейрическим» образом; как «смещения», в результате которых философия, пусть и сохраняя некоторые свои координаты, все же оказывается на заднем плане, вследствие чего ее истинная роль и значение остаются недооцененными. Такой подход, по нашему мнению, правомерен, но только потому, что в границах педагогического дискурса маркеры «развития» и «осознания» приписываются каждой академической дисциплине, что, в конечном счете, приводит к искажению уникального облика философии. Тем не менее известно, что философия не только «развивает» когнитивные способности, не только содействует «осознанию» сегодняшнего дня, но и осмысляет, а точнее, облекает в понятийную форму сам дискурс о «развитии» и «осознании» разнообразных явлений и процессов [Пятигорский, 2021: 32] — дискурс, присущий, в том числе, и самой педагогике.

Таким образом, перед нами вырисовывается картина раскола: с одной стороны, актуальная педагогическая повестка с ее прогрессистским наполнением; с другой стороны, философия и ее интеллигильная интенциональность. Мы полагаем, что наиболее ярко данная коллизия выражается ровно в тот момент, когда в образовательной среде появляются структуры, располагающиеся «перпендикулярно» господствующим методологическим и методическим установкам. Чаще всего эти структуры не вписываются в парадигму педагогической инновации, делая при этом то, что можно назвать темпоральным изменением положения субъекта: преподаватель и студент идентифицируются с фигурой *studentis* — лица, как считали в Древнем Риме, занятого исключительно процессом познания [Хайдеггер, 1993: 202]. Одной из таких структур может являться философский клуб — объединение людей, возникшее из желания философствовать, т. е. создавать, преобразовывать и трактовать концепты. Представляя собой сообщество так называемых «студентов», философский клуб также реализует себя в качестве «малой утопии», апологетом которой выступил Платон

в небезызвестном диалоге «Пир». Заметим, что в этом ракурсе «расхождение» философского клуба и наличного педагогического контекста является слепком платоновского конфликта, где «Пир» гетерогенен «Государству» — государству как «большой утопии», которой должны править философы, «призванные ради политических дел оставить свои пиршественные диспуты» [Абдуллаев, 2007: 192]. В то же время, если задаваться вопросом о причинах несоответствия «малой утопии» философского клуба и «утопии большой» (педагогический контекст), то в первую очередь следует обратить внимание на концептуальные ориентиры философского клуба, поскольку именно они, согласно нашей гипотезе, и формируют то особое эпистемологическое поле, которое отказывается или — что более вероятно — не может идентифицироваться с требованиями и пропозициями образовательной среды. Чтобы осмыслить данные ориентиры, мы воспользуемся конкретным опытом — работой философского клуба ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Но для начала поставим философский клуб в позицию культурного артефакта, рассмотрев его специфику в исторической ретроспективе.

История «неформальных» философских групп уходит корнями в глубокое прошлое: это и формирующие мировоззрение учеников беседы Сократа, и платоновская «Академия», и аристотелевский «Лицей», и сад Эпикура. Условиями появления таких групп, по мнению Олега Донских, являются традиция, наличие харизматического лидера и свобода общения [Донских, 2015: 91]. Тем не менее в ракурсе данной статьи можно выделить и другое, дополнительное условие. Так, если обращать внимание на отечественный опыт, то можно констатировать, что первые философские объединения начали возникать лишь в первой половине XIX столетия, но в своеобразной исторической ситуации, когда методические и аксиологические координаты образовательной среды начали определяться «теорией официальной народности». В связи с этим нельзя не процитировать Андрея Сухова, который писал, что «один из парадоксов российской философии XIX в. состоит в том, что ее расцвет пришелся на период серьезного административного давления и усиления политических репрессий» [Сухов, 2009: 12]. Интересно, что в этом (социальном) горизонте философские кружки приобретали дискурсивную роль: они становились местами интеллектуальных бесед, где участники могли свободно обсуждать актуальные идеи, обмениваться мнениями и формировать свои собственные взгляды на различные аспекты жизни и общества. «Кружки могли собираться по несколько раз в неделю», а их «заседания затягивались надолго» [там же: 13]. Как пишет Сухов, «начавшись вечером, заседания нередко заканчивались под утро; наилучшие ораторы занимали аудиторию часами. Но бывало и так, что не все члены того или иного кружка каждый отрезок времени проживали в одном и том же месте; иногда кружок трансформировался в свою разновидность — круг общения. Устное творчество дополнялось эпистолярным. Изложение мнений, концептуальных установок давалось в письмах. Не являлось исключением, что письмо разрасталось в целый трактат. Адресованное одному из членов кружка письмо, содержавшее философские мнения, немедленно становилось достоянием остальных; оно читалось и перечитывалось» [там же: 14].

Другой пример соотносится с последней четвертью XX века, т. е. с периодом реформ, которые поставили Россию в один ряд с демократическими государствами Европы и Северной Америки. Отметим, что в этот период философские клубы начинают приобретать особую популярность: их участниками

становятся не только студенты и преподаватели, но и обычные люди. Ксения Ерофеева считает, что востребованность неформальных философских объединений была связана с тем, что многие аспекты отечественной и мировой философии, которые были идеологически недоступны до начала 80-х гг. XX века, стали открыты для осмысления и дискуссий [Ерофеева, 2019: 85]. В то же время появляются авторские философские курсы; меняется система взаимодействия преподавателя и студента: «Университетский профессор, наконец, получает свое естественное право давать студентам и по-своему интерпретировать тот материал, который он глубже знает и считает наиболее важным для воспитательного воздействия своей дисциплины. Таким образом, происходит встречное движение преподавателя и студента. Первый готов поделиться своими размышлениями и идеями с молодежью и получает для этого относительную свободу, а второй стремится с благодарностью воспринять и самостоятельно осмыслить эти идеи» [там же: 86]. Нельзя не сказать, что, как и в XIX столетии, философские клубы конца XX века становятся местами поиска новых смыслов, формирования традиций философского вопрошания, осмысления мировоззренческих вопросов. Иными словами, философские клубы в очередной раз ставят себя в оппозицию времени. Вследствие этого можно заключить (учитывая соответствующий исторический опыт), что не в последнюю очередь философский клуб связан с тем напряжением, которое существует между философией и окружающим миром, с его обстановкой и установками. Поскольку философия всегда идентифицировала себя как нечто противоположное наличной действительности, постольку и философские клубы, будучи сопричастными среде, все же существовали (и существуют) в парадигме отрицания данной среды. Повторим, отчасти эта коллизия прослеживается уже в платоновской мысли: в конфликте двух произведений — «Пира» и «Государства», и «природу» данной коллизии и позволяют раскрыть концептуальные ориентиры философского клуба.

Прежде всего необходимо сказать, что субъекты (это могут быть студенты, магистранты, аспиранты и, безусловно, преподаватели), которые выразили желание стать частью философского клуба и в результате посетили его ближайшее заседание, оказываются в известной этической ситуации, когда каждое мнение и каждая идея могут быть подвергнуты критическому анализу и обсуждению [Родина, 2012: 9]. Можно сказать, что данные этические паттерны составляют педагогический инвариант работы философского клуба, и он — данный инвариант — продуцирует определенную атмосферу для интеллектуального общения. На заседаниях клуба предоставляется возможность не только исследовать значимые философские концепты, но и задавать, интенсифицировать и опровергать вопросы, которые могут возникать в ходе соответствующих дискуссий: это могут быть как простые «почему?» и «зачем?», так и более сложные запросы на объяснение — «Каковы последствия Вашего утверждения?», «Как Ваша идея соотносится с другими философскими традициями?» и т. д. Таким образом, участники клуба получают возможность: а) видеть мир оптикой своих личных убеждений, т. е. сугубо индивидуальным образом; б) видеть мир «отстраненно», глазами своего собеседника. Все это, в нашем понимании, подчеркивает спатально-педагогическую значимость философского клуба: фактически он является местом, где каждый голос имеет значение и определенный результата, а все это — вспомним актуальный социальный запрос — связано с ценностями взаимоуважения, гражданственности, достоинства.

С другой стороны, не следует забывать и том, что философский клуб является также — философским (чит.: нередко идущим в разрез с требованием времени [Хайдеггер, 1993: 86]). Поэтому, обозначив его сопричастность педагогическому контексту, следует эксплицировать и тот концептуальный ориентир, который, как мы отметили ранее, и может располагать философский клуб «перпендикулярно» наличному педагогическому контексту. И здесь, на наш взгляд, необходимо вспомнить Поля Рикера, а точнее, его работу «Конфликт интерпретаций: очерк о герменевтике» [Рикер, 2008], где утверждалось, что современное философское мышление, предопределяемое главным образом учениями Маркса, Ницше и Фрейда, реализуется в виде подозрения; иными словами, в такой перспективе, когда за фасадом бытия наблюдаются скрытые интересы, бессознательные решения и более глубокие, зачастую намеренно скрывающиеся «истины». Мы убеждены, что, будучи вовлеченным в современное философское мышление и фактически являясь его продуктом, философский клуб не может не создавать ситуацию, когда студенты, магистранты и преподаватели соотносят себя с тем, что напрямую противоречит критическому осмыслению окружающего мира, а именно — с подозрением. И оно, данное подозрение, определяет коэргитивную силу клуба. В результате этого пространство философского клуба становится пространством, где ценность каждого мнения не только признается, но и активно исследуется, «разоблачается». Таким образом, философский клуб предстает в виде интеллектуальной площадки, где, с одной стороны, циркулируют различного рода мнения, интересы; с другой стороны, продуцируется и преобразуется философская идентичность субъекта. Если же обращать внимание на сущность подозрения, то следует уточнить, что оно кардинально отличается от критического мышления, о котором нередко говорит педагогический дискурс, имея в виду способы соотношения чувственных представлений с некоей «реальностью» посредством анализа и оценки данных представлений [Кондратьева, 2018: 126]. Подозрение — и здесь можно вспомнить Александра Пятигорского — есть мышление о мышлении, и данный процесс осуществляется с целью выявления социально и политически обусловленных штампов, формирующих самые общие представления о мире и влияющих на процесс интерпретации реальности [Пятигорский, 2021: 25]. Отметим, что в нашем понимании проблематика встреч философского клуба может стать хорошей основой для реализации практики подозрения, особенно тогда, когда актуализируются нефилософские и ненаучные формы познания мира (одна из самых востребованных тем в философском клубе ЯГПУ им. К. Д. Ушинского).

Продолжая размышления о концептуальных ориентирах философского клуба, следует подчеркнуть, что его основополагающей и, можно сказать, «субстанциональной» предпосылкой является диалог. Укажем, что нередко в границах педагогического дискурса диалог рассматривается в виде возможности, и преимущественно в виде возможности развивать персональные мысли и идеи в безопасной, экологической, по сути, в терапевтически ориентированной атмосфере [Мосиенко, 2009: 140]. Это также означает, что диалог действительно связан с обменом мнениями, но лишь во вторую очередь: прежде всего диалог является процессом, в котором каждый участник может без какого-либо травматического опыта выражать свои взгляды, сомнения, интересы, соблюдая при этом и некоторый этический кодекс, когда требуется уважать других и вдумчиво, с интересом прислушиваться к их позициям (так называемое

«активное слушание»). В то же время и педагогический дискурс уделяет данному аспекту особое внимание, диалог способствует формированию так называемой «творческой» личности — личности, обладающей инновационным духом и креативными навыками, включая навык трансформировать и развивать услышанные мысли в определенные, социально значимые проекты [Тетерский, Подосинникова, 2023]. Таким образом, диалог становится инструментом духовного обогащения и интеллигентного производства, а место, где он разворачивается, преобразуется: из места интеллектуального обмена в пространство личностного роста, общественного развития. В некотором смысле все обозначенные выше подходы реализуются и в философском клубе, поскольку, как сказано выше, его «субстанциальной» предпосылкой является диалог. Кроме того, опыт работы философского клуба ЯГПУ говорит о том, что студенты, магистранты и другие участники клуба видят его главную задачу в том, чтобы организовывать конструктивную беседу по заранее обозначенной проблеме.

Впрочем, философский клуб работает и на более широкую концептуальную перспективу, и по этой причине означающее диалога — с целью приобретения необходимого означаемого — можно экстраполировать в философский дискурс Михаила Бахтина, который: а) акцентирует важность многоголосия и взаимодействия различных точек зрения в процессе самоидентификации; б) подчеркивает необходимость разоблачения так называемых «склеротических отложений», когда слова функционируют так, словно бы они имеют некоторое сущностное предназначение, подвергшееся, однако, забвению. Тем не менее, поскольку разоблачение «склеротических отложений», стремящееся, как отмечал Бахтин, доказать, что истина никогда не является фиксированной или окончательной, во многом пересекается с практикой подозрения [Волошинов, 1993: 34], сфокусируем наше внимание на процессе самоидентификации. И в первую очередь отметим, что в понимании отечественного мыслителя человеческое бытие основано на взаимодействии с другим, вследствие чего само понятие «быть» следует осмыслять диалогически, посредством акта общения, продуцирующего некоторый смысл и некоторую значимость. В этом ракурсе Бахтин справедливо допускает, что одиночный голос не может решить вопрос о целесообразности своего существования, и по этой причине он начинает поиски другого, второго голоса, создающего проекцию минимального выражения жизни, которая «завершается ровно в тот момент, когда заканчивается диалог» [там же: 43]. В горизонте работы философского клуба позиция Бахтина означает, что диалог — это не только обмен мнениями, имеющий определенные личностные и социальные дивиденды, но также и процесс, в котором индивид становится личностью, осознающей присутствие и значимость другого. Подобное осознание сложно переоценить, поскольку, как отмечал Жан-Поль Сартр, другой является источником травмы [Сартр, 2000: 315]. Его взгляд — взгляд другого — манипулирует человеком, формируя его сущность, извлекая его из неопределенности и позволяя видеть себя со стороны включенным в жизнь. Кроме того, именно другой обладает тайной, которая раскрывает суть человека. Отсюда, как нам кажется, можно заключить, что диалог в границах философского клуба лишь формально связан с обменом мыслями и идеями; диалог является актом, формирующим идентичность индивида в онтологической перспективе.

Философский клуб представляет собой действительно уникальную образовательную или — если говорить шире — гносеологическую платформу, которая существует «перпендикулярно» актуальному педагогическому контексту. Являясь слепком «архетипического» философского конфликта — коллизии между «малой утопией» и утопией «большой», философский клуб, тем не менее, не только отражает традиции философского мышления, начиная с античных времен, но и адаптируется к современным эвристическим и методологическим реалиям, создавая пространство для реализации двух философских практик, — подозрения (Маркс, Ницше, Фрейд) и диалога (Бахтин). Данные концепты и образуют субстанциальную значимость философского клуба, и она — данная значимость — продуцирует более широкие познавательные и социально-психологические перспективы, выходя, в том числе, и за пределы таких педагогических категорий, как критическое мышление и коммуникация.

Библиографический список / References

- Абдуллаев Е. В. «На пире Платона во время чумы...». Об одном платоновском сюжете в русской литературе 1830—1930-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 189—209.
- (Abdullaev E. B. «At Plato's feast during the plague...». About one Platonic plot in Russian literature of 1830—1930-s, *Literature Questions*, 2007, no. 2, pp. 189—209. — In Russ.)
- Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.
- (Voloshinov V. N. *Marxism and the philosophy of language*, Moscow, 1993, 196 p. — In Russ.)
- Донских О. А. О специфике неформальных философских объединений (кружков) // Идеи и идеалы. 2015. № 3. С. 82—91.
- (Donskikh O. A. On the specifics of informal philosophical associations (circles), *Ideas and Ideals*, 2015, no. 3, pp. 82—91. — In Russ.)
- Ерофеева К. Л. Студенческий философский клуб. Размышления о слове и цифре // Вестник Ивановского государственного университета. 2019. № 2. С. 84—88.
- (Erofeeva K. L. Student Philosophy Club. Reflections on word and figure, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2019, no. 2, pp. 84—88. — In Russ.)
- Кузин В. С. Что такое философия // Идеи и идеалы. 2023. № 1. С. 11—34.
- (Kuzin V. S. What is Philosophy, *Ideas and Ideals*, 2023, no. 1, pp. 11—34. — In Russ.)
- Кондратьева С. Б. Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 122—131.
- (Kondratyeva S. B. Teaching philosophy at university: problems, forecasts, prospects, *Knowledge. Understanding. Mindfulness*, 2018, no. 4, pp. 122—131. — In Russ.)
- Мосиенко Л. В. Генезис педагогического знания о диалоге // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 11. С. 131—152.
- (Mosienko L. V. Genesis of pedagogical knowledge of dialog, *Orenburg State University Bulletin*, 2009, no. 11, pp. 131—152. — In Russ.)
- Осипов Н. Е. Психоаналитические и философские этюды. М.: Академический проект, 2015. 612 с.
- (Osipov N. E. *Psychoanalytic and philosophical etudes*, Moscow, 2015, 612 p. — In Russ.)
- Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. М.: Азбука, 2021. 192 с.

- (Piatigorsky A. M. *Thinking and observation. Four lectures on observational philosophy*, Moscow, 2021, 192 p. — In Russ.)
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 685 с.
- (Ricoeur P. *The Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*, Moscow, 2008, 685 p. — In Russ.)
- Родина Е. Н., Тивикова Н. А., Котова С. С. Роль философии в формировании мировоззренческих доминант студентов: опыт организации и работы философского клуба // Учебный эксперимент в образовании. 2012. № 4. С. 7—10.
- (Rodina E. N., Tivikova N. A., Kotova S. S. The role of philosophy in the formation of worldview dominants of students: the experience of organization and work of the philosophical club, *Educational Experiment in Education*, 2012, no. 4, pp. 7—10. — In Russ.)
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 649 с.
- (Sartre J.-P. *Being and nothingness: Experience of phenomenological ontology*, Moscow, 2000, 649 p. — In Russ.)
- Сухов А. В. Литературно-философские кружки в истории русской философии: (20—50-е годы XIX века). М.: ИФ РАН, 2009. 151 с.
- (Sukhov A. V. *Literary and philosophical circles in the history of Russian philosophy: (20—50 years of the XIX century)*, Moscow, 2009, 151 p. — In Russ.)
- Тетерский С. В., Подосинникова А. В. Сущность и система развития творческого потенциала личности // Педагогические исследования. 2023. № 1. С. 42—209.
- (Tetersky S. V., Podosinnikova A. V. Essence and system of development of creative potential of the personality, *Pedagogical studies*, 2023, no. 1, pp. 42—209. — In Russ.)
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- (Heidegger M. *Time and being: articles and speeches*, Moscow, 1993, 447 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Поликарпов Сергей Сергеевич — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, polikarpov-1992@inbox.ru

Polikarpov Sergey Sergeevich — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Philosophy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, polikarpov-1992@inbox.ru

Никитенко Татьяна Александровна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, ta.nikitenko@yandex.ru

Nikitenko Tatiana Aleksandrovna — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, ta.nikitenko@yandex.ru

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ: ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.82-86

Цюй И

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ И КУЛЬТУРНЫХ ВЫБОРОВ КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В настоящее время Китай идет вперед по пути модернизации китайского стиля, объединяя силы всей нации для содействия великому возрождению китайской нации через модернизацию китайского стиля и создания новой формы человеческой цивилизации под руководством китайского духа. Новая культурная форма и новый выбор — это сочетание марксистской мысли с превосходной китайской традиционной культурой, что является необходимым путем для модернизации китайского стиля, миссией времени для творческого преобразования и инновационного развития китайской традиционной культуры, а также теоретической инновацией Китая, сочетающейся с принципами марксизма. Культурная форма и культурный выбор модернизации в китайском стиле подчеркивают уникальный путь и культурную уверенность Китая и дают мощный духовный импульс для великого омоложения китайской нации.

Ключевые слова: Китай, модернизация, формы культуры.

Ссылка для цитирования: Цюй И. Исследование культурных форм и культурных выборов китайской модернизации // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 82—86.

Original article

Qu Yi

STUDY ON THE CULTURAL FORMS AND CULTURAL CHOICES OF CHINESE-STYLE MODERNIZATION

Abstract. At present, China is marching forward on the path of Chinese-style modernization, pooling the strength of the entire nation to promote the great renaissance of the Chinese nation through Chinese-style modernization, and creating a new form of human civilization led by the Chinese spirit. This new cultural form and new choice is to combine Marxist thought with Chinese excellent traditional culture, which is the necessary path of Chinese-style modernization, the mission of the times for creative transformation and innovative development of Chinese traditional culture, and the theoretical innovation of China combining with Marxist principles. The cultural form and cultural choice of Chinese-style modernization highlights China's unique path and cultural confidence, and provides a powerful spiritual impetus for the great rejuvenation of the Chinese nation.

Keywords: China, modernization, cultural forms.

Citation Link: Qu Yi (2025) Study on the cultural forms and cultural choices of chinese-style modernization, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 82—86.

Сэмюэл Хантингтон сказал: «То, что ХХІ век начался как век культуры, в котором на первый план выходят различия, взаимодействия и конфликты между различными культурами, стало очевидным во всех отношениях» [Синьхуа Дайджест, 2023: 10—15]. В волну мировых культур были брошены все без исключения культуры — от восточной до западной и даже исламской и так далее, а межкультурные обмены и взаимодействия стали неизбежными. В процессе глобализации любые локальные изменения в культуре могут повлиять на формирование новой модели мировой культуры, которая, в свою очередь, соответствующим образом отразится на развитии каждой ее части.

Влиться в волну глобализации — неизбежный выбор для современной китайской культуры, которая не является сильной культурой и для которой существуют как возможности, так и большие проблемы. Современная китайская культура вступила в стадию глубокого развития, и по сравнению с ранним этапом реформ культурное развитие современного Китая находится в состоянии переплетения многочисленных противоречий. Проблемы, с которыми он сталкивается, являются углублением проблем культурной трансформации, с которыми он столкнулся в начале реформ [Избранные труды..., 2023: 456—483].

Современная китайская культура еще не окончательно сформировалась как культура рыночной экономики. Для китайцев, которые раньше жили в условиях плановой экономики, культура рыночной экономики — это фундаментальная трансформация, которая заставляет Китай двигаться от этического общества к индивидуальному обществу, от этической культуры к индивидуальной культуре, от простой единой культуры к сложной и диверсифицированной культуре, что приводит к радикальным изменениям в жизни людей от материального к духовному. Когда старая культурная система еще не полностью ушла со сцены истории, а новая культурная система еще не полностью сформировалась, люди склонны чувствовать себя в растерянности в плане культуры и духа [Си Цзиньпин, 2023]. В то же время современная китайская культура находится на пересечении традиционной сельскохозяйственной культуры, современной индустриальной культуры и постиндустриальной культуры. Эти три культуры должны были бы существовать в эфемерной форме, но поскольку Китай — страна построения, проблема этого эфемерного состояния возникла одновременно. Мы должны отказаться от традиционной сельскохозяйственной культуры, чтобы реализовать индустриальную культуру, и мы должны отказаться от индустриальной культуры, чтобы перейти к постиндустриальной культуре. Одновременное возникновение этой диахронической проблемы часто ставит наш культурный выбор перед дилеммой.

В условиях сложной информации и культурных групп у каждой страны есть культурный выбор, и культурный выбор каждой страны обладает уникальностью и несопоставимостью, а также общностью и сопоставимостью. С точки зрения формирования японской культурной истории, японская культура не существует без привнесения иностранных культур, и в Японии «не существует такого исторического периода, когда не было бы привнесения иностранных культур» [Сюэ Чжунъи, Лю Цзыян, 2023: 159]. Существуют различные обобщения об американской культуре, такие как «мультикультурализм», «гибридная культура», «культура плавильного котла», «культура тарелки» и т. д., все они стремятся показать, что Соединенные Штаты — это страна, состоящая из комбинации иммигрантов в качестве основного тела. Сегодня американская

культура — это культурный организм, который объединяет множество культур путем постоянного отбора; российская культура когда-то выбрала социалистический путь, а до и после распада Советского Союза она выбрала западный путь, но сегодня Россия более склонна выбирать новый тип российской культуры в независимой форме, чтобы адаптироваться к новой модели политической экономики и мирового культурного развития.

Как должен сделать культурный выбор современный Китай? Мы должны не только модернизировать культуру, но и модернизировать и всесторонне развивать человека; мы должны не только инвестировать в глобализацию культуры, но и защищать и развивать нашу собственную самобытную культуру; мы должны не только поддерживать и развивать прекрасные традиции и превосходные достижения нашей собственной культуры, но и активно впитывать превосходные культурные достижения других народов мира; мы должны не только развивать многоуровневую культуру, но и придерживаться руководства марксистской культуры [Сюэ Чжунъи, Лю Цзыян, 2013: 24]. Одним словом, в настоящее время китайская культура сталкивается с многочисленными противоречиями и решает многочисленные задачи с большим трудом. Лишь при благоразумном и проницательном выборе мы сможем реализовать всесторонние инновации китайской культуры в новом веке и сформировать гармоничную социалистическую культуру с китайской спецификой.

Современный китайский культурный выбор столкнулся с разнообразными культурными формами: традиционная китайская культура, современная западная культура и марксистская культура; аграрная, индустриальная и постиндустриальная культуры; буржуазная и пролетарская культуры; культурный консерватизм, культурный радикализм, культурная эклектика, прагматизм, марксизм и так далее. На самом деле в истории китайской культуры было четыре основных культурных выбора. Первый — «Отказ от ста школ и уважение к конфуцианцам» во времена династии Хань, второй — выбор индийской буддийской культуры, начиная с династии Хань, третий — выбор западной культуры, начиная с Опиумной войны, и четвертый — выбор марксистской культуры до и после Движения четвертого мая. Для современного Китая марксистская культура является наиболее значимым выбором.

На конференции, посвященной 100-летию основания Коммунистической партии Китая, Си Цзиньпин выдвинул важный тезис о «модернизации по-китайски», а центральной задачей является всестороннее содействие великому омоложению китайской нации посредством модернизации по-китайски [Дай Юци, Яо Найвэнь, 2024: 74]. После XVIII Всекитайского съезда руководство Коммунистической партии Китая во главе с Си Цзиньпином большое значение наследованию и развитию китайской превосходной традиционной культуры и четко выдвигает основную теоретическую точку зрения «сочетания основных принципов марксизма с конкретными реалиями Китая и сочетания их с превосходной традиционной культурой Китая», что открывает новую сферу сочетания основных принципов марксизма с конкретными реалиями и особенностями времени в Китае. Это открыло новую сферу сочетания основных принципов марксизма с конкретными реалиями и особенностями времени в Китае.

По сути, это неизбежное требование китайской модернизации. Модернизация китайской культуры неизбежно имеет двойную задачу: изучить и представить

корни и линии западной цивилизации, тем самым предоставив нам ссылку для критики наших собственных культурных традиций, и собрать и передать традиции китайской цивилизации, тем самым обеспечив основу для реализации и продвижения ценностей нашей собственной цивилизации. Таким образом, миссия перехода к модернизации заключается в пропаганде слияния марксизма с сущностью традиционной китайской культуры и интеграции с конкретной реальностью Китая посредством критической ассимиляции, трансформации и развития.

С точки зрения социальной практики, в период все более тесных глобальных связей, растущей экономической мощи, социальной жизнеспособности и глобального влияния, конструирование субъективности современной китайской культурной мысли и определение культурной идентичности современного китайского народа становятся все более и более заметными. Однако в связи с неизбежным столкновением различных культур и ценностей, вызванным социальными преобразованиями, заменой и разрушением традиционного порядка и, в частности, вторжением и деконструкцией традиционной китайской культуры современной западной культурой, поиск «субъективности» и «культурной идентичности» все больше сосредоточивается на отношении к традиционной культуре. В частности, в результате вторжения и деконструкции традиционной китайской культуры современной западной культурой поиск «субъективности» и «культурной идентичности» становится все более и более сосредоточенным на нашем отношении и подходе к традиционной культуре. Поэтому творческое преобразование и инновационное развитие традиционной китайской культуры стало важной миссией времени [Ли Цзунгуй, 2023].

На теоретическом уровне идея содействия «творческому преобразованию и инновационному развитию» традиционной китайской культуры является новой культурной концепцией, выдвинутой современным китайским марксизмом в ответ на проблему культурного наследия, и представляет собой политическую высоту и научные взгляды Коммунистической партии Китая на проблему культурного наследия в новую эпоху [Joseph, 24: 111—116]. Хотя диалектический метод мышления в превосходной традиционной китайской культуре и марксистская диалектика родились в разных культурных условиях, они последовательны и едины. Доктрина «инь и ян» и идея «гармонии и различий» в китайской традиционной культуре подчеркивают, что все вещи дополняют друг друга и взаимозависимы, а при определенных условиях они могут превращаться друг в друга. В этом есть нечто общее с марксистским методом материалистической диалектики, который отстаивает единство противоположностей и настаивает на двустороннем анализе противоречий и создании благоприятных условий для превращения обеих сторон противоречия.

Библиографический список / References

(Перевод названий с китайского языка на русский выполнен автором)

- 塞缪尔·亨廷顿. 再论文明的冲突[J]. 新华文摘, 2003 (5): 10—15 = Сэмюэл Хантингтон. Столкновение цивилизаций: пересмотр // Синьхуа Дайджест. 2003. № 5. С. 10—15.
- 习近平著作选读 (第二卷) [M]. 人民出版社. 2023: 456—483 = Избранные труды Си Цзиньпина. Том 2. Народное издательство, 2023. С. 456—483.
- 习近平. 党的二十大精神研讨班在中央党校 (国家行政学院) 开班仪式上的讲话. 2023 (2) = Си Цзиньпин. Выступление на церемонии открытия семинара Дух 20-го съезда партии в Центральной партийной школе (Национальная школа администрации). 2023. № 2.
- 隋灵灵. 中华优秀传统文化在马克思主义中国化进程中的哲学价值底蕴[J]. 理论学刊. 2023 (5): 159 = Суй Линьлин. Философская ценность, лежащая в основе китайской превосходной традиционной культуры в процессе китаизации марксизма // Журнал теории. 2023. № 5. С. 159.
- 薛忠义, 刘子阳. 试论中国文化发展的基本战略[J]. 云南民族大学学报. 2013 (05): 24 = Сюэ Чжуньй, Лю Цзыян. Экспериментальное обсуждение базовой стратегии культурного развития Китая // Журнал Юньнаньского университета национальностей. 2013. № 5. С. 24.
- 代玉启, 姚乃文. 习近平文化思想对中华优秀传统文化的传承与创新[J]. 湖南科技大学学报, 2024 (1): 74 = Дай Юци, Яо Найвэнь. Наследование и инновации культурной мысли Си Цзиньпина о китайской превосходной традиционной культуре // Журнал Хунаньского университета науки и техники. 2024. № 1. С. 74.
- 李宗桂. 中国式现代化的文化形态. 中国社会科学网, 2023 (8) = Ли Цзунгуй. Культурная формация модернизации китайского стиля // Китайская сеть социальных наук. 2023. № 8.
- Joseph S. Nye. Soft power, The Means To Success in Word[M] // Politics, Public Affairs. 2004. С. 111—116.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Цюй И — аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ; Министр по связям с общественностью Комитета партии, Шэньянский технологический институт, г. Шэньян, КНР, 65741386@qq.com

Qu Yi — postgraduate student, Zabaikalsky State University, Chita, Russia; Minister of Publicity of the Party Committee, Shenyang Institute of Technology, Shenyang, PRC, 65741386@qq.com

---

NOUS

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Научная статья

УДК 81:572; 811.9

DOI: 10.46724/NOOS.2025.1.87-98

С. Н. Баринов

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ЭСПЕРАНТО: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты тематики языка эсперанто, созданного с целью оптимизации общения представителей различных народов. По мнению его создателя и лиц, участвующих в его совершенствовании, он обладает целым рядом особенностей, которые должны были придать ему определенные преимущества по сравнению с другими языками. Прошло более 100 лет со времени создания данного языка в 1887 году, он получил признание на международном уровне. В настоящее время эсперанто является одним из самых распространенных плановых языков. Рассмотрение проблематики плановых языков способствует углублению знаний по перспективам развития других, в том числе и естественных, языков, готовит предпосылки для создания универсального языка. В статье рассмотрены некоторые из особенностей языка эсперанто и произведен анализ факторов, оказывающих влияние на его развитие и распространение. Проведена оценка тактического и стратегического преимуществ языка, точности при применении метода обратного перевода. В ходе анализа способности языка удовлетворению потребностей человека применена классификация, разработанная П. В. Симоновым. Наглядно показано сравнение детализации некоторых ключевых понятий в разных языках. В статье формулируются вопросы для дальнейшей разработки тематики.

Ключевые слова: эсперанто, плановый международный язык, языковой барьер, эволюция языка, потребности человека, стратегические преимущества языка.

Ссылка для цитирования: Баринов С. Н. Философия языка эсперанто: тренды и перспективы // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 87—98.

Original article

S. N. Barinov

PHILOSOPHY OF THE ESPERANTO LANGUAGE: TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. The article discusses some aspects of the subject of the Esperanto language, created with the aim of optimizing communication between representatives of different nations. According to its creator and those involved in its improvement, it has a number of features that should have given it certain advantages over other languages. More than 100 years have passed since the creation of this language in 1887, it has received international recognition. Currently, Esperanto is one of the most widely spoken planned languages. Consideration of the problems of planned languages helps to deepen knowledge on the prospects for the development of

---

© Баринов С. Н., 2025

Ноосферные исследования. 2025. Вып. 1. С. 87—98 •

other, including natural, languages, and prepares the prerequisites for the creation of a universal language. The article examines some of the features of the Esperanto language and analyzes the factors influencing its development and spread. An assessment was made of the tactical and strategic advantages of the language, accuracy when using the reverse translation method. In the course of analyzing the ability of language to meet human needs, the classification developed by P.V. Simonov. A comparison of the detail of some key concepts in different languages is clearly shown. The article formulates questions for further development of the topic.

Keywords: Esperanto, planned international language, language barrier, language evolution, human needs, strategic advantages of the language.

Citation Link: Barinov S. N. (2025) Philosophy of the Esperanto language: trends and prospects, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 87—98.

Эсперанто является плановым международным языком, созданным с целью оптимизации общения представителей различных народов. Первоначальный его вариант разработан варшавским лингвистом и врачом Лазарем (Людвиком) Марковичем Заменгофом. Эсперанто (*esperanto* — надеющийся) задумывался как идеальный язык, не имеющий недостатков естественных языков (исключений, сложных склонений, спряжений и т. д.). Обладает целым рядом особенностей, которые, по мнению его создателя и лиц, участвующих в его совершенствовании, должны были придать ему определенные преимущества по сравнению с другими языками. В настоящее время язык эсперанто регулируется Академией эсперанто.

Прошло более 100 лет со времени его создания в 1887 году, язык эволюционировал от своей исходной структуры. Как культурное явление он может рассматриваться в координатах возникновения, развития и упадка. Из всех плановых языков, имеющих в настоящее время значительное количество, он прошел самый долгий путь. На этом пути из прошлого в будущее он проходил стадии бурного развития и упадка. В настоящем он имеет значительный базис фактов своего функционирования. Однако в задачи данного исследования входит рассмотрение только ряда особенностей самого языка и его функциональных связей с объектами, на которые он оказывает влияние и которые, в свою очередь, влияют на него. Анализ перспектив его развития или констатация их отсутствия представляет своего рода значимую прикладную проблему, при изучении которой можно углубить знания по перспективам развития других, в том числе и естественных, языков. Предложенная тема является настолько сложной и многогранной, что произвести ее полный анализ в рамках данной статьи не представляется возможным, это скорее проработка некоторых элементов проблемы и обозначение открытых вопросов для дальнейшего осмысления данной темы.

Эсперанто является достаточно успешным по сравнению с другими плановыми языками. Проиллюстрировать это можно следующим примером. Так, плановый язык интерлингва (*Interlingua*), разработанный в 1936—1951 годах большим коллективом ученых-лингвистов, не имеет такого количества носителей¹, как эсперанто, количество лиц, владеющих которым в той или иной степени

¹ «1500 ± 100 человек» по данным ресурса wikipedia.org на 2000 год.

оценивается «от ста тысяч до двух миллионов человек, говорящих на эсперанто, причем примерно для двух тысяч человек эсперанто является родным»². Эсперанто получил определенное признание на международном уровне. На эсперанто издаются переводные и оригинальные книги, журналы, снято несколько фильмов. Однако распространен он по народам и государствам неравномерно, большинство эсперантистов живет в Европейском союзе. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в России владеют эсперанто 992 человека³. В ряде стран в определенные периоды времени он входил в систему образования, потом по ряду причин был исключен из нее. С 2016 года эсперанто поддерживается в Яндекс.Переводчике. Рассмотрение истории нашей страны через процесс развития и упадка данного языка позволяет придать процессу изучения отечественной истории особую специфику и детализацию.

С точки зрения лингвистики, прослеживается идея упрощения языка. Всего же в языке эсперанто 16 правил, простая грамматика и отсутствие исключений, один артикль (la). Слова читаются в соответствии с алфавитом так же, как и пишутся (принцип «одна буква, один звук»). «Когда Заменгоф изучил английский (уже после немецкого, французского, латинского и греческого), он решил, что международный язык должен иметь сравнительно простую грамматику с широким использованием суффиксов и префиксов для образования производных слов»⁴. Эти и другие элементы упорядоченности и упрощения делают данный язык более простым в изучении по сравнению, например, с английским. Сравнительная легкость изучения является существенным преимуществом, так как на изучение иностранных языков обычно уходит много времени и сил, а результаты у большей части обучающихся невысоки. Эсперанто составлен из нескольких европейских языков (индоевропейской группы, семьи), т. е. для многих людей на территории распространения родственных языков будет определенное количество узнаваемых слов и конструкций языка, которые положительно скажутся на процессе изучения. Однако, вероятно, что на территории распространения других групп языков это преимущество будет снижено. Есть опасение, что эсперанто разрушит национальные языки, для нейтрализации этого возможного процесса эсперанто позиционируется именно как второй (вспомогательный) после родного. К положительным моментам обычно относят нейтральность (внеэтничность), то есть эсперанто не связан с каким-либо государством или нацией.

Рассмотрим некоторые движущие силы распространения языка через рост количества носителей. Связь живых организмов, в том числе и человека, с внешней средой формируется на основе потребностей, которые выступают в качестве источника активности, своего рода «конечная причина» *causa finalis* (лат.), если помнить об аналитической схеме Аристотеля. Поэтому целесообразно проанализировать, как может владение тем или иным языком способствовать удовлетворению потребностей. Для осуществления анализа применим упрощенную (без детализации) классификацию потребностей, разработанную П. В. Симоновым, который выделял витальные (биологические), социальные и идеальные (познание, творчество) потребности [Симонов, Ершов, 1984: 24].

² По данным ресурса руни.рф.

³ По данным ресурса view.officeapps.live.com.

⁴ По данным ресурса ruwiki.ru.

Сравним удовлетворение потребностей относительно владения такими языками, как английский и эсперанто. При взгляде с позиций витальных потребностей, если владеть английским идеально или средне, то можно претендовать на получение работы по специальности в англоязычных и некоторых неанглоязычных странах. Эсперанто такой возможности не дает. При взгляде с позиций социальных потребностей английский позволяет расширить круг общения на несколько сотен миллионов человек. Эсперанто — максимум два миллиона человек дополнительно. С позиции идеальных потребностей, английский позволяет читать в подлиннике Ч. Дарвина, Л. Бёрбанка, И. Ньютона, У. Шекспира и многих других. Применительно к эсперанто такая возможность явно ниже. Этот схематичный пример наглядно демонстрирует то, почему большинство людей не мотивированы на изучение языка эсперанто, так как это еще и вопрос целесообразности, окупятся ли затраты и усилия? Сейчас эпоха различных электронных устройств и различных «умных» программ, например голосового перевода с языка на язык при использовании мобильного телефона. После достижения общедоступности мобильного машинного перевода необходимость изучения языка для осуществления коммуникации между людьми существенно снижается. Остается открытым вопрос: кто является основой в группе носителей языка эсперанто?

В настоящее время нишу международного языка занимает английский язык (3 миллиарда пользователей). Эту нишу в разные периоды занимали другие языки (латинский, французский, немецкий). Смена лидеров определенным образом связана с расширением сферы влияния ключевых цивилизаций. Так, в частности, период формирования и расцвета классического латинского языка был связан с превращением Рима в крупнейшее государство Средиземноморья [Покровская, Кацман, 1987: 8, 9]. Для занятия этой ниши другим языком он должен быть продвинут в нее путем возрастания экономического, политического и интеллектуального влияния народов, захватывающих ведущую роль на мировой арене, в центре мира. Кроме того, вероятно, занятию ниши международного языка способствуют такие его характеристики, которые обеспечивают людям преимущество в индивидуальной, групповой или международной борьбе.

Эсперанто относительно молодой язык, с претензией на межнациональный уровень, т. е. он должен подходить множеству различных людей, различных по конфигурации репрезентативной системы, по родному языку, полученному образованию и т. д. Для выполнения такой задачи язык должен обладать явными элементами преимущества, тактического или стратегического. С точки зрения тактики конкретного человека ниша международного языка занята английским. С точки зрения стратегии вопрос существенно сложнее. Для того чтобы несколько прояснить сущность данного вопроса, рассмотрим несколько граней стратегичности. Для оценки стратегичности языка можно использовать следующие аспекты: адекватность (т. е. точность и адаптивность) — это приспособительная изменчивость при постижении мира носителем языка, включая и перевод с одного языка на другой; целеустремленность — расширение области применения и его усложнение; инновационность — структурное или функциональное преимущество по сравнению с конкурирующей системой, выход на новый уровень.

При рассмотрении аспекта адекватности упрощенная структура языка актуализирует вопрос о возможном недостаточном богатстве языка. На этот вопрос могли бы ответить профессиональные переводчики, писатели и особенно поэты, которые, возможно, ближе других к интуитивному пониманию «совершенного слова» *sermo perfectus* (лат.). Для сравнения была проведена оценка точности перевода текстов с русского на английский, эсперанто и обратно для сравнения количества ошибок при переводе, такой метод носит название «обратный перевод» [Чарычанская, 2003: 1]. В данном случае перевод стандартных выражений и отрывка стихотворения С. Кековой осуществлен при использовании компьютерных программ перевода «Яндекс» и «Google». Оценка адекватности (точности) перевода производилась по упрощенной процедуре, только для сравнения количества ошибок при переводе с русского на английский, эсперанто и обратно. Конечно, надо знать базу, заложенную в сервис машинного перевода, вполне возможно, что система обучена на перевод именно этих строк, и она распознает текст и выдает художественный перевод, выполненный ранее человеком. Поэтому для анализа были использованы малораспространенные тексты (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение количества ошибок, допущенных в ходе прямого и обратного машинного перевода текстов при использовании компьютерных программ перевода «Яндекс» и «Google»

Исходный вариант текста	Перевод	Обратный перевод на исходный язык	Перевод	Обратный перевод на исходный язык
1	2	3	4	5
Переводчик «Яндекс»				
Русский	Английский	Русский	Эсперанто	Русский
Мать-сыра земля	Mother Earth cheese	Мать-Земля-сыр	Patrino tero fromaĝo	Мать-Земля-сыр
Тоска засла	The longing is stuck	Страстное желание застряло	La sopiro estas blokita	Страстное желание заблокировано
Охота пуще неволи	Hunting is more difficult than captivity	Охота гораздо труднее, чем плен	Ĉasado estas pli malfacila ol kaptiteco	Охота гораздо труднее, чем плен
Ты идешь в сухом песке по плечи, хочешь ты переступить черту, но язык, источник чуждой речи, Богом перевернутый во рту [https://www.vavilon.ru]	You walk in dry sand up to your shoulders, you want to cross the line, but the language is the source of alien speech, God inverted in the mouth	Ты идешь по сухому песку по плечи, ты хочешь пересечь черту, но язык — источник чужой речи, перевернутый Бог в твоих устах	Vi marŝas en seka sablo ĝis viaj ŝultroj, vi volas transiri la limon, sed la lingvo estas la fonto de fremda parolado, Dio inversigita en la buŝo	Ты идешь по сухому песку по плечи, ты хочешь пересечь границу, но язык — источник иностранной речи, перевернутый Бог во рту

Переводчик «Google»				
Мать-сыра земля	Mother Earth	Мать Земля	Patrino estas la malseka tero	Мать-влажная земля
Тоска заела	Tosca took over	Тоска взяла верх	Melankolio estas blokita	Меланхолия застряла
Охота пуще неволи	Hunting is more difficul than captivities	Охота хуже неволи	Ĉasado estas pli malbona ol sklaveco	Охота хуже рабства
Ты идешь в сухом песке по плечи, хочешь ты переступить черту, но язык, источник чуждой речи, Богом перевернутый во рту [https://www.vavilon.ru]	You walk in dry sand up to your shoulders, you want to cross the line, but the language, the source of alien speech, turned upside down by God in your mouth	Ты идёшь по плечи в сухом песке, ты хочешь перейти черту, но язык, источник чужой речи, перевернутый Богом в твоём рту	Vi marŝas en seka sablo ĝis viaj ŝultroj, ĉu vi volas transpasi la linion sed lingvo, la fonto de fremda parolo, Dio renversigis en mia buŝo	Ты ходишь по сухому песку по плечи, ты хочешь пересечь черту? но язык, источник иностранной речи, Бог перевернулся у меня во рту

Как следует из таблицы 1, разница между переводом выражения в парах русский — английский и русский — эсперанто незначительна. В переводах двух первых выражений присутствуют ошибки, особенно в переводчике «Яндекс», переводчик «Google» справляется несколько лучше. Выражение «тоска заела» точнее переводится через английский язык, выражение «Мать-сыра земля» точнее через язык эсперанто. «Охота пуще неволи» переводится совершенно неудовлетворительно во всех вариантах. Также стихотворное четверостишие в переводчике «Яндекс» в переводе через эсперанто содержит больше ошибок, чем через английский перевод. В переводчике «Google» перевод через оба языка содержит ошибки, но в переводе через эсперанто их значительно больше. То есть видно, что при переводе часто теряется сакральность (неявная суть выражения). Возможно дело в определенных алгоритмах перевода, однако перевод через английский язык в сложных вариантах получает преимущество, что, возможно, связано с большей структурной сложностью языка. При примерно равном качестве (точности) передачи информации, но меньших затратах на обучение эсперанто, несомненно, получил бы преимущество, но в большинстве случаев точность имеет решающее значение. Еще больше трудностей возникает при переводе с языков, имеющих существенные отличия в структуре, особенно это касается идиоматических выражений. В качестве примера можно привести китайские иероглифы, представляющие собой логограммы (идеограммы). Даже один иероглиф перевести на русский язык сложно, что же говорить об идиоматических выражениях, которые состоят из 4 и более иероглифов. Например, глубинный смысл выражения «Высокие Горы, Быстрые Воды» контекстно переводится как «понимать друг друга без слов». Таким образом, надо отметить, что в настоящее время при переводе с одного языка на другой частично теряется сакральность текста, его глубина, скрытый смысл.

Так как человек живет в изменчивом мире и эволюционирует, языкам необходимо быть максимально способными адаптироваться к меняющимся потребностям человека и общества, отражать технологические достижения.

Однако оценить скорость адаптивности (изменчивости) языка хотя бы по такому параметру, как скорость расхождения письменности и разговорного языка, по ряду причин не представляется возможным. Эсперанто продолжает воспроизводиться на протяжении более 100 лет и, вероятно, даже расширять количество людей, осваивающих его. Происходит это, по данным из доступных источников, без существенных финансовых вливаний, в отличие от национальных языков, которые изучают в государственных и частных школах. Вероятно, имеет значение энтузиазм (целеполагание) определенной группы людей. Таким образом, данный плановый язык показывает достаточную устойчивость к неблагоприятным воздействиям и выживает в условиях сильнейшей конкуренции. Молодые функциональные системы часто обладают более высокой адаптивностью в силу меньшего количества накопленных ошибок, что можно продемонстрировать на примере индивидуального развития организмов.

Раннее усвоение двух или более языков может оказывать существенное влияние на развитие человека. «В русской традиции знаменателен пример двуязычия Пушкина. Короткие планы произведений, написанные им по-французски, вместе с другими его французскими текстами позволяют предположить, что два основных его языка различались функционально: языком поэтического выражения по преимуществу был русский.... А французский был главным языком логического рассуждения...» [Иванов, 2004: 124]. Как следует из цитаты, для достижения высоких результатов иногда желательно обладать расширенным языковым спектром. С позиции ключевых архетипов человека, к недостаткам эсперанто может быть отнесен принцип образования слов женского рода от слов мужского рода. В эсперанто слово мать (*patrino*) происходит от слова отец (*patro*).

Интересно сравнить детализацию некоторых ключевых понятий в разных языках, включая эсперанто. Рассмотрение вопроса с позиции детализации обусловлено тем фактом, что более структурно детализированная система в какой-либо сфере является и более адаптированной. Так, например, количество слов для обозначения снега у ряда народов существенно больше, чем у других. В данном случае проанализировано сходство трех слов: душа; дух; жизнь (табл. 2).

Таблица 2

Развитие (детализация) системы смыслов в языках

Язык / слово Русский	Душа	Дух	Жизнь
Арабский	الروح [alroh]	الروح [alroh]	الحياة [alhiat]
Персидский	روح [roh]	روح [roh]	زندگی [zendgi]
Санскрит	आत्मा aatma	आत्मा aatma	जीवनम्
Армянский	hnq̄h [hogi]	Ոգի [vogi]	Լայֆ [layf]
Болгарский	душа	дух	живот
Китайский	灵魂 [líng hún]	精神 [jīng shén]	生活 [shēng huó]
Латинский	anima	animus	vita
Английский	Soul [səʊl]	Spirit ['spirit]	Life [laɪf]
Греческий	Ψυχή [psychí]	Πνεύμα [pnévma]	Ζωή [zoí]
Итальянский	Anima ['anima]	Spirito ['spirito]	Vita ['vita]
Немецкий	Seele ['ze:lə]	Geist [gaɪst]	ein Leben [aɪn 'le:bɐn]
Эсперанто	animo	spirito	vivo

Анализируя развитие (детализацию) системы смыслов в языках, можно выделить три группы (табл. 2). В первой группе, к которой относятся: арабский, персидский и санскрит, «дух» и «душа» обозначаются одним и тем же словом. Во второй группе: армянский, болгарский, китайский, латинский, русский — разделение понятий присутствует, но в словах наблюдается определенное сходство. В третьей группе: английский, греческий, итальянский, немецкий, эсперанто — слова различны. Сходство в словах «дух» и «жизнь» по разным языкам при поверхностном анализе не прослеживается. Потенциально можно также рассматривать, какие из слов являются исходными. Интересно определенное совпадение — сходство слова «жизнь» на русском и санскрите. К уточнению этих вопросов, видимо, необходимо привлечь профессиональных лингвистов.

Аспект целеустремленности как качества применить к языку сложно, так как она обычно рассматривается применительно к человеку и подразумевает динамику в движении к цели. Будем подразумевать под целеустремленностью расширение области применения и усложнение языка, обусловленное приспособлением к конкретным условиям. Такой процесс характерен для биологических систем и носит название биологического прогресса. Если область применения языка расширяется, то, соответственно, он находится в состоянии прогресса, который может достигаться разными путями. Изначально эсперанто был создан как простой язык, но постепенно он стал усложняться и в нем появилось несколько языковых течений. Однако область применения данного языка расширяется незначительно, так как язык не поддерживается государствами. Для того чтобы подчеркнуть многогранность и дискуссионность данной проблемы, можно привести цитату П. В. Симонова «Цель науки — истина. Цель искусства — правда» [Симонов, 1981: 135]. Научные, а в особенности естественнонаучные языки, более емки, чем обычные языки: «В отличие от обывденного языка людей язык науки носит значительно более резко выраженный кодовый характер. Глубина кодирования, или, иначе, информационная емкость понятий, растет во времени по мере развития научных концепций» [Налимов, 1979: 131]. Для сравнения и наглядности необходимо привести пример латинского языка, который в течение веков доказал свою состоятельность в качестве языка науки. Представляется целесообразным рассмотреть возможность вернуть его в некоторые школы и вузы в качестве факультатива, возможно, после его некоторой модернизации.

Целесообразно упомянуть о целеустремленности поддерживающих эсперанто группы людей: «В психологии, как и в биологии, мы не можем позволить себе упустить из виду или недооценить вопрос о происхождении, хотя ответ на него обычно ничего не говорит нам о функциональном значении. По этой причине биология никогда не должна забывать о цели, ибо только установив цель, мы можем постичь смысл того или иного явления» [Юнг, 2019: 313]. Принимая эту цитату в качестве центральной позиции, обратимся к вопросу предназначения языка как системы предназначенной, прежде всего, для целей коммуникации. В качестве иллюстрации рассмотрим такое явление, как языковой барьер. С одной стороны, наличие языкового барьера — это препятствие на пути распространения информации и безграничной коммуникации, а с другой, это одновременно и защита от неограниченного распространения информации, своего рода «культурное эмбарго». Определенный уровень автономности систем неслучаен. Любой вненациональный язык не соответствует одной из функций

национальных языков — определения идентичности, что находится в сфере внимания элементов системы управления. Особенно ярко это проявилось в ряде государств в начале XX века. Исходя из анализа истории развития эсперанто, можно сделать вывод, что периодически процесс развития данного языка входил в конфликт с идеологическими парадигмами государств. Таким образом, самым перспективным путем анализа ситуации является ее анализ с помощью методологического аппарата теории конфликтов. Наличие в стране значительного количества людей, владеющих широко распространенным международным языком, может при определенных условиях отрицательно влиять на функциональность системы управления. В мировой культуре имеется абстрактный образ, наглядно иллюстрирующий аспекты этой проблематики, — это миф о Вавилонской башне: «И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать» [Библия, 2000: 20]. Осознанным опытом владения одним языком человечество не располагает, к чему это приведет — вопрос открытый.

При анализе аспекта инновационности эсперанто можно рассмотреть структурное или функциональное преимущество этого языка по сравнению с конкурирующими системами и выход на новый уровень. При использовании планового языка возникает вопрос его естественности. Естественный язык создается долго и большим количеством людей, несомненно, при участии интуиции и является самой основой (сутью) выражения их мышления, срединным путем. Плановый язык создается незначительным количеством людей, имеющих определенные особенности конфигурации репрезентационной системы, происходит это за ограниченный промежуток времени и логики в этом процессе, вероятно, больше, чем интуиции. Отсюда остро встает вопрос о способности языка к выражению интуитивного понимания (мистическое соучастие) сути происходящего для всего объема людей, которым он предлагается. Конечно, частично этот вопрос снимается тем, что эсперанто позиционируется как второй, вспомогательный язык, да к тому же со времени своего создания он прошел определенный эволюционный путь, в котором участвовало значительное количество людей.

На наш взгляд, эсперанто не имеет явных структурных или функциональных преимуществ по сравнению с другими языками, соответственно, не происходит его выхода на новый уровень. Его единственным преимуществом пока остается простота изучения. Однако в настоящее время сравнительная легкость изучения является существенным преимуществом. Если рассматривать язык как биологическую систему, то к ней можно применить некоторые понятия и методы эволюционной системы. Адаптивная специализация путем приспособления к определенным условиям ведет к возникновению внутренних противоречий в системе. В процессе развития языка внутренние противоречия накапливаются, что делает язык менее адаптивным. Эсперанто — молодой упрощенный язык, следовательно, количество внутренних противоречий будет меньшим, чем у более старых и тем более сложных по структуре языков. Следовательно, при упрощенной структуре и минимальном количестве противоречий такой язык обладает высокой адаптационной способностью и сравнительно легко внедряется в пространство устоявшейся системы языков и может захватить часть их пространства. Однако, вероятно, эсперанто будет постепенно усложняться в связи с необходимостью адаптации.

Тогда возникает закономерный вопрос: на чем должно строиться превосходство (инновационность), чтобы выход на новый уровень был более пролонгированным? Здесь возможной точкой приложения может стать интуитивное высказывание, наиболее удачно сформулированное китайским мыслителем Чжуан-Цзы: «Слова нужны, чтобы поймать мысль, когда это сделано, про них забывают. Как бы мне найти человека, забывшего слова, и поговорить с ним» [Поэзия и проза..., 1973: 328]. Сознание чаще всего оперирует дискретными символами структурирования информации, что представляет определенные трудности. Вероятно, частично эта погрешность может снижаться при выражении мысли через вариативность и образность поэзии: «Особенно следует сказать о русском варианте говорения с природой — через русскую поэтическую и прозаическую (литературную) философию» [Смирнов Г., Смирнов Д., 2017: 11]. Языки рождаются и развиваются, появляются новые языки, они конкурируют, трансформируя и поглощая друг друга, количество естественных языков уменьшается. Вероятно, что этот процесс подчиняется общим закономерностям развития природы и общества как его структурной части. «Принцип Догеля — цикличность процессов полимеризации и олигомеризации, по-видимому, может трактоваться значительно шире и использоваться для объяснения многих исторических процессов» [Воронцов, 1999: 145]. Эсперанто является наглядным примером попытки создания универсального языка. Однако сколько потребуются этих попыток? Как сказано у Ефремова в «Часе Быка»: «Развитие живой природы построено на слепой игре в пробы. Природа в развитии своих структур сыграла уже триллионы бросков "игральных костей", а человек гордится самыми первыми пробами, как мудрым экспериментом. На деле их нужно великое множество, чтобы догнать сложность природы и проникнуть в уже решенные ею вопросы» [Ефремов, 1989, 5: 261]. Иван Ефремов в своих произведениях дает завуалированную отсылку на разработчиков систем эффективного управления (отбора). Подходят Питирим Сорокин, Лоуренс Джонстон Питер и Питер Фердинанд Друкер. Питирима Сорокина относят к основоположникам научного изучения отрицательного отбора в социологии. Часть своего жизненного пути Питирим Сорокин провел в Кинешме и Иваново-Вознесенске, где также осуществлял подбор материалов, которые легли в основу его трудов. Перспективной является идея симбиогенеза, история возникновения которой достаточно подробно изложена Н. Н. Воронцовым (Воронцов, 1999: 487—497), наработки которой можно применить при условии сохранения достижений всех языков, в том числе и не человеческих.

В человеке живет желание получить возможность понимать язык животных, это отражено в сказках и мифах [Афанасьев, 2006: 26; Сравнительный указатель сюжетов..., 1979: 173], где герою (протагонисту) дается возможность пользоваться истинным языком. Сигналы, используемые в языке человека, весьма произвольны, так как по своим физическим особенностям они не похожи на характеристики окружающего мира, которые они обозначают. Символизм языка, однако, характерен не только для человека: «Это абстрактное качество обнаружено также и в коммуникативном поведении медоносных пчел (*Apis mellifera*)... Танец медоносной пчелы во многих отношениях является символическим» [Мак-Фарленд, 1988: 444—445]. Интересный пример приведен в книге канадского натуралиста Ф. Моута [Моут, 2002: 98—101], описывающего, как один из аборигенов (иннунт) понимал сигналы, передававшиеся между

территориальными группами волков, и получал от этого выгоду. У А. И. Афанасьева в аналитической психологии видим, что собака (волк) предстает в качестве психопомпа в мифологии разных народов [Афанасьев, 2006: 223; Зеленский, 2008: 106].

Ряд лингвистов считает, что общий язык — тема будущего. «Пока — временно? — отступила на второй план задача выработки единого языка для человечества на земле (при выборе способа общения уже существующего, как английский, или специально разработанного, как эсперанто или в большей степени теоретически обоснованные языки...)» [Иванов, 2004]. Время универсального языка настанет тогда, когда для этого волей-неволей (лат. — *volens nolens*) сложатся необходимые условия. Такой язык как система оптимальной связи объектов между собой, вероятно, должен быть построен на основе адекватности, целеустремленности, инновационности, а также непрерывно высокой эффективности путем нейтрализации предпосылок отрицательного отбора.

Библиографический список / References

- Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
(Afanasyev A. N. *Mythology of Ancient Rus'*, Moscow, 2006, 608 p. — In Russ.)
- Библия. М.: Российское библейское общество, 2000. 1270 с.
(Bible, Moscow, 2000, 1270 p. — In Russ.)
- Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Изд-во Отдел УНЦ ДО МГУ, Прогресс-Традиция, АБФ, 1999. 640 с.
(Vorontsov N. N. *Development of evolutionary ideas in biology*, Moscow, 1999, 640 p. — In Russ.)
- Ефремов И. А. Час Быка // Ефремов И. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5, кн. 2. М.: Молодая гвардия, 1989. 430 с.
(Yefremov I. A. *The Hour of the Bull*, in Yefremov I. A. Collected works: in 5 vols, vol. 5, book 2, Moscow, 1989, 430 p. — In Russ.)
- Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-Центр, 2008. 187 с.
(Zelensky V. V. *Explanatory dictionary of analytical psychology*, Moscow, 2008, 187 p. — In Russ.)
- Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
(Ivanov V. V. *Linguistics of the third millennium: Questions for the future*, Moscow, 2004, 208 p. — In Russ.)
- Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция: пер. с англ. М.: Мир, 1988. 520 с.
(McFarland D. *Animal behavior: Psychobiology, ethology and evolution*, Moscow, 1988, 520 p. — In Russ.)
- Моут Ф. Не кричи: «Волки!»; пер. с англ. М.: Олимп; АСТ, 2002. 173 с.
(Mout F. *Don't shout: «Wolves!»*, Moscow, 2002, 173 p. — In Russ.)
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 304 с.
(Nalimov V. V. *Probabilistic model of language. On the relationship between natural and artificial languages*, Moscow, 1979, 304 p. — In Russ.)

Покровская З. А., Кацман Н. Л. Латинский язык: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1987. 368 с.

(Pokrovskaya Z. A., Katsman N. L. *Latin language: textbook*, Moscow, 1987, 368 p. — In Russ.)

Поэзия и проза Древнего Востока / ред. И. Брагинский. М.: Художественная литература, 1973. 735 с.

(Braginsky I. *Poetry and prose of the Ancient East*, Moscow, 1973, 735 p. — In Russ.)

Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 167 с.

(Simonov P. V. *The emotional brain*, Moscow, 1981, 167 p. — In Russ.)

Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. 162 с.

(Simonov P. V., Yershov P. M. *Temperament. Character. Personality*, Moscow, 1984, 162 p. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. В поисках ноосферного языка: актуализация и проблематизация глобального сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 2 (17). С. 5—14.

(Smirnov G. S., Smirnov D. G. In search of a noospheric language: actualization and problematization of global consciousness, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2017, no. 2 (17), pp. 5—14. — In Russ.)

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Ленинград: Наука, 1979. 438 с.

(Barag L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. *Comparative index of plots. An East Slavic fairy tale*, Leningrad, 1979, 438 p. — In Russ.)

Чарычанская И. В. Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода // Вестник Воронежского государственного университета. 2003. № 2. С. 50—58.

(Charychanskaya I. V. Reverse translation as a tool for comparing and analyzing original and translated texts, *Voronezh State University Bulletin*, 2003, no. 2, pp. 50—58. — In Russ.)

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 496 с.

(Jung K. G. *Archetypes and the collective unconscious*, Moscow, 2019. 496 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Баринов Сергей Николаевич — кандидат биологических наук, консультант, ИРО ОГО ВФСО «Динамо», г. Иваново, Россия, barinowsergei@mail.ru

Barinov Sergei Nikolaevich — Candidate of Sciences (Biology), consultant, Ivanovo regional branch «Dynamo», Ivanovo, Russian Federation, barinowsergei@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

---

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.py: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

---

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

На обложке:

репродукция работы Марии Бокаревой «Рассвет»
(Палех, 2015, личная коллекция)

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2025. Вып. 1

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Корректор *В. А. Киселева*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 31.03.2025.

Уч.-изд. л. 7,6. Объем 7,5 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**NOOSPHERIC
STUDIES**

ONLINE EDITION

2025

1

TOPIC OF THE ISSUE

**UNIVERSUMS OF THE REGIONAL
PHILOSOPHY IN RUSSIA**